

Предисловие переводчика

Авраам Мапу родился в семье еврейского учителя в 1808 году в селе Слободка (ныне в черте города Каунаса) и умер в 1867 году в городе Кенигсберге (ныне Калининград). Авраам обладал блестящими способностями к учению. В молодые годы самостоятельно изучил несколько языков – латинский, французский, немецкий. Его знание Библии и талмудической литературы отличалось незаурядной глубиной. Будущий писатель увлекался каббалой. В последствии примкнул к движению просвещения. Как и отец, Авраам зарабатывал на жизнь учительствованием. Этот труд он совмещал с литературным трудом. Сочиненные им романы написаны на иврите.

Самое известное произведение Мапу – роман “Сионская любовь”. Вещь вышла в свет в 1853 году и была переведена на различные еврейские языки: идиш, ладино, языки бухарских и арабских евреев. В 19 и в начале 20 века роман переводился на французский, английский, немецкий и русский языки. Книга приобрела большую популярность в Европе и на Востоке. Известны переработки вещи для сцены. Интерес к роману не угас и по сей день. Последнее его издание на английском языке появилось в 2006 году.

“Сионская любовь” – это прежде всего книга о любви двух юных сердец. Действие происходит на историческом фоне древнего иудейского царства в 7-8 веках до н.э. – время вторжения ассирийских завоевателей в Иудею и эпоха борьбы с язычеством в еврейской среде. Сложный сюжет, романтика и героика, величие природы, столкновение добрых и злых сил, счастливая развязка – вот некоторые черты этого увлекательного романа.

Важной особенностью произведения является его библейский язык. В текст романа щедро вкраплены перефразированные выражения из Библии. Вдохновленный патриотическим и благородным звучанием древних писаний, Мапу создал вещь, далеко выходящую за рамки любовно-исторического жанра. Как глубок и неоднозначен библейский язык, так глубоко и неоднозначно произведение Авраама Мапу. Устами героев романа обсуждаются вечные моральные проблемы: добро и зло, праведность и греховность, вера и безверие, реальность и мистика, щедрость и алчность, гордость и унижение. Зачастую в белом присутствует черное, а в черном – белое. Характеры и поступки героев порой противоречивы и непоследовательны и потому жизненны. Книга эмоциональна и поэтична.

Роман “Сионская любовь” традиционно считается достоянием еврейской литературы, но, поскольку в основу произведения положены мотивы общечеловеческие, интерес к нему не ограничивается национальными рамками.

Стоит заметить, что имена и географические названия, которые употребляются в русском языке относительно часто, сохранены в их привычном русском звучании: пророк Исая, город Иерусалим. Имена и названия, упоминаемые реже, даны в их оригинальном приношении на иврите, например, царь Хизкияу (по-русски Езекия), город Бейт Лехем (по-русски Вифлеем) и так далее. Название “Сион” используется в романе, как синоним Иудеи. Для понимания исторической части романа следует принять во внимание, что Иудея в период царствования Хизкияу в основном приняла идею единого Бога. Иудее противопоставлены верные язычеству окружающие царства и города, например, Шомрон (Самария).

Переводчик стремился донести до читателя художественную ценность оригинала, а также передать его стиль - то возвышенный, то поэтический, то простой разговорный. Предпринята попытка создать такой перевод, который одновременно был бы близок сегодняшнему читателю и сохранял бы дух древности и образность языка источников, на которые опирался автор романа.

Переводчик выражает надежду, что плод его труда привлечет внимание современного русскоязычного читателя к практически неизвестному ему роману, литературные достоинства которого не обесценило время.

Дан Берг

АВРААМ МАПУ

СИОНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Перевод с иврита: Дан Берг

Любит Господь врата Сиона.

Псалмы, 86, 2.

Внутри он застлан любовью
дочерей Иерусалима.

Песнь песней, 3, 10.

Глава 1

Воевода Иорам и его окружение

В те года, когда правил Иудеей царь Ахаз, известен был в Иерусалиме воевода по имени Иорам.

Под началом Иорама - войско в тысячу воинов. Богат он и владеет полями и виноградниками на Кармеле и в Шароне, и принадлежат ему стада крупного и мелкого скота в Бейт Лехеме, и казна его полнится золотом и серебром, а жилища украшены слоновой костью, и не счесть в них всякого добра.

А еще, есть у Иорама две жены. Одна из них - Хагит, отца которой зовут Ира, а вторая – Наама. Иорам любит Нааму за красоту. Ревность Хагит не утихает, горе и злоба переполняют сердце ревнивицы: ведь Хагит родила двух сыновей, а у соперницы детей вовсе нет. Зато Наама, что ни скажет и что ни сделает – все хорошо, все в радость. Иорам построил для нее отдельный дом, чтобы уберечь от злых помыслов соперницы.

У Хагит есть служанка, ханаанская невольница, зовут которую Хэла. Иорам отдал ее в жены своему рабу и домоуправителю по имени Ахан.

Друг воеводы, Иядидья по прозвищу Щедрый, крепче брата привязан к Иораму. Сам Иядидья – царских кровей, служит у царя Ахаза управляющим монаршим имением, человек достойный и праведный, молодой и богатый. Знают его, как заступника тех, кто ведает и проповедует слово Божие, ибо велико его пристрастие к чудесной их мудрости, и он слушает и мотаает на ус. Великодушными дарами Иядидья скрашивает их бедность, за что и прозвали его Щедрый.

Времена царствования Ахаза – времена лжи и порока. И лишь Иорам и Иядидья, верные друзья, возвышаются над серой толпой и сияют над ней бесценными алмазами. Чем чернее ночь, тем заметнее огонек вдали. Часто видят обоих среди тех, кто знает слово Божие, кто не расстается с писаниями сына Амоца, пророка Исаяи, что впитал в себя Учение Господа.

Матан сватается к Хагит

Теперь скажем о судьбе по имени Матан. О том самом, отец которого, Иозавад, заработал прозвище Притеснитель. Матан прилепился к Иораму и стал советчиком в делах. Приходит Матан к воеводе словно бы с любовью и открытой душой, но тайно в сердце своем пестует злобу. И это с того самого дня, как возлюбленная его Хагит стала женой воеводы.

За Иозавадом Притеснителем идет слава корыстолюбца, грабящего и угнетающего слабых. Богатство он нажил не по закону и не по справедливости. Высокомерный, он и грубой силой не гнушается и принародно побивает дерзнувших спорить с ним. И никто из потерпевших от жестокого тирана не вернул свое добро.

Среди судившихся и рядившихся с ним был и Ира, отец Хагит. Тяжба велась из-за плодородного поля, целиком принадлежавшего Ире, лучший участок которого незаконно присвоил Притеснитель.

И совпало так, что в дни, когда свершилась сия несправедливость, Матан, сын обидчика, узнал и полюбил Хагит, дочь обиженного. А еще добавим, что алчный стяжатель успел к тому времени состариться и одряхлеть, и не забудем упомянуть также, что юная в ту пору Хагит девичествовала в отцовском доме.

Вот однажды говорит Матан своей возлюбленной Хагит: “Отец мой стар, и уж не за горами дни траура по нем. Я же – единственный наследник огромного богатства. Когда свершится неминуемое, я верну твоему отцу его законное поле и прибавлю еще кусок, что с ним граничит. Об одном лишь молю: сжался над муками моей страсти и воздай ей юной любовью своей”.

Матан не получил прямого ответа Хагит. По приказанию Иры, отца, она не смела лишать Матана надежды, но поступала так вопреки сердцу, ибо оно принадлежало воеводе Иораму, и уж успела она подарить ему свои ласки. Ира же наставлял дочь на одно, а в тайне метил на другое: воеводу хотел в зятья.

Пришло время, и Иозавад Притеснитель умер на радость Матана, сына. И множество обиженных ликовали по смерти злодея. Надеялись, сын вернет награбленное отцом. Но скоро убедились: в жилах наследника течет отцовская кровь.

Явился Матан к Ире, отцу Хагит.

- Умер мой родитель, с которым ты тягался. Забирай назад свое поле и смежное с ним в придачу в счет двух урожаев, что незаконно собрал и присвоил покойный. И знай: я горячо люблю твою дочь. И если считаешь меня достойным себя, назначь какой хочешь выкуп за невесту, любые требуй дары – я готов, лишь отдай мне в жены Хагит.

- Слушай меня, Матан. Родитель твой при жизни обижал слабых и грабил неимущих, и посему тяжелым жерновом придавит тебя вечное проклятье. Какой отец отдаст дочь за человека всем ненавистного? Так вот, если ты и впрямь желаешь стать моим зятем, сделай, как я хочу. Созови к себе всех утесненных и верни им награбленное отцом твоим. Только так отведешь людскую обиду.

- О, милейший господин мой, неслыханно дорогую цену, однако, запросил ты за дочь свою! Но знай, Хагит мне всего дороже. За ценой не постою.

- Если и впрямь поступишь по моему слову, отдам тебе в жены Хагит, лишь истекут дни траура.

Довольным покинул Матан дом Иры и немедля принялся исполнять его волю. К вечеру созвал в дом всех прежде обиженных и при верных свидетелях обратился к людям с такими словами: “Вы – презренные, ибо хоть и безгрешны, но и добродетелей за вами нет. Вы – несчастные и неуспешные, жизнь потратили на тяжбу с отцом, но руки были коротки вернуть утраченное. По смерти его пытались меня склонить на милость, но тщетно: я и слушать не стал. Никто не решился вступить со мной в спор, ибо отлично известно вам, что и я, как и родитель мой, к силе прибегну, и не один не уцелеет, кто дерзнет принародно перечить мне. И вот, я добровольно возвращаю вам добро ваше. Примите в расчет, не силой

или умом достигли вы цели, а лишь по праву доброты моей, и честности моей, и прямоты сердца моего. Я Бога боюсь, и посему вы обретаєте разом недоступное прежде годами”.

Услышав такое, приглашенные принялись восхвалять благодетеля. Пировали и радовались всю ночь напролет и, счастливые, разошлись по домам. А Матан, к всеобщему изумлению, в точности исполнил обещанное, и люди поразились праведности его и с трудом верили своим глазам и ушам. У городских ворот при стечении народа горожане восславили прямоту Матана и провозгласили его судьей.

Пришел срок, назначенный Ирой, и предстал перед ним Матан, чтобы получить причитающееся. И вот, страшная боль пронзила сердце его, когда узнал, что желанная и возлюбленная исчезла. “Я сгораю от стыда, ибо Хагит тайком от меня отдала свои прелести воеводе Иораму”, – сказал Ира. И ясно стало Матану, что хитрец Ира обманул его, а Хагит – лжива и коварна, а праведное деяние, им свершенное, назад не вернуть. Бессилие утешается ненавистью. Злоумышление, что родилось в ту минуту в душе его, Матан скрыл, а вслух же сказал другое.

- Видно, Господь предназначил дочь твою Иораму. Ну, а я не удостоился воздаяния за свершенное благо. Однако, вступивши на путь добра, не сверну с него, и одеяние праведности - не сниму. И дай Бог видеть мне дочь твою счастливой в доме Иорама.

- О, Матан, воистину достоин ты благодарности и восхваления людей честных и прямодушных. Прошу тебя, присоветуй еще милость к твоей милости и пойдешь со мной в дом к Иораму и прости и ему и дочери моей, воздавших злом за добро и разбивших сердце твое, ибо непрощенный грех омрачает им радость, - сказал Ира, взявши Матана за руку.

- Давай, пойдешь. – кротко ответил Матан. А Ира подумал: “Не от большой радости люди лицемерят”.

Пришли оба к Иораму, и Ира поведал ему о благодеяниях Матана и о том, как тот простил воздаяние злом.

- Я смотрю на тебя, как на Бога. Я вижу, ты верен мне и любишь меня, я же отвечу любовью, что проникнет в глубину сердца твоего, - сказал Матану Иорам, воевода. С тех пор Матан стал Иораму другом и братом, но в душе носил зло, и вожделем погубить его и лишь ждал случая.

Женитьба Иядидья на Тирце

Хананэль – один из правителей колена Эфраима. Хоть живет он в Шомроне, но всякий праздник приходит в Иерусалим, чтобы явиться перед лицом Господа. Раз отправился Хананэль на торжества праздника Суккот, а с ним дочь его Тирца, девица стройная и прелестная лицом. Лет юной Тирце – семнадцать. Сыновья воевод и богачей глаз от нее отвести не в силах, так она им желанна.

Вот и Иядидья, друг Иорама, воспытал сердечной страстью к красавице Тирце. Богатый Иядидья устроил пир и созвал всех своих – тех, кто Бога почитает, учеников пророков, Иорама с женами и, конечно, Хананеля с дочерью. Иядидья захмелел от вина и заговорил.

- Как много прекрасного видит глаз человека здесь в нашем Сионе! Пусть же и дочь твоя станет одним из его украшений и как роза заалеет в сионских горах! – высокопарно обратился он к Хананелю.

- Я хочу, чтобы деревце мое пышно рацвело в чудном плодоносном саду, изобильно напоенном росой Божьей благодати, - в тон Иядидье ответил Хананель.

- Вот я и стану для твоей дочери этим чудным плодоносным садом. Ты своими глазами видел, что щедро одарен я Божьей милостью, и много тучной земли отмерил мне Господь и удостоил меня большим богатством, - продолжил Иядидья.

- Уж год обивают порог моего дома богатые и знатные из колена Эфраима и просят отдать им Тирцу. Но дочь моя отвернулась от людей этих и богатства их не желает. “Они погрязли в грехе, идолам поклоняются и мерзки мне. Я хочу человека из Иудеи, из самого Иерусалима.

К такому тянется душа”, - так говорит юная Тирца. Потому я и привез ее сюда в Иерусалим выдать за того, кто полюбит ее. А сейчас, ты, Иядидья, поговори с девицей, и, если придется ей по сердцу – мое и Божье вам благословение, - сказал Иядидье отец Тирцы.

- Скажи мне, нежная душа, что значат в глазах твоих Сион и его люди? – обратился Иядидья к Тирце.

- Сион – как райский сад, а жители его – как ангелы Господни, - ответила Тирца.

- О, Тирца, ты пробуждаешь во мне гордость, ведь и я житель Иерусалима! – воскликнул Иядидья.

- Всякий иерусалимец может гордиться собой, если только похож на тебя, - сказала Тирца.

- Уж и то не мало, что деяния мои чистыми и честными видят твои глаза, но хочу, чтоб не только глаза, но и душа, мной любимая, узрела деяния эти да и силу мою, - продолжил с надеждой Иядидья.

- О, душу эту благословит Бог! – выпалила Тирца.

- Любезная моя, ведь это твоей душе благословение от Бога и от меня!

- А коли так, мой господин, то обратись к отцу моими устами, а что твои уста изрекут, о том думает сердце мое, - с чудной прелестью девичьего стыда пролепетала Тирца.

- Как красноречива ты, Тирца, как благозвучны твои слова!

- Красноречие в сути слов, а не в словах.

Пока Иядидья и Тирца говорили между собой, к ним подошел Хананель.

- Хочу, чтобы знала ты, дочь, что у меня на уме: человек, что стоит перед тобой, достойнейший из людей, которых я в своей жизни встречал, - обратился отец к Тирце.

- Дорогой Хананель! Дочь твоя, нежное создание, смотрит на меня другими глазами. Я, иерусалимец, житель Сиона, кажусь ей ангелом небесным, - усмехнулся Иядидья.

- Значит, я - ангел, посланный Богом, дабы соединить ваши сердца и благословить вас перед Господом нашим, обитель которого – Сион, - сказал Хананель.

Тут обратилась Тирца к Иядидье.

- Вот, я нашла тебя, единственного, и хочу быть твоей единственной. А что до меня, я вся принадлежу тебе, - сказала юная девица.

- О, нежное создание, единственной будешь у меня, а иначе сладким не станет наш брак.

Эти слова скрепили союз. Иядидья щедрой рукой одарил сынов пророков, и на следующий день Тирца стала Иядидье женой.

Хананель согласился жить у зятя в Сионе целый год. Сердце отца переполняла радость при виде счастья горячо любимого чада.

Иорам уходит на войну

К концу года пребывания Хананеля в Сионе филистимляне вторглись в Иудею, Негев и на холмы Шфела. Захватили города и дочерей их. Иорам, как и другие воеводы, готов был выступить на войну с филистимлянами. Хагит, жена его, родила в те дни третьего сына и нарекла ему имя Азрикам, что значит “Бог поможет сокрушить восставших на нас”. В это же самое время Хэла, служанка Хагит, родила сына мужу своему Ахану, рабу и домоуправителю Иорама, и назвала новорожденного Наваль.

Хагит велела служанке Хэле отдать Наваля одной из рабынь, а самой выкармливать Азрикама. И Ахану, отцу Наваля, обидно стало за сына.

К тому времени Наама, любимая жена воеводы, наконец понесла, и любовь Иорама возгорелась еще сильнее. Понесла и Тирца, юная супруга Иядидьи.

Иорам призвал верного друга Иядидью в свой летний дом, что на Масличной горе, и говорит: “Завтра я ухожу на войну и, кто знает, вернусь ли к родному очагу. Давай, друг, заключим промеж нами нерушимый договор, да такой, что и отпрысков наших обяжет. Если судьба мне погибнуть, или буду пленен врагом, стань попечителем всех моих и всего моего. Опекай детей и распоряжайся имуществом по здравому и честному твоему разумению.

Прошу лишь, не утесняй Ситри, одного из сынов пророков, что живет в моем имении на Кармеле, и его престарелого брата Авишая. Ибо это люди богобоязненные и к тому же кровные родственники супруге моей Нааме. Жены наши беременны, и, если одна из них родит сына, а другая – дочь, соедини брачными узами юные сердца. Коли крепка наша с тобой любовь, и коли жены наши, Наама и Тирца полюбились друг другу, сколь же горячей будет любовь детей наших!

Урожай, что принесут мои угоды на Кармеле, пусть питает сынов пророков, знатоков Слова Божьего. Всякий праздник накрывай столы для четырехсот гостей – бедняков, сирот и вдов, как я это делал. И последнее, друг мой Иядидья, этот летний дом я приношу тебе в дар”.

Так ответил Иядидья: “Ничто вещественное в мире нельзя сравнить с любовью. Но, если вещь напоминает о чувстве, она бесконечно дорога для верных любящих друзей. Прими от меня это кольцо и укрепи его на правой руке. Пусть сей памятный дар хранит непоколебимой нашу дружбу. И да возвратит тебя Бог с миром, а уж мы возблагодарим Господа жертвоприношениями нашими. И в этом летнем доме будем радоваться и веселиться и мы с тобой, и чада наши, и домочадцы!” Тут друзья обнялись и на этом расстались.

Назавтра с восходом солнца Иорам созвал своих домашних, всех благословил и жен расцеловал. Слезы выступили у него на глазах, как обнял Нааму. Но пора воеводе в поход.

Дурная весть

Пришел срок, и Тирца родила мужу своему Иядидье дочь и назвала ее Тамар. Отец Тирцы, Хананель, велел мастеру ювелиру изготовить кольцо и вырезать на нем свое имя и имя Тамар. Он вручил это кольцо Тирце и сказал: “Это – знак для твоей дочери Тамар. Когда вырастет внучка - наденет кольцо”.

Еще месяц прожил Хананель в Сионе, а потом вернулся к себе в Шомрон.

А вскоре гонец принес весть: воевода Иорам попал в плен к филистимлянам. Дом Иядидьи погрузился в печаль. Наама плачет и плачет и, горюя, доставляет великое утешение Хагит. И та, повременив немного, говорит: “Более не станет Наама возноситься надо мной, я теперь госпожа!” И поставила на своем. Подчинила своей власти всех слуг, и если кто перечит ее слову, того жестоко карает хозяйка. А Наама не замечает перемен, ибо душа ее ослепла от горя.

Безмерно страдает от жестокой руки Хагит служанка ее Хэла. Словно худшую рабыню срамит и позорит, мучает и бьет она служанку. Ахан же, муж Хэлы, терзается обидой за жену, но боится молвить слово, закусит губу и молчит. Униженный и робкий сердцем, все думает, как бы утешить две страдающие души, его и жены.

Глава 2

Заговор

Матан, судья, был ранен в самое сердце, когда узнал, что не доверился ему Иорам и Иядидью назначил управлять имением и угодиями. Завидовать стал Иядидье и рад был известию о пленении воеводы. Легче сносить муки, когда знаешь, что врагу еще хуже. “Я долго ждал, и вот он день, что возложит к порогу Иорама жатву зла”, - подумал.

Матан явился в дом воеводы и, не скупясь на слова, жалел и утешал жен его Нааму и Хагит. А сердце ликует: вдовствует при живом муже коварная Хагит, соломенная вдова.

Раз навестил Матан дом Хагит и видит – та бьет служанку, и с каждым ударом гнев госпожи растет. Хозяйка заметила гостя и отпустила несчастную. “Обязанность этой

негодницы – выкармливать моего сына Азрикама. Но стоит лишь отвернуться, как и след ее простыл, торопится кормить Навая, мерзкое дитя свое”, - объясняет Матану Хагит.

Ахан стоял поблизости и видел, как бьют и унижают жену и со слезной жалобой обратился к Матану: “Рассуди, господин мой. Я вижу, сынок-младенец лежит в колыбели всеми служанками заброшенный и беспрестанно кричит, голодный, и требует материнскую грудь. Уж если чем и согрешила Хэла, готов вместо нее побои принять!”

Услыхав дерзость, негодую и с презрением бросила Ахану Хагит: “Ты – жалкий раб, своей волей отверг свободу! Разве муж мой Иорам не давал тебе волю, уходя на войну? А ты что ответил? Мол, люблю тебя, мой господин, и жену мою люблю, и сыночка. А посему замкни рот на замок, а то и впрямь тебя угощу!” Матан промолчал, но про себя подумал: “Пожалуй, раздую-ка я этот тлеющий костер, пусть запылает ярким пламенем.

Ночью Ахан пришел в дом к Матану.

- Ты сам видел и слышал, господин мой, как извратили суд надо мной. Выходит, муки и смерть – и есть удел слуг и рабов? – спросил Ахан.

- Огнем гнева пылает твоя душа, Ахан. Пусть это пламя испепелит все жилища господина твоего Иорама, пусть сгорят вместе с их обитателями! Не гоже забывать рабу, что хозяин его смертен. Вспомнишь об этом, и, глядишь, гнев твой с дымом улетучится!”, - ответил Матан.

В глазах Ахана блеснула искра ликования.

- Господин, ты душу открываешь свою, или насмехаешься надо мной?

- Невежда и глупец! Я стану насмеяться над неимущим и униженным, вроде тебя?

- Почему умолкло доброе сердце Наамы, и свирепствует бесовка Хагит? – воскликнул Ахан.

- Сперва выслушай мой совет, а уж потом вопрошай, - сказал Матан и принялся излагать план.

- Подожги дом, где живет Хагит, и дом, где живут служанки и рабы. Но прежде сына своего Навая спаси. Примут его за Азрикама, сына Хагит. Обоим отроду не более месяца. Иядидья и Тирца подмены не заметят: так ненавидят они проклятую Хагит, что на дитя ее смотреть не желали. Дом Наамы огню не предавай, пусть заподозрят ее в тяжком грехе. Люди скажут о ней: “Пламя ревности пожрало дом Иорама”. А я заготовил хитрость, как спасти Нааму. Но не будет ей дороги назад.

Ни Хагит, ни Азрикам - никто не останется в живых из дома Иорама. Наваль, которого Азрикамом станут звать, унаследует богатства твоего господина – и поля, и виноградники, и сады, и винные погреба. Богатая жатва, не так ли? А уж после жатвы, колоски в поле я по бедности своей подберу. Еще до того, как запалишь огонь, ты заберешься в казну Иорама и опустошишь ее. А я подошлю двух верных людей - Хэфер и Букья их имена – два хитрых мошенника, что умеют пустить людям пыль в глаза и казаться прямыми и честными. Им вручишь все сокровища, а уж они доставят их мне. Вот тебе ключ от казны. Когда я был в доверии у Иорама, сделал себе ключ в точности, как у него. Не из-за воеводы ли этого я растерял наследие отца? Вот и возместят мне его золото и самоцветы давние утраты – богатство и Хагит.

Затрепетало сердце Ахана.

- Послушаться твоего совета – прямой путь в преисподнюю, - со страхом и ликованием вскричал Ахан, вскочив со своего места.

- Ничего не бойся и укрепись духом. Гордись собой, ты храбрее хозяина: чтобы войти в заговор нужна неколебимая отвага, а чтобы топтать военной тропой – довольно заурядного терпения. Приходи в другой раз, и растолкую тебе, что и как делать, - сказал Матан.

Так и поступил Ахан. Явился к Матану, и обсудили дело вдвоем, и решено было хранить заговор в строгой тайне, а о подмене младенцев даже Хэфер и Букья не узнают.

Преступление

Темная ночь. Мрак. Ветер гонит по небу тучи. Тишина в доме Иорама. Обитатели его спят безмятежным сном. Ахан отомкнул казну, излек сокровища и вручил их Хэферу и Букье. Эти двое унесли драгоценности и отдали Матану, и тот спрятал их под землей.

Ахан поднялся на одну, на другую крышу и разбросал серу. Затем спустился на землю, бесшумно вошел в дом служанок и рабов, взял сына Наваля, беззвучно вышел, закрыл дверь снаружи на засов. Также неслышно Хэла выскользнула из дома хозяйки, задвинув щеколду.

С четырех углов запалил оба дома Ахан. Вспыхнуло пламя, клубы дыма устремились ввысь. Когда все вокруг потонуло в огне, Ахан ринулся к дому Наамы, что стоял поодаль, целый и невредимый. Схватившись за голову в ужасе возопил: “О, госпожа моя! Дома Иорама в огне, и некому гасить пламя. Жена моя Хэла с Азрикамом на руках успела выскочить в окно. Хагит кинулась спасать старших сыновей, но огонь погубил всех. О, госпожа, ведь и мой сын погиб, сгорел в доме слуг и рабов!”

А тем временем Хэфер и Букья проходят мимо окна Наамы, и один говорит другому: “Гляди, пламя ревности пожрало дом Иорама!” Содрогнулась Наама от ужаса и говорит в слезах: “Душегуб неведомый свершил зло, а меня обвинят, что подожгла. О, несчастная! Где искать спасения?” Тут Ахан с подсказкой: “Переоденься, госпожа, в мужское платье и скройся, дождись, когда людской гнев стихнет. Да поторопись, пока не вынырнули из тьмы мстители за Хагит. Как бы не схватили тебя и не возвели напраслину”.

Наама, минуты лишней не медля, сделала, как надоумил Ахан. Вышла через окно и исчезла в ночи, спасая свою душу. “А вы, - говорит Ахан ее служанкам, - бегите прочь, спрячьтесь в укромном и надежном месте, и гроза стороной пройдет”. Он указал им дом, где скрыться, плотно запер за ними двери и зажег огонь. Плач и стоны раздалась из-за стен и скоро потонули в дыму и треске пламени. Кто-то любит ближнего, другому милы его крики в огне.

“Теперь-то уж из домашних Иорама никого в живых не осталось, кто-бы нас с тобой знал, - потирая руки сказал Ахан, обращаясь к Хэле, - обними покрепче нашего сыночка Наваля и впредь зови его Азрикама. И поторопимся назад к пожарищу”.

Только Ахан сделал наставление жене, как сбежались жители соседних домов, и супруги тотчас заплакали и завывали, запричитали и заголосили. Тут Иядидья и Тирца показались. Руками всплеснули, за голову схватились: “Какое несчастье, поспешим, люди, к дому Наамы!” Пришли и видят: дом пуст, ни души.

- Куда исчезла Наама? – вопрошают Тирца и Иядидья.

- О горе, горе горькое, - возопил в ответ Ахан, - я сегодня замешкался, трудясь в поле, и, как вернулся, чую запах серы бьет в нос. Первым делом кинулся выручать госпожу мою Хагит и деток ее. Вижу: она через окно протягивает Азрикама моей Хэле и вновь скрывается в дыму – спасать старших сыновей, да поздно - безжалостное пламя пожрало всех, не уцелела ни одна живая душа. Я кинулся к дому Наамы – нет ее. Тут вспомнил о родном дитяте – вот кого надо избавить от гибели – и опоздал!

- Дитя мое, сынок, плоть и кровь моя! Погиб! Проклята будь ревность Иорамовых жен, души живые невинные она погубила! Горе, горе! – кричит Хэла.

- Вчера схватились промеж собой, - говорит Ахан, - и в гневе кричит Хагит сопернице: “Будет с тебя, Наама. Приворожила Иорама, любовью его силу свою обрела. Нет более мужа нашего, и сыновья мои наследуют его. А ты, несчастная, хоть и понесла, промучаешься родами понапрасну и родишь ветер. Сыновья мои вырастут и укажут тебе на дверь, и не видать тебе, чужачке, удела в наследии!” – вот как сказала Хагит Нааме, - закончил Ахан.

Изумленные, потрясенные слушают Иядидья и Тирца. Тут показались из тьмы горячие головы, жаждут мщения.

- Где Наама, где лиходейка-поджигательница? – кричат мстители.

Не отвечая, обращается Иядидья к верным слугам - Ахану и Хэле.

- Несите малютку Азрикама в мой дом. Ты, Хэла, живи у меня, станешь кормилицей мальчику. Так спасем от забвения имя славного воеводы Иорама, и светильник его не угаснет, - сказал Иядидья.

- Где супостатка, где изменница? – не отступают стражи минувшего дня, - кровью ее погасим пламя! - вопят они в гневе.

- Подождем, время укажет на ее убежище, - говорит Иядидья.

Судьи кругом

Наама поспешает к родственнику Авишаю, что отвечает за стада Иорама в Бейт Лехеме. Авишай препроводил гостью с брату Ситри, а тот нашел ей пристанище на Кармеле.

Истекли двенадцать дней, и Наама родила близнецов – сына и дочь, и дала им имена Амнон и Пнина.

Тем временем Хэфер и Букья пришли к городским воротам и обратились к старейшинам и судьям с благонамеренной речью:

“Прибыли мы с филистимлянской границы. И в пути видели, как шествует по дороге караван, спускается к Экрону. В запряженной лошадыми повозке сидит Наама, жена Иорама, а справа от нее – некий юноша. За повозкой тянутся верблюды, груженные всяким добром, замыкают караван две рабыни верхом. Мы спрашиваем Нааму: “Кому это добро?” Наама в ответ: “Это дары наместнику, командиру над филистимлянскими воеводами. Хочу выкупить мужа моего. А юноша, что со мной – вестник от Иорама”. Мы с пожеланиями: “Бог в помощь, и пусть с миром вернется супруг твой на родину”. Лишь добрались до Ирусалима, оглушила нас новость о постигшем дом Иорама страшном горе. Вот мы и явились к вам, старейшины и судьи, рассказать, что наши глаза видели, и уши слышали”.

- Возмутительное дело, - говорят судьи в один голос.

- Этот случая и запишем в памятную книгу, дабы не стерлось из памяти людской пятно греха, что на этой женщине, - постановил судья Матан.

Решивши так, пошел Матан к Иядидье и гневно потрясал кулаками, рассказывая о постыдном деле.

- Ясно, как божий день, поселилась в доме Иорама смертоносная ревность и погубила живые души, - сказал Матан, глядя на Тирцу.

- Достойнейший муж, - с жаром продолжил судья, - чашу горя и потерь выпьет до дна. Наама, супруга беззаветно любимая, изменила, оставила его, нашла убежище едва ли не у врага. Злобой сожгла дом и преступным огнем погубила соперницу и невинных младенцев. К собственным малюткам немилосердная, ради любовника в чужой земле кинула родные края.

- Вот урок для мужчин! - выпалила Тирца, - лишь одну женщину вмещает сердце, и нет иного пути познать любовь!

- Как славно, что ты понимаешь это, милый, - продолжила она, с нежностью обращаясь к мужу, - а придет время, и для Тамар уготовим ту же судьбу.

Тут заговорил Иядидья.

- Выходит, негодное дело свершила Наама. Верный знак криводушия. А посему я вопрошаю: хорошо ли будет, если чадо ее станет наследовать Иорама? И отвечаю: Нет! Лишь Азрикаму положены сии честь и благо. Ему же предназначена Тамар, и быть ей у него единственной, - убежденно изрек Иядидья. Тут глянул он на малютку Азрикама, и жалость засветилась в его глазах: вот он, последний непотухший уголек, что остался от погибшего в огне славного дома.

Дети растут

Через год Тирца родила сына и дала ему имя Тейман. Вместе росли трое деток в доме Иядидьи. словно нежные бутоны на грядке - Тамар и Те йман, и колючий терновник меж них – Азрикама. С младенчества злая порода его будила дурные помыслы в сердце, да и ни статью, ни красотой он не вышел. Иядидья, верный клятве, данной отцу мнимого Азрикама, не замечал, что сын непригож.

Ситри, не в силах вырвать языки клеветников, укрыл Нааму от злой участи в укромном месте на горе Кармель. Твердо знали Ситри и Авишай: чтобы уберечь от беды детей мнимой поджигательницы и изменницы, надо крепко хранить тайну Амнона и Пнины. Жена Ситри навещает изгнанницу и приносит ей и младенцам-близнецам Амнону и Пнине пищу и все прочее, потребное для жизни. Ситри замечает, однако, что в скудости и бедствиях изгнания неволею Нааме поднимать двоих.

Когда пришло время отнимать малюток от груди, Ситри препоручил Амнона заботам брата Авишая, а тот отдал дитя на попечение к почтенному старцу, пастуху, сказав, что некий человек нашел мальчика в поле, и он, Авишай, купил у того находку.

Амнон рос в доме пастуха, и с каждым годом увеличивалась красота отрока, да некому было замечать перемен. Лишь Авишай носил его образ в сердце. Умер почтенный старец, и Авишай определил Амнона в подмогу взрослому пастухам, стада Иорама пасти. И видят люди, что Амнон для Авишая – бесценное достояние, неразменная монета.

Миновали годы, и Наама покинула убежище. Ситри смастерил для нее небольшую хижину в горах среди кипарисов, и там и поселилась она с дочерью Пниной и старой женщиной помощницей. Добывала себе пропитание вместе с бедняками тех мест, собирая колоски с полей мужа своего Иорама. Людям этим сказала о себе, что она филистимлянка, была прежде замужем за человеком из Иудеи, да вот, овдовела.

Глава 3

Царь Хизкияу

Шел четвертый год правления Хизкияу, царя Иудеи, сына царя Ахаза.

Долго терпел всемогущий Бог мерзость идолопоклонства, что в нечестивое царствование Ахаза губило сынов колена Эфраима, жителей Израиля. И, наконец, зловеще возгорелись ревность и гнев Господа, и настигла язычников заслуженная кара. Наслал на них Всесильный орды царя ашурского. словно острой бритвой провели по земле грешной страны чужеземные наемники. Грозная волна смыла и тельцов Бейт-Авена, и идолов Дана, и всех поклонявшихся им – заодно. Вытеснены были израильтяне в Халах и Хавор при реке Гозан и в города Мадайские.

Иудея и Израиль. Две страны – две сестры. И единый народ. Иудея содрогнулась, видя, как тяжела рука Господа, карающего за тяжкую вину сестру ее Израиль. Нашла в себе силы Иудея, укрепились духом, не свернула с путей Господних и осталась верна любви к царю своему Хизкияу, помазаннику Божьему и семени славного царя Давида. А еще скажем о Хизкияу, что он непреклонен был, изгоняя идолопоклонство из Иудеи, в которой правил, и истинно скорбел о муках неподвластной ему грешной земли Израиля, и посему народ любил своего владыку во все дни его царствования.

Идола – прочь!

Случилось, в то самое время некий человек, бежавший от судьбы изгнанников колена Эфраима, пришел с севера, из пределов Шомрона, к самой сионской границе и остановился на пороге иудейского царства. В руках он нес деревянного идола – божество для поклонения.

Пришелец отбросил подальше свою ношу и с жаром произнес: “Лежи себе тут, жалкая деревяшка! В иудейском царстве мне не нужен истукан. Десять лет служил тебе, повсюду скитались вместе, терпели друг друга. Высоко над головой возносили мои руки деревянный лик, и люди поклонялись ему. Я вселял страх и благоговение в людские сердца, и это – твоя заслуга. Говоря с людьми моими устами, ты недурно послужил мне, изваяние божества. Помнишь ли, как все мы, братья верных твоих слуг и жрецов, славно проделали путь в Шхем? Вдосталь пограбили встречных и поперечных, да и живых душ изрядно погубили. Твоей волей дела вершили! Поклоняясь, люди тебе вино наливали и в жертву лучший скот закалывали. А я, ешь-пей-не хочу, вкушал запретное это. Вот и платье, что на моих плечах – тобою доставлено. Кто кому служил, дружище? Нет связи прочнее, чем наши грехи. Ах, как хороши были времена, да канули в прошлое! А сейчас? Вышвырнули тельцов Бейт-Авена и идолов Дана, а слугителей их прогнали взащей. Что прикажешь делать с тобой, бездушное полено? Хочешь попасть в Иудею? Лишь появишься там – землю разверзнет грозный всеведающий Господь, бессменно пребывающий в Сионе. И мне станешь в тягость, словно в колоду меня посадишь. Лежи себе тут в яме, посрамленный и нагой. Сдеру с тебя серебряный покров и материю золотом тканую возьму – истукану это ни к чему, а мне будет последняя награда за службу тебе. Ничего не поделаешь – к идолам прилепляются неверные друзья!”

С такой прощальной речью обратился к идолу бывший изгнанник по имени Зимри, один из слугителей божества Баала. Пустые и никчемные, жрецы языческие стояли на дороге сынов Израиля и жестокостью и обманом отвращали их от пути в Сион, на святую гору, для поклонения Господу. Зимри очутился среди прочих беженцев Шомрона, что в израильском царстве, но весьма надеялся избежать горькой доли, уверенный, что быстрые ноги не подведут его в нужную минуту.

Зимри знаком с одним из важных сановников Шомрона, богачом Хананелем, отцом прекрасной Тирцы. Беглец надумал сперва навестить Хананеля и узнать имя его зятя в Иерусалиме, а уж потом перейти реку Квар и двинуться дальше. В бедственном положении, среди прочих беженцев нашел Зимри Хананеля. Тот написал зятю письмо, снабдил послание своей печатью и поручил Зимри передать это Иядидье. Не мешкая, Зимри продолжил путь, хитро избегая бед и врагов. В пути он не торопился расставаться со своим идиолом. “Кто знает, - думал, - авось пригодится, послужим еще друг другу”.

Зимри дошел до границ Иудеи и видит: в Сионе люди идолам не поклоняются. Тогда снял золотые и серебряные украшения с деревянного изваяния и с легким сердцем бросил истукана в яму.

Блистательный Иерусалим

К вечеру предстал путник перед сияющим Иерусалимом и вошел в город через Эфраимские ворота. Не смотря на сумерки, улицы кишат людьми. Шумит и гомонит толпа, словно стая саранчи трещит крыльями. Благообразные старцы сидят на почетных местах у ворот, где вершится суд. С грохотом проносятся повозки и колесницы, везут важных вельмож и богачей, городских благодетелей.

С тех пор, как три года тому назад наемники ашурского царя расположились станом в Шомроне, изрядно победствовал Зимри на вытопанной врагом земле. То-то изумился он при виде цветущего города. И в восхищении воскликнул сгоряча: “Прочь от меня, Шомрон,

и слава тебе, бесподобный Сион! Гром гнева потрясает землю Шомрона, а в Сионе громогласные трубы приветствуют возлюбленного царя Хизкияу! Сокрушена страна Эфраима, и чудно расцветает Иудея! Другое небо и новая земля передо мной. Дивный край, и люди тут живут беззаботно. Безоблачный лазурный купол висит над головами баловней судьбы, а солнце изливает на них свет и тепло правды. Ибо царь Хизкияу превыше всего поставил закон и справедливость”.

Сказав сии восторженные слова, задумался Зимри. Немного остыл.

“Если пораскинуть умом, то выйдет, что суд и закон – броня и щит богачу, коли кто чужой к его золоту руку протянет. А мой удел каков? Пересох былой источник наживы в Шомроне, и из Иудеи изгнал Хизкияу слугителей Баала. Те же благословенные суд и закон лишь ужалят оборванца, вроде меня. Волк в лесу – зверь полезный, но стаду – он враг. Так чьи паруса надувает ветер справедливости?”

Не быстро истребить из душ людских старую веру. Сравним ее с новой. В Сионе твердят, кто поклоняется Баалу – несут ложь и обман, а законы их – убийство и грабеж. Однако, думаю, если в Иерусалиме хорошенько поискать со свечами, а то и без них, непременно среди праведности и честности немало найдется зла и обмана. Нигде в мире не отыскать места без греха и порока. Вон сколько богачей в Иерусалиме! Известно, где богатство – там зависть, где зависть – там ложь. А если у лжи крепкие кулаки? То-то же! Звездный час для Баала.

Взглянем на дело с другой стороны. В чем провинились идолы? Разве не смягчаются сердца молящихся им? Случается, они нищего из грязи поднимают, а презренного почитаемым делают. Сион ниспроверг языческое беззаконие, а вознесенные до небес закон и суд правратились в новых идолов. Стало быть, что вознесение, что свержение идолов – все поклонение им.

Однако – прочь былое. Сейчас в Сионе сама правда восседает на троне, и святые судят у ворот. И я не хуже. Пояс праведности потуже затяну на чреслах и предстану достойным в глазах людей. Разлюбезную мне ложь утаю поглубже в сердце. Хитрость спрячу за стеной благочестивых слов. Как слабый тростник робко голову склоню, и лишь Богу угодные речи услышат от меня. Многие из ныне достойных, кто в силу вошел, как раз таким вот манером и проложили путь к богатству и власти. Ха-ха! И вправду не надобны глаза рабу Господа, и излишни уши, идущему путями его? Лишь простак верит, что язык по сердцу говорит, а руки по языку делают. Я не так прост. Знаю твердо: кто на вид хорош, тому в душу не заглядывают. Люди охотно кланяются в ноги лжи, обутой в сапоги правды”.

Зимри и главный коэн

И делал Зимри по задуманному им. На следующий день поднялся на Храмовую гору, напрямик вошел в чертог главного коэна Азарьяу, что из династии Цадока, и говорит: “Господин мой, соблаговоли насторожить уши и выслушать раба твоего. Не лукавя признаюсь, лишь отнят был я от материнской груди, а уж отец стал учить поклоняться Баалу и верить вещунам его и жрецам. С младых ногтей слово Бога для меня было пусто, а над упреками пророков его лишь потешался. Скажи, господин мой, навек ли отец на зубах моих оскомину набил, коли кормил меня плодами незрелыми? Сам-то я созрел и прозрел!

Да-да, я теперь зрелый плод, как познал горячую плеть праведного божьего гнева. Настал день предсказанной кары, и в пустыню обратилась земля колена Эфраима, а люди – прочь изгнаны из нее. Несчастный Шомрон три года корчился в муках, как умирающий на смертном одре. Уж смерть глядела в окно, а жрецы Баала, никчемные лекари, все бродили по земле и пустыми заклинаниями думали спасти Шомрон от бедствий, что несли иноземцы. Пустое! Теперь

пусть в землю зароятся от стыда и усы свои в знак траура накроют.

Я по милости Господа вырвался из пекла. От того, думаю, не настигла меня рука беды,

что в Бога верую, и сердце рвется к Его святилищу. Вот я перед тобой. Вождею вкусить слова Божьего и милосердия Его жажду. Азарьяу, молю тебя, будь снисходителен к рабу твоему! Ты - главный коэн, масло помазания излито на твою голову. Научи грешника, как обратиться к Богу и просить прощения за бесчестье юных лет. Беден я, нищ, и жертвы приносить не могу, но душу готов отдать без остатка. Научи, господин мой, не требуя золота и серебра взамен, но бескорыстно, из сострадания”.

- Да храни Господь нас, коэнов, милостивых сынов Арона, знатоков Божьего слова и законоучителей, от взымания мзды с тех, кто просит вежества из наших уст! – горячо и достойно возразил главный коэн, - Небеса поручились доставлять нам пищу и питье: исправно получаем законную десятину и дары добрых сердец. Одно устремление у нас – наставлять каждого, кто жаждет близости к Богу. Ты – наша находка. Радея о чужом счастье, обретаешь собственное. Знай: сокрушенная и кающаяся душа милее Господу обильных потоков бараньего жира, стекающего с жертвы. Каждодневно бывай в этом святилище и так познаешь истинные пути жизни.

Да. Так-то вот. А теперь скажи, Зимри, нет ли у тебя в Иерусалиме благодетеля или родственника? – спросил главный коэн.

- Сегодня же отправляюсь в дом Иядидья, управляющего царским именем. Доставлю послание от тестя его Хананеля, шомронского изгнанника, - ответил гость.

- Оставайся тут до сумерек. Два раза в день, утром и вечером, приносим мы Богу ежедневную жертву. В час жертвоприношения неизменно приходит в Храм набожный и благочестивый Иядидья, чтобы пасть ниц перед лицом Господа в его святилище. Я замолвлю за тебя доброе слово, чтоб Иядидья с миром принял тебя под своей крышей или просил за тебя других благодетелей, - сказал главный коэн.

В обычное время пришел в Храм Иядидья. Лишь закончил он ежевечерний ритуал, обратился к нему главный коэн с хвалебными словами о Зимри. Без отлагательства царский сановник увез гостя к себе домой. Тот вручил Иядидье письмо от тестя, а печать, что была при послании у себя оставил. “Авось, для какой-либо хитрости пригодится”, - подумал.

Письмо и сон Хананеля

Иядидья призвал жену Тирцу и всех домашних и принялся читать вслух послание Хананеля.

“Дочь моя Тирца, зять мой Иядидья, слушайте слово Хананеля, отца вашего, изгнанника. Долетает ли до вас крик земли Эфраима? Достиг ли плач Шомрона сионских ворот? Настал час расплаты. Мой Шомрон – мой мир, и я ушел с ним в изгнание. Я знал наперед, что ограбят землю Эфраима и спрятали серебро, золото и драгоценные камни – все свои сокровища – в тайное место, подальше от людского глаза. Вот, думаю, минуют смутные дни, и двинусь я в Сион и сыновей своих на благословенную землю усажу. К этому тянулось мое сердце, но по-другому распорядился гневный Бог. Три года страха, несчастий и бед – и сгинули сыновья, и нет их в живых. Настал худший день, и враг проломил стены города. И я ушел в изгнание и оставил позади себя и могилы сынов и зарытый клад с сокровищами. Вечером седьмого дня дошел до реки Квар. Скорбя, поел хлеба и на берегу уснул. И привиделся мне сон.

Вижу перед собой всадника на коне. Несказанной красоты ясноглазый юноша, и роскошные военные доспехи на нем. На поясе меч, а на голове – шлем. Из под шлема выбиваются черные, как вороново крыло, волосы. Вьются кольцами. Румяные щеки и чистый лоб, белее снега. Чудное, сияющее, как драгоценный сапфир, видение передо мной, и слезы бегут по моим щекам.

Воскликнул я: “Господь мой! Ведь и у меня были красавцы-сыновья, подобные сему всаднику. Ни одного не осталось в живых. Кто закроет глаза старику, кто наследует плоды трудов?”

Услыхал юноша мой плач, слез с коня, обнял меня старика за плечи и говорит проникновенные слова: “Перед тобой тот, чье сердце устремится к сердцу Тamar, внучки твоей. А захочешь вернуться в родные края - спасу тебя, приведу в милый твоему сердцу Сион, где сияет свет Господа”.

Я спросил, как зовут его, откуда родом и кто отец его, и уклончив был ответ: “Скажу – и не поймешь меня, а со временем все узнаешь”. Тут показал мне юноша знакомое кольцо, что когда-то я дал Тирце для малютки Тamar. “Этот знак верности я получил от Тamar, той, что всех на свете для меня дороже”, - сказал он и указал на кольцо. Услыхал я эти слова, затрепетало сердце, и я проснулся.

Сладок был сон для истерзанной несчастьями и бедами души. Я воздел очи к ночному небу. Блеск светил пробивается сквозь тьму, что окутала землю. Я воззвал к Богу: “Господь, снова пошли мне сон, пусть яркими звездами рассеет он мрак в моем сердце!”

Я вновь уснул, и другой сон сошел ко мне. Вот сижу я в вашем доме, дорогие Иядидья и Тирца. Богатые покои, стены все в узорах из слоновой кости. Прекрасный юноша передо мной, а по правую руку его стоит Тamar, наряженная невестой. Надеты на ней драгоценные украшения и платье отделано чудесным тонким кружевом, и вся она – совершенство красоты. А вы, дети мои, смотрите на жениха и невесту, и печать всего земного счастья лежит на ваших лицах.

И только юноша оборотился ко мне и приготовился говорить, как разбудил меня грозный голос, прорычал кто-то в самое ухо: “Хватит спать, рассвело уж, прочь ступай!” Встал, пошел со всеми. На сердце горько, и в душе – пустота. Чудный сон нейдет из головы. Нашел человека, толкующего сны, и тот сказал, что не пустое это видение, и уверил меня, что настанет день, и не во сне, а наяву придет прекрасный юноша, полюбит Тamar, спасет меня из вражьих когтей и наследует мое богатство. А вы, дети мои, не забывайте этот сон. На этом кончаю, и мир вам, дорогие Тирца, Иядидья и Тamar”.

Иядидья прочитал письмо, и слезы навернулись ему на глаза, и Тирца плачет. Тут Зимри с утешением: “Не жалуйтесь на шипы у розы, радуйтесь, что есть роза среди шипов. Рано оплакиваете Хананеля. Полегчало у него на сердце, как вырвался из трехлетней вражьей осады – уж поверьте мне. Да и не один он в Ашуре, а среди своих. Сны, что видел на берегу реки Квар, для него великое утешение, и мысли его о вас, и верит он, что все сбудется”.

Зимри и Иядидья

Иядидья заметил, читая письмо, как Тирца все поглядывала на Азрикама. А как кончил читать, попросил отрока удалиться.

- Благородная моя Тирца, - обратился к жене Иядидья, - не верь снам, хоть утешают они твоего отца в беде. Не сличай привидившийся образ с нашим Азрикамом и не горюй о том, что тот статный и с черными кудрями, а этот невысок и простоволос. Не отвращай сердце Тamar от Азрикама. Помни, я заключил нерушимый союз с другом своим воеводой Иорамом, и робкая соломинка мечты не переломит крепкий ствол жизни.

- А что, если Наама родила сына, и он примет с годами облик юноши, что явился отцу во сне? – возразила Тирца.

- Пусть так. Да ведь она пошла за любовником. Кто сведет пятно материнского позора, приставшее к сыну? Всякий крикнет ему: “Ты дитя порока, порождение блуда!” А вернется Иорам и выгонит его прочь, утоляя ревность. Впрочем, к чему болтать о пустом? Ясно, как день, что Наама вновь не появится там, где на нее пальцами станут показывать, вслед свистеть, и где рано или поздно меч правосудия опустится ей на шею. Прошу тебя, благородная Тирца, не упоминай более имени недостойной, дабы не срамить дом Иорама, - горячо сказал Иядидья.

В Сионе Иядидья был известен, как муж чистый перед Богом и сердечный с людьми. Не взглянувши на человека, не судил о нем, а если видел перед собой честные глаза, то знал

навверняка: это – непорочная душа стоит перед ним. И увеличивалось число тех, кто в доверии у него, и все они – скромного вида. Нечего удивляться, что и Зимри, прямым и ясным своим взором, подкрепленным напутствием главного коэна, склонил к себе сердце Иядидьи.

- Вот тебе моя рука и мое доверие, Зимри! Отныне ты – мой домоправитель, - торжественно провозгласил Иядидья. “Сделать поспешно – что камень бросить: попробуй, верни назад!” – подумал Зимри, но сказал другое.

- И голова и руки мои – к твоим услугам, господин, - отчеканил Зимри в ответ.

Говоря по правде, голову и руки свои Зимри сроду ни к какой работе не прикладывал, а все искал как-бы половчее обмануть и получше нажиться. Оттого опасался сперва, не вышла бы наружу его история. Главное же, все прислушивался и присматривался к тому, что говорят и делают в доме, его приютившем. А утаенную от Иядидьи печать к письму Хананеля, хранил, как зеницу ока, и все говорил: “Печать эта – мой новый тайный идол. Придет время, и сослужит службу”.

Негодный Азрикам

Азрикаму, юному отроку, десять лет, и живет он в доме Иядидьи и Тирцы. Он не дружен с хозяйскими детьми Тамар и Тейманом. Каверзы замышлять горазд и все поколотить норовит брата и сестру. Иядидья и Тирца своих жалеют, а за чужого им досадно и тревожно. “Яблоко от яблони близко падает. У Хагит раздоры да брань на уме были, таков и сын ее растет”, - думает Тирца.

Добрые Тамар и Тейман не любили пакостника и драчуна Азрикама. “Сей отрок чужд и враждебен моему дому, - думает Иядидья, - удалю его до поры до времени, пусть воспитуется в поместье отца своего. Не хочу, чтобы теснил моих деток. И, наверное, если отделить его, то доброе сердце Тамар с годами забудет детские обиды и не ожесточится к нареченному”. Иядидья призвал Ахана, домоуправителя Иорама, и просил его забрать к себе Азрикама и беречь дитя, как зеницу ока, и пестовать его, а лишь по субботам и праздникам возвращать домой. Ахан подчинился, ликуя втайне, а Иядидья весема оценил сей поступок и поставил его в заслугу Ахану.

Азрикам в доме Иорама - все тот же колючий терновник. Он рос, и с ним росла его неприглядность. А Тамар с годами становилась все прелестней, и красота и душа ее расцветали. Как разнились они меж собой! Азрикам со слугами жесток, и с людьми скуп, и даже нищему не подаст. Тамар, само милосердие, любезна всем домочадцам, и сердце ее болит болью бедняка, куда не поможет тому. Азрикам бахвалится богатством и знатностью своего рода, а якшаться с юношами низкого звания почитает за постыдное. Скромная Тамар не чурается девушек из неродовитых семей и со всеми проста и добра. Лицом и сложением Азрикам похож на грубую деревянную статую, которую неумелый скульптор покрыл золотом, чтобы скрыть худую работу. А знатность Тамар – словно драгоценное обрамление алмаза - ничего не скрывает и даже не украшает, а лишь оттеняет чудо сияющих граней.

Азрикаму шестнадцать лет, и он мал ростом, лицо веснушчатое и в рытвинах, и голова с волосами соломенного цвета неуклюже возвышается над широкими плечами. Тонка и стройна, как пальма, шестнадцатилетняя Тамар. Совершенна красота ее и благороден нрав. Всякий, кто видит ее – не в силах глаз оторвать. Иядидья и Тирца, любят на свое чад, и сердца родителей ликууют.

Излишни слова – решительно и во всем противоположны Азрикам и Тамар, и ничто в мире их не роднит. Лишь в голове Иядидьи нерушима эта связь, как нерушим союз его с Иорамом. А скольким достойным отцам, озабоченным женитьбой сыновей, он отказал! Тот, у кого на уме и на языке одни лишь белые кони в яблоках, тот и во сне видит белых коней в яблоках.

Зимри и Азрикам

Письмо Хананеля хранилось в комодке у Тирцы. Как-то раз, Тамар, уже девица, наряжалась в материнских покоях, и увидела письмо и прочла его. И чудный дедов сон вскружил голову Тамар. Все стоит у нее перед глазами статная фигура с мечом и в шлеме. И вот уж не деду, а внучке снится, что она – невеста прекрасного всадника. И сколь любила она того юношу в своих снах, столь отвращал ее Азрикам наяву. Увидет его – и содрогнется.

Азрикам – не слеп. Вот призвал он к себе Зимри.

- Это по твоей вине, любезный, избегает меня Тамар, и враждою полны глаза ее. Все снится ей черноволосый красавец, который и на свет не родился, небыль пустая. Письмо, тобой привезенное, - яд, деготь, что чернит мой лик в голове девицы. А теперь потрудись-ка расположить ко мне Тамар. И сделай это незаметно, тонко, с умом. Я щедро тебя награжу, все получишь, - сказал Азрикам.

- А я знаю, что Тамар тебе дороже всех богатств мира, и знаю также, что не завоеешь ты ее любовь ни за какие сокровища. Здесь лукавство требуется, мой юный господин! Но я не пушу в ход свою хитрость и уловки, на которые горазд, покуда не уверюсь всей душой, что ждет меня достойная награда. А пока дай мне три дня на размышление: дело не простое, - ответил Зимри.

Миновали три дня.

- Что надумал? – вопрошает Азрикам.

- Прежде всего – совет: доверься мне целиком. Если принимаешь это, то перед нами два дела. Первое – придумать, как заставить девицу забыть зловерный сон. Второе – умудриться обратить тебя из отвратного в глазах Тамар в желанного ее сердцу. Причитается с тебя триста серебряных монет. Я отдам их верному человеку, и тот поступит по моей указке. Не сомневайся – добьемся своего! – ответил Зимри.

- Я с деньгами расстанусь нелегко, но если вернешь мне Тамар, вдесятеро из моей руки возьмешь, - посулил Азрикам.

На дальней окраине Иудее нашелся верный человек. Дал ему Зимри печать от письма Хананеля, научил, что сказать Иядидье и науку подкрепил серебром, полученным от Азрикама. Так из корыстолюбия вырастает лжесвидетельство.

Выученик Зимри явился к Иядидье и говорит: “Слушай меня, господин. Я – земляк твой, житель Иудеи. Случилось мне быть в краю, где бедствуют изгнанники из Шомрона. Там говорил я с Хананелем, твоим тестем. Бедный старик лежал на смертном одре. Едва ворочая языком, он сказал мне: “Вот тебе моя печать. Если Богу угодно будет вернуть тебя в славный Сион, отдай сию печать зятю моему Иядидье и передай на словах, что сокровища свои я схоронил в надежном месте. Прежде, чем я назову тебе это место, поклянись, что не откроешь тайну никому, кроме Иядидьи”. И только я приготовился произнести слова клятвы, как изменил язык умирающему, и покинули его последние силы, и путы смерти связали его душу, и навеки умолк старик. И вот, с Божьей помощью, я вернулся на родину и вручаю тебе печать Хананеля”.

Заплакал Иядидья, услышав рассказ. Позвал Тирцу, сообщил ей горькую весть и прибавил: “Говорят, со смертью сновидца умирает сон. Придется забыть о юном всаднике и сокровищах Хананеля”. Сомневается Тирца: “Не злоумышленник ли придумал эту ложь, чтоб заставить Тамар забыть о чудесном сне?” Но возражает Иядидья: “Мы гоним прочь бред безумных, а видениям спящих доверять?” И Иядидья уверил жену, что земляк не лжет, и Тирца принялась оплакивать отца.

Тамар не меньше матери горевала о смерти Хананеля и о чернокудром юноше из несбыточного сна, но ненавидеть Азрикама не перестала. Рассердился Иядидья на дочь, а та говорит: “Воля твоя, отец. Стану выказывать почтение Азрикаму и жить поселюсь в его

доме, да только не в радость ему это будет, и не часто он захочет мне на глаза показываться. Ведь знает, что в сердце своем я презираю и дела и облик его. И что из этого выйдет, отец?”

Тут мать вступилась за дочь: “Оставь в покое нашу Тамар, пока не исполнится девичье восемнадцать, а то и двадцать лет. Успеем еще поплакать над проделками Азрикама”.

А Азрикама охватила тревога: как бы Зимри, в надежде получить денег у Тамар, не открыл бы ей тайну сговора. И он дал Зимри тысячу серебряных монет, и тот стал поверенным всех его секретов. Весьма надеялся Азрикама, что доверие вызовет ответную верность.

Глава 4

Деревенские прелести

Весна пришла в Иерусалим. Волшебный месяц нисан – великий, волнующий праздник Пэсах. Тамар упрашивала отца позволить ей присоединиться к подругам и провести чудные дни в деревне, вдали от городского шума. Не в силах отказать любимому чаду, но и не уступая во всем до конца, Иядидья отправил дочь в Бейт Лехем к Авишаю, надзору которого воевода Иорам поручил свои стада. Родитель приставил к дочери молодую служанку-нянюшку Маху и наказал обеим через три дня вернуться домой. Сына Теймана отец отослал на Кармель к другому родственнику Иорама и брату Авишая, знатоку слова Божьего, Ситри. Тейману надлежит пребывать на Кармеле до появления первых гроздей винограда, и поручено ему доставить плоды эти в Иерусалим. В помощь дал ему Иядидья трех работников.

Бейт Лехем, колыбель царей Иуде и Иерусалимских, высторен на вершине величественного холма. С гор Иерусалима видны стены и башни Бейт Лехема. Вокруг всё колодцы-колодцы, родники и ручьи. Вода в них сверкает живым хрусталем, и прозрачнее, чище и слаще ее нигде не найти. Среди природных красот свежестью дышат рукотворные оливковые рощи и виноградники с их первыми багряными гроздьями. Ликуют под солнцем вершины, а долины меж ними украшены кружевом полевых цветов. Там и тут пасутся стада. Медом и молоком течет благословенная земля. В давние времена царь Соломон вырыл здесь три пруда и собирал в них воду, и соорудил каналы, и напоил столицу свою, прекрасный Иерусалим. Берега серебряных прудов затенены деревьями, и голуби целуются в их ветвях. Тишиной одаряет мир молчаливый Бог.

В этих самых местах Авишай назначил Амнону пасти скот отца его Иорама. Пастухи думали, что Амнон – сын пастуха. Любили его за красоту и добрый нрав, а еще за умение сладко играть на арфе и складной песней веселить сердца.

Своею прелестью весенний Бейт Лехем выманил из шумного Иерусалима многих богачей и их чад. Вот и Тамар поселилась у Авишая. Ах, как хороша девица, глаз не оторвать! Вместе с Махой вышла она на луг и зашагала по траве, там где Амнон пас, и дивились пастухи вышитому пурпурному ее платью.

Говорят пастухи меж собой: “Какова, однако, красавица, прекрасней всех девушек Сиона!” Лишь Амнон среди всех благоразумен: “Что глядеть на недоступное? Девушка эта – из самых знатных, не про нас с вами. Не будем-ка задирать высоко голову, лучше опустим глаза долу да присмотрим за стадами”. Но охота пуще благоразумия, и глядит Амнон украдкой вслед легким девичьим шагам.

А солнце заливает золотыми лучами зеленые пастбища. Прозрачен воздух, чуден аромат весенней травы. Легкий ветер чуть шевелит молодые листья на ветвях. В тишину врывается то птичья трель, то блеяние стад. Красною божьего мира упивается душа пастуха. Вот сладкие звуки флейт раздались и достигли ушей Тamar, и не устояла она, и повернула назад вместе с Махой, и уселись обе на берегу ручья поближе к нежным звукам. Тут зазвенел над полем чистый голос. Это Амнон запел:

Бог услаждает людей без разбору,
Люди себя ублажают не так:
Сильному – лучшее, это – без спору,
Радость познает не всякий бедняк.

Поровну светит простым и вельможам
Солнце весеннее в небе высоком,
Милостью Господа утром пригожим
Всякий становится счастья пророком.

Уличный шум опостылел за зиму
Им, городским, с тугою мощной,
Ищут спасения. Где же? Вестимо:
Мчатся скорее в деревню весной.

Скромный пастух полевыми цветами
Встретит избранницу пылкой мечты,
Лес и река. Тишина над лугами.
Слышно лишь робкое: “Ты, только ты...”

Сон оказался явью

- Ах, Маха, если глаза твои зрячи, и уши внемлют – дивись, смотри и слушай, - говорит служанке Тamar, и голос взволнован и тревожен.

- И верно, госпожа, дух захватывает, как красиво тут! И веселье и радость вокруг. Нам, городским - тут душой отдыхать от шума и суеты. Поднимемся на гору, Тamar, где девушки знатные собрались и ждут, как пастухи с пастушками затеют пляску в два ряда, и песню хоровую заведут, и барабаны застучат. Выучимся веселиться.

- Оставь, Маха, другое у меня в голове. Никуда не пойду, словно цепью к этому месту меня приковали. Насилу развеселиться нельзя.

- Случилось ли что, госпожа?

- Ночные видения передо мной наяву. Ведь этот юноша снился деду моему Хананелю. Тот же облик и та же стать, точное повторение. Взгляни на пастуха-певца. Как он ладно сложен, а кудри его чернее вороного крыла. Румяные щеки и красные губы. Кожа, как чистый снег бела. И нежный голос голову кружит. Лук и стрелы при нем, вот наденет шлем и доспехи – и выйдет воин герой!

Тут и молодая служанка получше разглядела Амнона, и смутилось девичье сердце, и подумалось ей: “Чем не пара мне этот красавец пастух?” А госпоже своей Маха так говорит: “Ах, Тамар, сны дурачат людей, видения ночные сводят с ума. И Хананель уж умер, и сон его – тщета. А то, что лук и стрелы у пастуха, так тому причина простая. Весна сейчас, и вода в Иордане поднялась и гонит из зимних убежищ леопардов и львов. Злы и голодны хищные звери, того и гляди, унесут из стада овцу или быка, а то, сохрани Боже, на человека нападут – разорвут и сожрут. Себя и стада свои пастухи охраняют. А потому пойдем отсюда, госпожа, подобру поздорову, поднимемся на гору и будем любоваться на пляски и хоровод”.

Тамар Маху не слышит. Набралась духу и подошла к Амнону.

- Прекрасный юноша, если в сердце твоём столько же доброты, сколько прелести в лице, отдай мне венок полевых цветов, что держишь в руке, - дивясь собственной смелости выпалила Тамар.

- Возьми, госпожа, коли по вкусу тебе ничтожное подношение простолюдина, - побледнев ответил Аммон.

- Я слышала, юноша, как ты пел: “Скромный пастух полевыми цветами встретит избранницу пылкой мечты”. Покажи мне твою избранницу. Я преподнесу ей дар взамен этого венка, что ты предназначил для нее, и венок станет моим по праву.

- Среди тысяч девушек я не встретил пока своей милой. Ей богу, госпожа! – сказал пастух, и голос его вновь окреп и мимолетная бледность сменилась обычным румянцем.

- Как ты разборчив! Столь многих видел и не выбрал. Должно, счастливица будет прелести необычайной: одна из тысяч, как-никак!

Тут вмешалась Маха.

- Довольно, госпожа. Пора уходить. Видишь, вон человек сюда идет. Не к чести тебе пустые слова говорить, - сказала служанка.

Мечтатели и трезвомыслящие

Тамар и Маха ушли. Появился Уц, работник Авишая.

- О чем говорила с тобой дочь Иядидьи? – спросил Амнона Уц.

- Это была дочь Иядидьи!? Как жаль, что я не знал. О, уста ее источают мед. Она прекрасна и свежа, как роза утренней порой, покуда не высохли блестки росы на лепестках. Что привело, тебя, Уц? Ты помешал.

- Как высоко ты метишь, Аммон! Тамар и краше, и скромнее, и благонравнее всех прочих знатных девиц Сиона. Весьма вознеслись дочери вельмож. Посрамлен будет простак, коли забудет свое место. Не такова Тамар. Щедрой рукой одарит бедствующего и добрым словом ободрит тоскующего. Я нынче видел ее – встает с восходом и не уступит красую утренней заре, - сказал Уц.

- О, Тамар великолепна, как сам Иерусалим, и красота ее сияет, как царская корона, - подхватил Аммон возвышенный слог, - прелесть и скромность соединены в ней в совершенстве. Язык мой не передаст ее достоинств, и слова лишь повредят им. Только мечта способна достойно изобразить это чудо. Да, что говорить, будь Тамар звездой – она бы

украсила небосвод, а будь цветком – розы бледнели бы перед ней, - горячо продолжил Амнон.

- Остановись, наконец, Амнон! – прервал Уц юного мечтателя, - довольно высоких слов. Вернись к лугу и стаду. Ведь простой пастух ты. Паси свой скот, и гони прочь ветер из головы, - назидает Уц.

Тем временем ведут беседу Тamar и Маха.

- Хорошо мне тут, Маха. Век бы жила среди полей и лугов. По мне, так веночек наряднее дорогого чепца с золотым полумесяцем, хотя скромные полевые цветы украсят волосы простой пастушки, а шелковый чепец – голову городской матроны. А разве звуки пастушьей флейты не слаще музыки иерусалимских киноров в богатых домах?

- Ты видишь сны наяву оттого, что прелестный юноша излил свою красу на все вокруг, - смеется Маха, - однако, остерегаю тебя, госпожа: сердце обманет, и останешься на бобах. Хоть бы и жив был Хананель, а с ним и надежда на сон его, да разве есть в мире чудо, что вознесет простого пастуха до дочери царского сановника?

- Будет тебе, глупышка. Пусть он пастух, но душа полна величия и благородства, а бедная одежда не убавляет красоты и стати. А как звонко поет, как складно говорит! Глаза полны любви и сулят блаженство. Приведи я его домой – и матушка промолвит те же слова.

- Да почему ж ты так уверена, госпожа?

- Да потому, что пастух этот и есть тот самый юноша, который приснился деду.

- Ох, Тamar!

Так за беседой дошли девушки до дома Авишая.

Вечереет. Амнон расположил стадо на ночлег и отправился с пастухами домой.

Тamar улеглась в своей спальне, но сон отлетел, и открыты глаза. Ждет не дожидается рассвета. Решилась: одна пойдет на то место, где была вчера, и повстречает пастуха и все-все выпросит у него.

Знакомство

Этой ночью молодые львы ворвались в загон для скота и натворили немало бед. Пастухи пробудились поутру, увидели учиненный грабеж, вооружились копьями, луками и стрелами, сделали повсюду засады и стали поджидать свирепых разбойников. Кто для многих страшен, пусть многих боится.

Тamar, не зная ничего о ночных перипетиях, встала с рассветом и, как задумала, отправилась одна к заветному месту. Пастухи кричат, что есть мочи, выманивают из укрытий молодых львов, зарезавших и утачивших ночью баранов и быков, и скрывающихся сейчас неведомо где. Тamar слышит голоса над полем и лугом, но, не зная, что они означают, не тревожится, срывает полевые цветы, сплетает веночек и идет себе не спеша к берегу ручья.

Дошла. Увидела Амнона на другом берегу, и взволновалось сердце девушки. Опустились вниз две юных головы, глядят оба в реку, жадно пьют глазами отражение друг друга, и все не утолят жажду, а глаза стыдятся поднять, боясь своих чувств. С любовью приходит стыдливость, спутница добрых помыслов.

Первой заговорила Тamar.

- Я пришла, чтобы вернуть тебе долг, юноша, - сказала Тamar, протягивая веночек.

- Мне не дотянуться, госпожа, между нами вода.

- Где твоей руки не хватит, я свою протяну, - сказала Тamar и перебросила веночек на другой берег.

Тут громко закричал Амнон: “Берегись, госпожа!” Тamar подняла глаза, и смертельный ужас сдавил ей сердце. Из зарослей тростника показался лев. Страшен и злобен дикий зверь.

Шерсть стоит дыбом, хвост прямой, как копье, искры огня брызжут из глаз, язык – красен, как язык пламени, и вертит огромной головой – ищет несчастную жертву.

Вот хищник заметил стадо и ринулся навстречу добыче, спокоен и уверен в своих силах. Остановился, замер, приготовился к последнему рывку, сверлит горящими глазами обреченное создание. “Кого он алчет, овцу или юную красавицу?” – мелькнуло в голове Амнона. Как искушенный воин, он вскинул лук, распахнул колчан, туго натянул тетиву и выпустил быструю стрелу. Над лугом и полем воздух содрогнулся от страшного рыка. Это раненый лев взревел и замертво рухнул на землю в нескольких шагах от оцепеневшей Тамар. Ужас лишает языка и уводит землю из-под ног. Бедняжка побледнела, как мел, и упала без чувств.

Амнон, неустрашимый герой, одной стрелой сразивший грозного зверя, теперь со страхом глядел на распростертую на траве бездыханную Тамар. Тонкий недвижимый стан, ни кровинки в лице, сомкнутые веки. Он склонился над бесчувственным телом, и из горла его вырвался вопль отчаяния. От громкого крика Тамар встрепенулась и открыла глаза. Перевела взгляд с мертвого льва на нежное лицо юноши. Чувства начали возвращаться к ней, и она слышит, Амнон говорит: “Прекрасная девушка, уйми свое сердце, опасность миновала, и горю не бывать. Господь вложил силу и твердость в руку раба своего, и тот поразил чудовище и отвел беду. Вот он, лютей зверь, лежит мертв и не страшен более”.

В мечтательной душе нет места пустоте. Медленно-медленно отступает из сердца страх, и радость замещает его. Тамар видит перед собой чудные черты, и не находит слов благодарности ее язык. Спаситель рядом, и силы возвращаются, и вот уж она говорит.

- Господь сотворит героя. Лишь храбрец дерзко глядит в глаза смерти. Я слаба и беззащитна, что стало бы со мною, не окажись тебя поблизости в роковую минуту? Как страшен зверь – клыки, оскал, кровь. Ты уберег меня от зубов и когтей. Воистину, на бедственный случай друг нам дан. Какими словами благодарить тебя, мой избавитель?

- Господу принадлежит спасение. Это он дал мне силу и мужество. Вставай и воздай хвалу Богу, - ответил Амнон.

- Как зовут тебя, юноша?

- Амнон.

- Буду звать тебя по имени. Возьми, Амнон, этот браслет, памятный дар. Не подумай, это не награда за подвиг, это лишь памятка об имени моем. Твое воздаяние – впереди. Мой отец – Иядидья, важный царский сановник. Велики его богатство и власть. Он щедрой рукой наградит тебя, и по заслугам ты вознесешься высоко-высоко. Пастуху довольно деревни, благородному герою нужна столица. Подобаает ли тебе, несравненному, обретаться среди пыли и камней, и видать лишь простолюдинов, да еще и столь чудно петь для них да для зверей лесных? – с горячностью сказала Тамар и не подумала, что откровенные эти слова удивительны на ее устах.

- Зачем мне памятка, госпожа? Простому пастуху благородную девицу забыть, что себя потерять, - сказал Амнон, и слезы навернулись у него на глаза.

- Амнон, слезы твои, как алмазы блестят на щеках. Эта влага – верный знак, что будешь помнить меня, как я помню тебя по сей день.

- Да разве ты видела меня прежде? – изумился пастух.

- Во сне, - рассмеялась Тамар, - но Бог подарил мне этот день, и я вижу тебя наяву.

- Прости, госпожа, ты говоришь загадками.

- Как пребудешь в Иерусалиме, так придешь в дом к Иядидье равным среди прочих званых гостей - доблестных героев-воинов. А еще услышишь знатоков слова Божьего, сынов пророков, что кормятся щедротами отца. И откроется пред тобой новый мир, а я заклинаю тебя стройными газелями и быстроногими ланями, чтоб на вершину этого мира ты поместил себя и меня. Вот и разгадка. А пока пусть покойно живет твоя душа, и не забывай Тамар, что всем сердцем ждет тебя и помнит.

Тут Маха подошла - искала пропавшую госпожу. Содрогнулась, увидав мертвое чудовище. Тамар пришлось рассказать, как пастух спас ее из когтей хищника.

- Уж не сама ли ты это подстроила, госпожа? – лукаво спросила Маха.

- Поклянись, любезная, что глупые эти домыслы впредь не слетят с твоих губ. Лишь правду расскажем отцу, как юноша спас меня от гибели, - ответила Тамар.

Маха, которая метила в ту же цель, что и госпожа, весьма обрадовалась, узнав о намерении Тамар завести Амнона в дом.

Девушки направились домой, беседуя, а Амнон принялся сдирать шкуру с убитого льва. Тамар поминутно оглядывалась, как бы невзначай.

Герой в смятении

Однажды увидел Уц, как Амнон сидит в глубоком раздумье и смотрит на лилию, побитую ярким солнцем и знойным воздухом. И слышит, Амнон говорит сам с собой: “Как хороша ты, лилия, на заре. Чашечка твоя полна ночной росы, на лепестках блестят прозрачные капли. Живительной влагой упиваешься, и деревья с завистью глядят с высоты. Чуть ни до самого полудня беззаботно красуешься у всех на виду, чудное растение. Но жаркое солнце иссушает влагу, и никнут лепестки, и бледнееешь ты, и словно скорбишь и молишь о сострадании.

Даже простой цветок может научать нас. Всякое творение Господа преподносит нам урок. Мир Божий вокруг нас – раскрытая книга. На нетленных страницах Творцом вписаны мудрые строки. Кому дано понять эту книгу, каждодневно станет читать ее и осмыслит и себя и мир.

Взять хоть ту же лилию: с восходом сияет и счастлива она, полуденный зной иссушит, а новая заря вновь оживит ее. А разве не то же случается с юношей? Безмятежна душа, и он счастлив вполне. Приходит страсть, и от жара ее высыхает сердце, и жалок вчерашний герой и полон страданий, откуда новым рассветом не оживит его ответная любовь”.

- Что с тобой, Амнон, - спросил Уц, - уж несколько дней тебя не узнать, какой переворот случился в голове твоей? То ночь напролет просидишь одиноко в темном лесу, то день-деньской ты у ручья, вперешь глаза в воду, а мысли, должно быть, парят в небесах, то, как безумный, носишься без цели с вершины холма в долину и снова наверх. Стада разбрелись без присмотра. А речи твои высоки и загадочны.

- Слушай внимательно, Уц, поведаю о своей кручине. Не знал я прежде прекрасной Тамар, и сердце билось ровно, и дни текли бестревожно. Но, вот случилось, спас девицу от ярости лютого льва. Одной стрелой поразил зверя. Труп его в роще зарыт. Теперь возжелала Тамар видеть меня гостем в доме отца, самого Иядидьи. Огромная честь и неслыханный почет для пастуха! Снесу ли эту шапку? Мысли смешались, и сердце не на месте, - сказал Амнон.

- О, ты не прост, Амнон! Такие перемены – и все тайком. Да и сейчас, сдается, не до конца говоришь. Человек жаждет почета, и ни у кого не достанет сил победить в себе эту страсть. Мысли твои и сладки и горьки. Золотые голубки нежно щебечут в самое ухо, черные вороны больно клюют до костей. Высоко в горы ускачет легкая лань – не догнать. Не тщишь, и тщета оставит в покое душу. Знающий свое место – не знает смятения.

Уц не удовлетворился поучением, но поведал обо всем Авишаю. Изумился Авишай, испугался, и услав Амнона в Боцру, закупать скот.

Иядидья послал за Амноном, а гонцу говорят, что тот в Боцре.

Глава 5

Радостная пора

Тейман по велению Иядидьи, отца, приехал на Кармель к Ситри, чем весьма порадовал последнего. Назавтра встали оба с восходом и направились осматривать виноградники. Тем временем заря простерла свои лучи на красоты Кармеля, и те пробудили радость и веселье от ночного сна. Сборщики и сборщицы винограда разом запели озорную песню о любви и вине, что зажигают людей.

На другой день Тейман пришел в виноградники с тремя своими работниками и говорит им: “Видите эти знаки? Они привязаны папирусом к священным ветвям, гроздь с них кладут отдельно, ибо это – самые первые плоды, для кознов они. Теперь гляньте сюда: одна лоза роскошнее другой. Они доставят благословение жителям холмов и долин. Ветви сгибаются под тяжестью гроздей, полных соком – будущим вином. Будто драгоценные камни искрятся и играют красные ягоды. А вон там, прикрытые свежей листвой, виднеются гранаты и фиги, и вид их торжествующий, словно уже в святой храм внесены. Молодое вино и сок их – служителям Господа. Ну, а оливковые деревья какковы!? Янтарным жиром щедро наполнены их плоды. Чистейшим маслом порадуем Бога, чтоб не обходил благословением нашу землю”.

Сказав это, Тейман с назиданием обратился к сборщикам: “Остерегайтесь греха! Сами ешьте вдоволь, сколько душе угодно, но не гоните прочь обездоленных, если придут сюда, чтобы насытиться и забыть накоротко тяготы и страдания. Человеку полезно почаще думать о том, что есть у него сверх необходимого, и о несчастьях, что могут случиться в будущем. Кто знает, что вас завтра ждет? Что если судьба распорядится дурно и нашлет голод и нищету на детей ваших? Тогда и они пойдут по чужим виноградникам с протянутой рукой. Наполняйте корзины, и на ветвях оставляйте немного плодов. Они для бедных – пища, а для вас – жертва Богу”. Труден путь поучений, но юный наставник неутомим.

Так и мелькают ловкие умелые руки молодых сборщиков и сборщиц. Шутят и балагурят за работой. И для детворы дело нашлось: опорожняют наполненные корзины и перекаладывают гроздь в глиняные горшки, которые носильщики ставят себе на широкие плечи и несут на винодельню.

Крестьяне степенно ведут беседу.

- Выйдет чистым и красным вино, как утренний восток, как драгоценный рубин, - говорит один.

- Напиток сей будут вкушать в Божьем храме, вся сладость солнца в нем, - подхватывает другой.

- Слава вину, что веселит и Бога и людей! Оросят священные струи жертвенник Господу. Живительная влага разбудит забытую страсть в сердцах тех, чья молодость позади, и вернет их на ложе любви, - вторят крестьянам давитьщики.

Настал полдень. Утомились виноградари, побросали корзины и разлеглись в тени – попить, поесть да набраться сил. Хоть не умолкает смех, и нескончаемо веселье, но чинно все и достойно, и не слышать срамных шуток. Там отрок, цепляясь за листья, влез на пальму, сорвался вниз, но не ушибся – и все хохочут. А вот девушка, притворно сердясь, бежит за юношей, что шепнул ей что-то на ухо. В руках ее спелая гроздь. Споткнулся проказник, упал, и настигла его кара. Преследовательница догнала шутника, сдавила руками гроздь, и лицо его окрасилось алым соком. И вновь все хохочут. Сбор винограда – радостная пора, а в урожайный год люди становятся отзывчивыми и добрыми.

Нежная Роза

Тейман расхаживает по винограднику, наблюдает за работой. Видит: незнакомая девушка подбирает с земли осыпавшиеся виноградины, и нет ей дела до шума и веселья вокруг. А если и улыбнется, то лишь на мгновение, и улыбка, добавив прелести чудным чертам, едва лишь коснется розовых губ, словно легкий ветерок шевельнет лепестки лилии. И ясные ее глаза вновь подернутся извечной грустью-тоской бедности. Тейман любуется дивной, прежде невиданной красотой, и не отводит взгляд, и сердце его гулко стучит. Не в силах сдвинуться с места, стоит, словно громом пораженный.

Думает Тейман: “Это чудо достанется на радость сыну бедняка. Мне Господь уготовил почет, богатство и достойную невесту, дочь важного сановника. Прошу тебя, Господи, отдай эти блага другим. Почет дай властителю, богатство – щедрому, а на дочери вельможи пусть женится тот, кому по вкусу золото, шелка и кружева. Мне нужна эта девушка, которую не променяю и на царскую дочь. Довольно мне виноградника и малого надела на твоей огромной земле, и шалаша на ней, чтобы жить в нем с моей единственной. Да, так просто, Господи, ты сотворишь счастливейшего человека на земле”. Столь тверды первые шаги юношеского порыва – кажется, на всю жизнь их силы довольно.

Глубоко-глубоко погрузился в размышления Тейман и не спросил девицу, кто она такая будет, и кто отец и мать ее. Тут появился один из его работников и говорит, что сборщики и крестьяне зовут Теймана на трапезу, чтоб сказал благословение к хлебу и вину, а они бы благословили его самого. И Тейман благословлял и принимал благословения, а как вернулся на прежнее место, видит: девушка исчезла. Стал искать ее повсюду, и не нашел. И на другой и на третий день все искал, но красавицы след простыл.

Горестно у Теймана на сердце, душа жаждет того, что утрачено. Но доколе предаваться отчаянию? Нет для человека ничего хуже печали, она до смерти доводит. Чтоб утешиться, отправился на охоту со своими работниками. Видит, на вершине горы Кармель пасется стройный олень. Голова красавца увенчана прекрасными рогами, и несет он их достойно и гордо, словно новоиспеченный царь – корону. Олень услышал голоса и помчался, что есть духу, ладный и легконогий, играючи огибает камни и уступы. Бежит, останавливается, озирается по сторонам, и вновь вперед, и скрылся за деревьями, и оставил позади посрамленных охотников.

Тейман отпустил своих спутников, стал бродить по лесу и сбился с пути. Принялся звать людей – нет ответа, никто не слышит. Тейман все идет и идет, сам не зная куда, то влево, то вправо свернет. Вдруг увелел впереди, белое платье развеивается на ветру. Уподобившись оленю, помчался за белым пятном вдали. Добежал, и о, чудо: перед ним – пропавшая девица! Словно луч яркого света пробивается из тени деревьев – так сияет простой ее наряд. Неподалеку виднеется хижина, втиснутая в расщелину горы.

Девушка испуганно отступила на шаг.

- Не бойся, красавица, я не сделаю тебе дурного, - первым заговорил Тейман, - коли Господь подарил мне встречу с тобой, прошу тебя, верни то, что взяла.

- Чем я согрешила, господин мой, - спросила девушка, и слезы потекли по ее щекам, - в жизни чужого не брала. В винограднике твоём я не ела гроздей и с собой не унесла. Только опавшие ягоды подбирала. Мы с матерью собираем на полях и в садах оставшееся после сбора урожая. Этим кормимся.

- Кто твоя мать, и какого племени отец?

- Мать моя филистимлянка, отца я не знаю, а какого он племени – известно матери.

- А где живете вы с матерью?

- Вот в этой хижине. Сейчас матери нет здесь, через три дня вернется.

Я отвечала тебе, господин, теперь ты ответь мне, зачем испугал меня, зачем требовал вернуть, что не брала?

- О, бесконечно много ты взяла у меня в тот день, что впервые увидел тебя.

Безмятежность – лучшее достояние души – ты унесла, вестница любви.

- Что я для тебя? – спросила девица, не понимая высоких слов.

- Весь мир! – выпалил Тейман, снял с пальца кольцо и протянул его девушке, - как зовут тебя?

- Люди вокруг называют меня Роза.

- Удивительно подходит тебе это имя! Знай же, нежная Роза, - вдохновенно продолжил юноша, - драгоценный сапфир в кольце – это твой чистый лик. Накрепко вправлен в кольцо прекрасный камень, навечно пленен моим сердцем чудный образ. Одного из двух я хочу: возвысить тебя до моих богатых палат, или самому спуститься в эту бедную хижину.

А простодушная Роза все не поймет слов юноши, и с восхищением и удивлением смотрит на него.

- Как ты добр, господин! Но хижина эта тесна для троих. Да и зачем тебе бежать из столичных дворцов в безлюдное место? Вот через три дня вернется мать, и услышим, что ответит тебе, а я без нее не знаю.

“Она не из тех простушек, чья наивность служит корысти”, - подумал Тейман и, не сдержавшись, поцеловал девушку.

- Милая Роза, я приду к твоей матери, а пока укажи мне путь, как выйти отсюда на дорогу и как вернуться на это место.

Роза указала тропу, что ведет к дому Ситри. Тейман ушел, и душа его не терпит: скорей бы миновали три дня.

Разочарование

Через два дня Ситри приготовил урожай винограда и стал торопить Теймана: пора возвращаться в Иерусалим. Ранним утром сложили лучшие плоды в золотые и серебряные бочонки, укрепили груз на спинах ослиат и тронулись в путь.

Впереди каравана неспешно шагает огромный бык, тяжело ступая копытами. Великолепны его золоченые рога. На голове, словно драгоценная корона, блестит венок из оливковых ветвей – пусть видят, кто есть царь среди прирученных людьми зверей. Он всех превосходит силой и более других полезен человеку, бороздя и бороня землю. Он завершил свой тяжкий труд под ярмом и умиротворенно смотрит на долины и холмы. Земля удивительно плодородна, но без его помощи не вырастили бы крестьяне славный урожай, оттого и кормили быка досыта: ешь, сколько угодно. Сейчас путь его лежит в святой Иерусалим. Как с честью он покончил свой труд, так достойно завершит свою жизнь. Богу и людям посвящена смерть жертвенного быка. Лучшее мясо и жир полагаются кознам, служителям Господа, остальное – украсит стол хозяев бывшего труженика.

Караван прошел часть пути, и Тейман говорит своим работникам: “Двигайтесь, не торопясь, а я вернусь на Кармель, закончу дела и к вечеру догоню вас”.

Тейман оседлал мула и повернул в сторону Кармеля. Вот и знакомая хижина. Увы, нет ни Розы, ни матери ее. Теймана встретила неизвестная старуха.

- Филистимлянка, мать Розы, что жила тут, велела вернуть тебе вот это. Камень выпал из кольца и никак нельзя вправить его на место.

- Где же Роза и мать ее? – в отчаянии возопил Тейман, - скажи, заплачу тебе сколько пожелаешь.

- Это мне неведомо, господин. Знаю лишь, по словам филистимлянки, что они не вернуться.

Не солоно хлебавши, ушел Тейман, понуриив голову. Что произошло? Он не знает. Догнал караван, и вскоре прибыли все в Иерусалим. Иядидья, как и положено, возложил на

жертвенник особые плетеные корзины, полные лучших первых плодов. Тейман стоял при сем мрачен и молчалив, и о кручине своей никому ничего не сказал. Безмолвна глубокая печаль.

Глава 6

На ложе моем, по ночам, искала я того,
кого любит душа моя...

Песнь песней 3,1.

Канун праздника

Четырнадцатый день месяца Тишрей, канун осеннего праздника Суккот. Тамар сидит в своей комнате у открытого окна. Пройдет кто мимо из слабых мира сего – вдова, сирота, чужеземец или просто бедный человек – одарит его Тамар деньгами: пусть у всех будет праздник. А потом укажет путь на гумно и в отцовские винные погреба. Там распоряжаются Тейман и Зимри, раздают просителям хлеб, молодое вино и оливковое масло.

Входит Тирца в сопровождении слуги, который несет пять роскошных мужских платий, сшитых по ее указу для Амнона, спасшего Тамар.

- Хорошо, что предупредила меня, дочь, что твой спаситель из Бейт Лехема такого же сложения и роста, как этот юноша. Примерили одежду на слугу – ему впору. Повесь наряды в твоей комнате, пусть сей дар дожидается будущего своего обладателя.

- В пять праздничных одежд ты оценила мою жизнь, - смеется Тамар.

- По душе придется пастуху подарок, он не нашивал прежде богатых одеяний, - сказала Тирца.

- А эти тридцать новых кафтанов снеси ученикам пророков, - обратилась Тирца к слуге, - отдай им и на словах прибавь, что они приглашены к нам на завтрашнюю трапезу. Надеюсь, красивая одежда не затемнит вид мудрости.

Тирца ушла, а Тамар развесила в своей комнате богатые дары для возлюбленного Амнона, вновь уселась у окна, и с прежним рвением продолжила раздавать милостыню и благословлять благодетельствованных.

В комнате появляется Азрикам.

- Деньги раздавать – не для твоих нежных ручек занятие, - обращается Азрикам к Тамар, - и с простонародьем толковать не о чем. Наслушаешься грубых речей от жалких людишек.

- Будь столь любезен, Азрикам, - возражает Тамар, - объясни мне, зачем надобно унижать и срамить бедняков? Они сотворили зло? Убили? Ограбили? Нищета и бедствия зачастую происходят из честности и прямоты. Только бездушный не поможет страждущему, лишь твердое, как камень, сердце не растопят горячие слезы обездоленных.

- Им по вкусу дармовой хлеб – вот и вся их нехитрая подноготная. Обеднели от лени и безделья. Лениость сладка и заменяет все блага. Я этому не попусти. Кто не трудится, тому и кусок не положен. Без труда тело разлагается, как стоячая вода. А посему я велел домоуправителю моему Ахану сперва подать нищим, зато потом принудить их к труду и взыскать с каждого всемеро. Выигрыш двойной: и работу с них получил, и от дома отвадил.

- Несчастные не стучатся в твои двери, боясь змеиных жал, что за дверями притаились, - говорит Тamar. – Вот осмелеют люди, откроют рот, и услышишь: “В чем уступаем тебе, Азрикам? Говоришь, нерадивы мы? А твои, господин, великие труды каковы? Чем воздаешь ты за богатство, коим благословил тебя Господь? Сытно ешь да сладко пьешь – только и всего! На пустое брюхо не жалуешься, этим нас и превосходишь”.

- Не говори устами жалких и убогих и не учи и не учишь непочтительности. Ведь я как-никак благородной крови да и тебе не чужой, - с обидой произнес Азрикам.

- Ах, если бы почет делал человека лучше! Однако, прости. И ответь, зачем поспешил явиться к нам на праздник? Подразнить меня?

- Дома делать нечего. И тебя увидеть не терпелось. Все твоего расположения ищу, да, видно, не заслужил. Ты груба со мной, ибо знаешь: красота тебя сбережет, и дерзкое слово не услышишь в ответ.

Говоря это, Азрикам обнял Тamar.

- Обида моя – на самого Господа, - продолжил Азрикам, удерживая Тamar, - одарил он тебя чудной прелестью и красотой и тем связал мой язык.

- Оставь меня, - презрительно вскрикнула Тamar, освобождаясь, - и у меня обида на Бога: зачем Он позволил любить меня такому, как ты!?

- Как мне добиться твоей любви?

- Возненавидь меня!

Помрачнел Азрикам.

- Боже, дай мне силу разлюбить тебя, и – конец страданиям!

- Прими совет: поменьше смотри на меня и побольше слушай. Вмиг ярость разгорится и спалит ненавистные пути. Вот и освободишься!

- Совет не годится. Не смотреть на тебя я не в силах, и нет во мне гнева, не то воздал бы тебе сторицей за поношение, что терплю. Поругание же достоинства – отомщу. Еще до брака с тобой возьму себе других жен и буду любим и обожаем и, глядишь, тебя, Тamar, на путь разума наставлю, научишься благородную особу почитать. Обижать легко, сносить обиды – мука.

- Не удивил меня. Пусть так. С помощью жен твоих лучше пойму благородную особу, вроде тебя. Но до этого еще далеко. А сейчас сделай милость, исчезни с глаз, ибо не по силам мне бремя твоего благородства. Душа отдохновения просит.

- Хоть и привык я, что досаждаешь мне с тех пор, как узнал тебя, а нынче не стало мочи терпеть. Уж полгода минуло, как спаслась от львиных когтей, да, видно, заместо страха в тебе поселился бес. Лютость дикого зверя пустыни правит тобой.

- Вот и оставь меня одну, как пустынного зверя.

Горько размышляет Азрикам: “Дикие звери среди людей приручаются, а люди, живя с людьми, становятся дикими”. Он ушел в гнев и обиде, оставив Тamar наедине с ее мыслями. “Великий Боже, если Тебе под силу обратить тьму в свет, сделай так, чтобы Азрикам разлюбил меня”, - думала она.

Тревога в сердце

Девушка вновь уселась у раскрытого окна, и дух ее встревожен, и сердце беспокойно. Она вперила взгляд на восток и видит башню царя Давида. Спешат золотые лучи, заливают светом крепкие камни. Блеском молний, искрами пламени сияют большие и малые щиты, развешанные по стенам башни. Что за зрелище – глаз не отведешь! Улицы Иерусалима полны народом. Со всех концов Сиона сошлись люди в столицу. Гомон и спешка вокруг. Вот-вот рассеется толпа, и каждый – трепет и радость в душе – найдет дорогу в свою обитель, какая ни есть, и с женами и детьми встретит распрекрасный праздник Суккот.

Томится неизвестностью бедняжка Тамар. И уж не в окно, а в девичье сердце смотрят глаза. Тоскливо и грустно. Не услышала, как скрипнула, отворяясь, дверь, и вошла служанка Маха.

- Госпожа, отчего грустишь, когда ликованье вокруг? – спросила Маха, - мысли твои далеки от праздника.

- Они между небом и землей, между Амномом и Азрикамом, - ответила Тамар, - с раннего утра и до сего часа я у окна, все глаза проглядела: жду, стерегу Амнона. Вот уж длинные тени побежали на восток, а его все нет. Тысячи промелькнули мимо, весь Сион прибыл на праздник, лишь кого жду – не вижу. Я от людей знаю: десять дней минуло, как Амнон вышел из Боцры. Не случилось ли беды, ведь он стада гонит. Душа терзается, думы ужасны – словами не выразить.

Кончился день, наступил долгожданный вечер. Люди выходят из домов, рассаживаются в шалашах. “С праздником, со святым праздником!” – приветствуют друг друга. Почтенные богатые горожане едят и пьют степенно и достойно. Простой народ собирается вокруг кувшинов с вином. Где толпа людей – там и радость. Ликует Иерусалим, город обители Господа.

Тамар не дождалась, не пришел желанный. Тяжело на сердце. Неизвестность – самая мучительная из пыток. Делать нечего, улеглась, измученная, в постель, и сморил страдальцу тяжелый сон.

Взошло солнце. Лучи его прорвались в комнату, играют занавесями, что спускаются с болдахина над постелью Тамар. Утренние посланники светила упорно ищут, как прорваться вовнутрь, теребят вышитую ткань. Но полог верно хранит нежную девичью дрему – пусть досмотрит последний сон, что легким крылом шуршит над ее головой.

Солнечный свет стирает из памяти ночные видения. Какие-то улетают тотчас, а другие на миг застывают на устах. Тамар просыпается, и губы ее шепчут имя пастуха. Снилось ей, что говорит с ним, но не насытилась сном.

Бесшумно вошла в комнату Маха.

- Пробуждайся, госпожа. Сегодня праздник у Господа, праздник у людей. Вставай, надевай лучший наряд и украшения к нему. Пойдем на священную гору, полюбуемся на сотворенную Богом благодать и на людей, что ей рады безмерно. Глянь-ка в окно! Вот быков выводят из стойла, а там – баранов из загона. И тех и других ведут на жертвенник. То будут жертвы всеожжания, что сгорают целиком дотла, и жертвы мирные, не ради искупления, а из любви к Всевышнему, и куски их пойдут на праздничный стол. Такое действо проспаться!? Торопись, госпожа!

Тамар подняла полог, и солнце брызнуло ей в лицо.

- Солнечный свет прекрасен, как сияние лика Амнона, что явился ко мне во сне. Ах, кабы сон обратился явью!

- Досужее сравнение. Светило небесное всемеро ярче бесплодных видений.

Не вступая в спор, Тамар нарядилась, и девушки отправились на Храмовую гору.

В это утро святая гора изобилует народом, пришедшим к обители всемогущего и всемогущего Бога Авраама. Как людно! И чуть ни каждый ведет жертвенное животное. Вот мост, соединяющий уступы Сионской горы со священной горой Мориа – так зовут Храмовую гору. Мост сей возведен был в давние времена по указу царя Соломона. По нему ступал владыка из дворца прямо в Храм. Сейчас течет по мосту многоголосая толпа, стремится в святилище Бога.

Думает Тамар: “Любезный мой, избранник мой! Нет равных тебе в людском этом скопище. Увижу ли здесь тебя? Конечно, нет! Будь ты в Иерусалиме, еще вчера предстал бы перед отцом, как обещал. Ты из тех, чье слово крепко”. Тамар вошла в Храм, преклонила колени, обращается к Господу: “Всемогущий Бог, вот, я в храме Твоем. Помоги мне! Милостью своей защити моего Амнона. Где бы он ни был, не дай случиться беде. Прости ему, что не сдержал слово и не пришел к отцу. То не измена вовсе. Кто, как ни Ты,

всевидящий, знаешь верное сердце и благие дела его. Господи, прости на Амнона свою бесконечную милость, сбереги от пагубы”.

Помолившись, Тамар и Маха вернулись домой. Слуги внесли мясо, что осталось от мирных жертв – будут готовить трапезу для званых гостей.

- Матушка, я испробую праздничных сладостей и сочных гранатов, а потом позволь мне с Махой прогуляться по улицам, рынкам и площадям да поглядеть на приезжих, а к полудню вернусь, - обратилась Тамар к вошедшей Тирце.

- Будь по твоему, дочь, но не опаздывай. Однако, где юноша из Бейт-Лехема?

- Не знаю, матушка. Уверена лишь, что он не обманщик.

Тамар и Маха полакомились сладостями и вышли за ворота. Идут по городу, и Тамар смотрит во все глаза: не видно ли где Амнона? Кажется, на всех улицах и рынках побывали – но нет его. Быстро время пролетело. Лестница царя Ахаза – городские солнечные часы – вся, до последней ступени, погрузилась в тень. Это – полдень. Тамар вздохнула тяжело и говорит Махе: “Возвращаемся назад. Напрасны поиски”.

Щедрые посулы

В то самое время, что Тамар высматривала Амнона, тот тоже бродил по улицам Иерусалима и расспрашивал прохожих, как пройти к дому Иядидья. Тамар еще не успела вернуться, а Амнон уж стоит в дверях.

- Кто ты и чей сын, юноша? – спросил Иядидья.

- Я пастух, тружусь у Авишая, которого ты поставил старшим над стадами. Дочь твоя Тамар взяла с меня слово завернуть в твой дом, как случится мне пребывать в Иерусалиме. Вот, я перед тобой.

- Ты Амнон? – спросил Иядидья, внимательно разглядывая гостя.

- Да, мой господин.

- Это ты спас мою дочь от дикого зверя?

- Это Бог сполна дал силу рукам и духу моему, - изумительно скромно ответил Амнон.

- Если умен человек, то и скромн, - сказал Иядидья. – Щедрость Бога непреходяща.

Достоин и по заслугам будешь вознагражден и станешь уважаемым в Сионе.

Иядидья подвел гостя к жене Тирце и сыну Тейману: “Вот Амнон, пастух, спаситель нашей Тамар”.

Обрадовалась Тирца.

- Ты благословен Богом и угоден Ему, прекрасный юноша, ибо спас от неминуемой гибели нашу дочь, - говорит мать. – Хоть на мгновенье дрогнула бы рука, оступилась нога или поколебался дух – и не было бы с нами Тамар, и имя и облик юной девы растворились бы в вечности. Ты пришел к нам и тем удвоил праздник, и ждет тебя награда, - заключила торжественную речь Тирца.

- Моя награда со мной, она – в богоугодных делах, - верен скромности Амнон.

- Смени крестьянское рубище на красивые одежды, что я приготовила для тебя. Ты вступил под крышу дома, где забудешь свое пастушье прошлое, - сказала супруга вельможи.

Тирца распорядилась, и слуги проводили Амнона в баню, а затем умастили тело его душистым мирровым маслом и облачили в прекрасное платье. Обновленный, вступил Амнон в пышные палаты царского сановника.

Тейману пастух пришелся по душе.

- Займи дорогого гостя, Тейман, а я вернусь, и вместе сядем за трапезу, - сказал Иядидья, уходя.

- Тейман провел Амнона в комнату сестры.

- Тамар не угадает в тебе прежнего пастуха – неузнаваемо преобразила тебя одежда! И как к лицу она тебе! – воскликнул Тейман, восхищенно разглядывая Амнона.

Вошли Тирца и Тамар с Махой. Тамар видит любимый облик, и трепещет сердце. Юноша стал еще прекраснее в новом одеянии. Краской залилось девичье лицо.

- Я рада видеть моего спасителя в моем доме, - сколь могла степенно и, скрывая волнение, произнесла Тамар.

Тут и сердце Амнона встрепенулось.

- Ты тверд духом и верен слову. Увидишь, ты творишь добро для тех, кто его помнит, - добавила Тамар.

- Велико воздаяние творящим благо. Довольно было коз и овец, теперь усядешься равным среди сановников и вельмож, - вновь взяла торжественную ноту Тирца.

Тейман цепко всматривается в лицо Амнона, и, кажется, чудные черты героя напоминают ему кого-то.

- Матушка, взгляни повнимательнее на этого юношу, - шепчет он на ухо Тирце, - как похож он на молодого воина, что приснился твоему отцу Хананелю на берегу реки Квар!

- Прочь! – сердится Тирца.

- Что сказал тебе Тейман? - с любопытством спрашивает Тамар у матери.

- Ах, пустое, дочь, - отмахнулась Тирца, но почудилось ей, что кольнула сердце иголка правды в сыновних словах.

Тем временем Аммон разглядывает комнату Тамар. Стены выложены ливанским кедром. Одно окно смотрит на улицу, на восток, другое – выходит в сад. Мирровые деревья, хенна и нард норовят протянуть свои ветви через окно. Нежный аромат смешался с воздухом. Не знал прежде пастух, каким прекрасным бывает жилище.

Вино из добрых рук

Тейман заметил на улице фигуру человека. Тот что-то говорил. Тейман прислушался, подошел поближе к распахнутому окну. Видит, человек уж немолодой, едва стоит на ногах, шатается из стороны в сторону, а лицо красно, как кармазин. “Краснота эта говорит против него, - подумал Тейман, - то, что разукрасило щеки и нос, то и в голову вошло, ибо это – вино, и изрядно пьян человек”.

- Как тебя зовут, и откуда ты? – спросил Тейман.

- Я из Хеврона, господин.

- Должно быть, ты из Кирьят Арбы, что возле Хеврона, и приходишь из тамошнего племени великанов: вино пьешь, как исполин. Не натерпеться бы сраму в Сионе!

- Не сыны Сиона меня на гульбу подвинули. Горемыка, вроде меня, только в вине утешение находит.

- Что ты там на улице мелешь без умолку? Заходи в дом, пьяница, и рассказывай свою историю, - крикнула Тирца.

Человек в дом не вошел, но к рассказу приступил охотно.

- Ты не гляди, госпожа, что меня ноги не держат, зато голова ясная. Вот, я вижу в твоём доме того, кто меня облагодетельствовал, - сказал он, указывая на Амнона, - а теперь все расскажу по порядку.

“Я шел из Хеврона в Иерусалим, чтобы почтить Господа, и посчастливилось мне встретить разбойников. Понравился им скот, который я гнал, и приглянулись навьюченные на быков тюки с посильными моими дарами Богу. Вижу – не одолеть мне грабителей. Вот и говорю: “Берите добро, злодеи, только живым оставьте!” Те обобрали меня до нитки, и вышел я из этой переделки гол, как сокол, и рад, что ноги унес. А теперь скажите, господа

мои, подобает ли человеку являться перед лицом Господа с пустыми руками? И что делать, если еще и на сердце пусто?

Голод и жажда мучили меня, когда вчера предстал я перед городскими воротами. Вижу, город бурлит и кипит праздничным весельем. А у меня в душе мрак. Горько быть голодным и несчастным среди сытых и радующихся. Как вынести такое? Просил богатых о помощи, а они глянут на мое жалкое рубище – и отворачиваются. К вельможам важным кинулся, а этим законникам доказательства подавай, что я не лгу, и что вправду беда со мной стряслась. Какие у меня доказательства? Разве что брюхо вспороть и показать, как от голода кишки ходуном ходят? “Не будет вам божьего благословения!” - сказал в сердцах и пошел не солоно хлебавши, а на душе еще горше.

И тут повстречался мне юноша с красивыми глазами. Пожалел меня, дал хлеба, мяса и вина на все дни праздника и одежду достойную подарил. Осчастливил и пропал, как сквозь землю провалился. Я всю ночь не спал, думал: “Как ловко скрылся с глаз, уж не ангел ли он, Богом посланный? Как найти добродея и благословить его? Весь Иерусалим переверну, все улицы и рынки обыщу и юношу найду!”

Утром я изрядно приложился к кувшину с вином, затем взошел на Храмовую гору и вижу: вот он, кого ищу, в толпе людей! Бросился к нему, давай обнимать, благодарить, а он отбивается, смеется: “Оставь меня, позволь пройти, обознался ты, человек!” Я уж сомневаюсь: “Может и впрямь маху дал, по правде говоря, не мудрено ошибиться в моем-то положении”. Человек я честный – ошибку признаю и не скрываю. А все же я не отступился, выследил его и дошел до этого дома и теперь уж точно вижу: это он. Два раза об один и тот же камень не споткнусь. С места не сойду, пока сей прекрасноглазый юноша мое благословение ни примет”.

Тирца рассмеялась, выслушав рассказ.

- Будь добр, Амнон, прими благословение, тебе причитающееся, - сказала она.

- Твой хмель пройдет, чудак, и поймешь, что за другого меня принял, и вино тому виной, - сказал Амнон своему восхвалителю.

- Тогда клятвою клянись, что не ты, юноша, одарил меня!

Не успел Амнон и рта раскрыть, как прочие слушатели дружно вступили в разговор.

- Я верю ему, хоть он и пьян! – не сговариваясь и враз воскликнули Тирца, Тамар и Тейман.

- Твоя взяла, приходи завтра к Рыбным воротам, я там остановился в доме Имны Кармельского, - сказал Амнон, весьма смущенный.

- Слово твое – закон для меня! Я зарок дал: если по скромности станешь скрывать свои благодеяния, я их открою. У городских ворот, принародно и во всеуслышание. Не спорь, прошу. Чем нехороша человеку добрая слава!? Возжелай Господь давать таких сыновей царским сановникам из колена в колено, и навеки воссияет над землей город Давида!

Тирца и Тейман с восхищением смотрят на Амнона. Тейман обнял его и говорит горячо: “Воистину люблю тебя, ты друг мне и брат!”

Азрикам осаждаем со всех сторон

Поток славословия был прерван приходом Азрикама. Пьяница, что уж совсем было собрался уходить и готовился сделать первый шаг, узнал вошедшего и вновь приблизился к окну.

- А, вот он, молодчик! Видно, сынок богатея. Вчера я молил его о милости, а он лишь бранью меня угостил. Не стать ему, жестокосердному, важной птицей в Сионе.

Азрикам усладал обращенную к нему речь.

- Как забрел в Иерусалим этот пройдоха? Пьяницей больше в городе. Прочь отсюда, покуда не кликнул стражников! Кнутом тебя, невежду, отрезвят и научат, как разговаривать с благородной особой! – не остался в долгу Азрикам.

- Вельмож заживевших и к чужой беде глухих – вот кого кнутом стегать! – вошел в раж смелый прекословщик.

- Довольно дерзостей! Пьянство погубит тебя! – решительно вмешался Амнон.

- О, благородный юноша! Метким словом заткни глотку этому выскочке! Чтобы понял, что не в Иудее ему предводительствовать, а среди быков Башана искать рогатых почитателей.

Азрикам ринулся к наглецу – схватить и отдать в руки стражников, но тот с неожиданной прытью бросился наутек и живо скрылся в толпе. “Пусть бежит. До него ли мне? Вражда с родными тягостнее, чем с чужими” – сокрушенно подумал Азрикам.

Тейман подошел к Амнону и тихо сказал на ухо: “Знай, этому юноше, Азрикаму, предназначена моя сестра Тамар, и, надеюсь, за спасение возлюбленной он примерно вознаградит тебя”.

Азрикам видит, как дружны Тейман и Амнон. Замечает невольные нежные взгляды Тамар, гостю предназначенные.

- Кто этот юноша, и откуда он? – спрашивает Азрикам у Тирцы.

- Да это же Амнон, пастух из Бейт Лехема, что спас нашу Тамар от хищного зверя.

- Пастух Амнон? – изумился Азрикам.

- До сего дня он был пастухом, пас стада твоего отца.

- Я весьма доволен этим работником, сильным и ловким. Спокоен за свои стада, хищники им не страшны. Отменно награжу за труд и возьму в расчет, что Тамар от гибели спас. Назначу старшим среди пастухов. Однако, удивительно мне его роскошное платье: не пастух, а царский вельможа. Великие деяния отвращают от пастбища?

- Одежду человек меняет запросто, зато сердце - неизменно, - вставила слово Тамар.

- Согласен, - сердится Азрикам, - сердце твое, Тамар, неизменно сурово ко мне. Ведь я спросил, почему пастух нарядился, а ты мне что отвечаешь?

- Благородство души, Богом данное Амнону, знатнее наследной семейной знатности.

Люби Тамар и достойно почитай ее спасителя, - вступилась за обоих Тирца.

- Авишай отправил тебя в Боцру закупать мелкий скот. Каких баранов и овец ты пригнал, пастух? Не больных, не тощих? – обратился к Амнону Азрикам.

- Хороший скот куплен, мой господин, да не время сейчас говорить об этом, ведь святой праздник сегодня!

- Господь не укорит за рвение и деловитость: ведь жертвы, ему приносимые – его доля в стаде. А ты, молодой пастух, незнатности не стыдись, ремеслом и верной службой хозяину гордись, а крепости тела и духа – радуйся, - наставляет сверстника Азрикам.

- Проницательный Бог, глядя на мужа, смотрит вглубь, видит душу. Человек, если он без сердца, замечает лишь внешнее, о ближнем судит по знатности, ремеслу и мошне его, - сказала Тамар.

- Я хоть и человек, а не Бог, но в сердце твое глубоко заглянул – переменчиво оно. Ты еще и рта не открывала, да я уж предвидел: всякое слово, что скажешь – в пику мне. Дерзостью в споре берешь, а не истиной. Давеча догадался, что вселился в тебя другой дух, вот только не знал, откуда он, - с горечью заметил Азрикам.

Тирца почувяла надвигающуюся ссору.

- Не пора ли мужчинам зайти в сукку и отведать молодого вина с хлебом? А придет муж, и усядемся за праздничную трапезу, - благоразумно переводит она разговор на другое. “Хотя, кто знает, не полезнее ли добрая ссора худого мира?” – подумала про себя.

- Я не притронусь к пище, пока не уведомит меня коэн, что все пятьдесят жертв всеожжения, что я сегодня принес Богу, сгорели дотла. Не гоже человеку насыщаться раньше Господа, - торжественно заявил Азрикам.

- Все жертвы твои – всеожжания жертвы, а отчего не принес жертвы мирные, чтобы беднякам, да и коэнам тоже, мяса досталось? – спросил Тейман.

- А надо ли ублажать никчемных бедняков и снисходить до разговора с ними? Счастье нерадивым не помогает. Они нищие оттого, что труда чураются, а посему угощение им не положено. А уж если и кормить их, так принудить всемеро отработать съеденное – и от лени излечатся и забудут пороги обивать, - сказала Тамар.

- Дочь моя, твои ли это речи? – изумилась Тирца. И Тейман и Амнон удивились не меньше.

- Клянусь, не своими устами говорила! Одна благородная особа поучала меня вчера, - сказала Тамар и покосилась на Азрикама к стыду последнего.

Перемены в доме Иорама

Пока все переглядывались в недоумении, вошел слуга Азрикама и говорит хозяину, что случилась пренеприятная история, и домоуправитель Ахан просит его немедленно вернуться домой. Встревоженный Азрикама поторопился к себе, и слуга с ним.

Только двое ушли, а уж другой слуга Азрикама стоит в дверях с тем же делом: господина срочно требуют домой. Тирца успокоила посыльного, попотчевала вином и, не в силах совладать с любопытством, спрашивает, что в доме приключилось. Слуга поблагодарил за угощение, оглянулся с предосторожностью по сторонам и говорит: “Лишь в твоём доме, госпожа, я вспомнил, что праздник нынче. У нас праздничный стол отменен. Кроме сухой хлебной корки ничего сегодня не ел, а о вине уж не говорю. Молодой хозяин упоен благородством происхождения и о делах благородных позабыл. Все мы, домочадцы Азрикама, ждем не дождемся новой хозяйки в дом – дочери твоей Тамар – тогда заживем хорошо”. А Тамар шепчет на ухо Тейману: “Не настанет этот день!”

Тирца не отступает, уговаривает слугу, расскажи мол, не таись от меня, из-за чего случился переполох. Хранить секрет нелегко, и слуга рассказывает: “Должно быть, известно тебе, госпожа, что прежний наш хозяин воевода Иорам имел обыкновение всякий праздник накрывать стол на четыре сотни душ и щедро потчевать бедняков, сирот, вдов, чужеземцев – всех обездоленных судьбой. Как вошел в права Азрикама – изменил обычай и велел домоуправителю Ахану раздавать с гумна и винодельни не в праздник, а накануне, да попримимистей. Ахан же, негодяй и скупец, последней радости людей лишил, а слуг домашних голодом морит. “Для ленивых всегда праздник” – его слова. Вчера пришли бедняки и потребовали положенное. А Ахан говорит: “Расходитесь по домам, вечером вернется господин и распорядится вино и хлеб вам вынести”.

В назначенное время вновь собрался народ, а Ахан отвечает: “Помочь не могу, хозяин не вернулся”. Люди разъярились, сговорились меж собой, окружили дом и кричат хором проклятия: “Вы, Ахан и Азрикама, немилостивы и безжалостны к слабым и посему Богу не угодны. Придет день, и дом этот, прежде святой и добрый, исторгнет обоих. Смешаетесь с пылью и прахом, как пустоцвет, ветром с маслинных деревьев сдуваемый”. Ахан испугался проклятий и стал посылать слуг одного за другим искать Азрикама”.

- Не трезвонь об этом у городских ворот, не позорь дом Иорама, - строго предупредила Тирца, потрясенная рассказом.

- Не сомневайся, госпожа, сохраню в тайне, - заверил слуга.

Вернулся Азрикама, подозрительно покосился на своего слугу и зубами скрипнул с досады, увидав его здесь. Тот поспешил исчезнуть с глаз.

- Господь одарил меня богатством, да слугами наказал, - жалуется Азрикама, - пьяницы и бездельники нерадивые. От домоуправителя до последнего побегушки – все к вину прирастились. Я знаю наверное: напился пьяным Ахан и забыл и не исполнил мой приказ

угощать бедняков, а те меня теперь проклинают. За что? Всех слуг проучу! С сего дня назарейми станут, забудут вкус вина!

- Сдается мне, не привыкать им к назарейству, - не удержалась Тамар.

Новые горизонты

Гнев охватил Азрикама, но ответить не успел. Вошел Иядидья, а следом тридцать учеников пророков, приглашенных на праздничную трапезу. Появился и Ситри, брат Авишай.

- Здравствуй, юноша, Ты, кажется, у Авишай в учениках? – обратился Ситри к Амнону.

- Здравствуй, мой господин.

- А почему Авишай не приглашен на трапезу? – спросил Иядидья.

- Приглашен и скоро прибудет, - ответил кто-то из слуг.

- Да вот же он! – воскликнул Тейман, завидев Авишай в окне.

- Авишай, ты воспитал прекрасного юношу, верного, бесстрашного и скромного, - сказал Иядидья, указывая на Амнона.

- Скромность – лучшая приманка для похвал, - тихо, чтоб никто не услышал, пробормотал Азрикама.

- Я заглянул Амнону в сердце и узрел немало иных достоинств. Он слагает чудные песни во славу Сиона и задушевно поет их. И речь его чиста и благородна. А, главное, Господь дал ему то, что дороже всех сокровищ – он понимает слово Божье и тянется к нему, - сказал Авишай.

- Чего ты желаешь, Амнон? Говори, я постараюсь исполнить, - сказал Иядидья.

- О, если только возможно, я бы хотел оказаться среди этих людей, - сказал Амнон и указал на учеников пророков.

- Как и знатность рода, рвение к знаниям открывает все поприща смолоду. Становись завсегдаем в моем доме. Здесь и пропитание твое, - ответил Иядидья Амнону, - а вы, любезные ученики пророков, - продолжил хозяин, обращаясь к гостям, - если дорожите расположением моим, то примите в свой сонм этого прекрасного юношу, щедро передайте ему знания Божьего слова и укрепите природную праведность его.

- С радостью исполним, ибо великое счастье учить того, кто сам к учению тянется. Такого ожидают слава и почет у врат Сиона, - слаженно ответили ученики пророков, довольные своей долей, от других зависимой.

- Стол накрыт в сукке. Пойдемте все, насытимся дарами Господа, а затем обсудим дела.

Глава 7

Драгоценный мир

Праздничную сукку Иядидья устроил в красивейшем уголке своего чудного сада. Зелень листвы и аромат клумб вокруг. Стволы деревьев, стянутые тростником – это стены шалаша.

Крепкие ветви наверху – крыша его. Званные гости сидят за столом, Иядидья во главе. Едят, пьют, и на сердце радостно.

Тамар красива в этот день особой красотой. На ней пурпурный сарафан с кружевом. Легкий румянец на щеках, брови оттеняют снежной белизны лоб, глаза ликуют, как утренняя заря. Она глядит через окно на сидящих в сукке. Смотрит не насмотрится на любимого Амнона, но и ненавистного Азрикама к огорчению своему тоже видит: обстоятельства никогда не бывают целиком хороши или целиком плохи. Азрикам сидит справа от Иядидьи, за ним следует Тейман, а за тем – Амнон. Потом уж Ситри, Авишай и ученики пророков.

- Как хорошо, как покойно в бестревожной обители! Бог укрыл нас своим крылом, не робея сидим в этой мирной куще, и даже самого Санхерива, царя Ашурского, грозу стран и народов, мы не страшимся, - с пафосом произнес Иядидья.

- Господь хранит нас от беды извне, но внутри Сиона зреют семена зла, - сказал один из учеников пророков. – Вот, я слышал, Шэвна, царский писец, сеет смуту в святом Иерусалиме и тем угрожает общему спокойствию. Нет в царстве беды страшнее смуты. Люди в простоте своей могут сказать: “Нет нам защиты ни от Бога, ни от помазанника его”. И опять Господь нам в помощь. Устами пророка повелел Он, не щадя, обуздать смутьяна, в дугу согнуть и в бараний рог скрутить. И думаю я, кто станет общему миру ущерб чинить, у того в собственной его душе никогда мир не поселится.

- Зачем в такой день говорить о дурном и слушать гневные речи? Господь хранит свой народ и дарует ему мир. Давайте лучше песню споем! – сказал Авишай.

- Пусть Амнон, наш гость из Бейт Лехема, споет во славу Сиона. Авишай хвалил его голос, - сказал Иядидья.

- Не по чину мне открывать рот перед знатными господами, - сказал Амнон, - но и не исполнить волю одного из них, гостеприимство мне оказавшего, я не могу.

И зазвучал чудный голос, и разлилась песня.

Простерто над нами мира крыло,
Надежно под крышей сукки и светло.

В Египте рабами томились столетья,
Но Бог милосерден, спас наши души,
Тору поведал нам в самые уши
И помнить велел беды лихолетье.

Ашур и Бавэль укротил Избавитель,
Сион обратил в святую обитель.

Песня взвилась над полями, лесами:
Помазанник Божий, народа святыня,
Навеки прочна престола твердыня.
Песня, - как клятва пред Небесами.

Простерто над нами мира крыло,
Украшен шалаш, и на сердце тепло.

Чужие цари не пугают войной,
Боже, храни наш Сион от раздоров,
Согласья побольше, не надобно споров,
Миром воздай нам мерой двойной.

Ученики пророков восхищены чудесным пением.

- Какие изумительные слова, какое красноречие! – восклицает один.
- Был бы Амнон из колена Леви – в самом Храме Господа радовал бы песней сердца! – вторит другой.
- Он завоеует славу для Иудеи! – присоединился к восторженным похвалам Иядидья.
- Он завоевал мое сердце, - шепнула Махе на ухо Тамар, и сама не отводит взгляда от статного юноши.

Город и деревня

Нежные эти взгляды не ускользнули от глаз Азрикама, и зашевелилась ревность. Скрыл ее льстивой и хитрой речью: “Известно, что земля Сиона щедро рождает велеречивых, да кто заметит дарование? Краснобаи все при царском дворе обретаются, поближе к богатым и знатым. А тем и дела нет до красных слов, коли они благословением и вниманием самого Господа одарены изобильно. А что до вельмож и воевод, так им день-деньской пророки и козны красивые речи говорят. Другое дело – простолюдины. Что они слышат, кроме мычания быков и блеяния овец? И в учении Господа они невежественны, и речь их невнятна и пуста. Вот почему сей редкий юноша столь приметен, и давайте оценим Амнона по достоинству”.

Тут Ситри не усидел и вступил в разговор: “Не диво, что приближенный к царскому двору обыкновения придворных понимает. А я живу на Кармеле, среди лугов и полей, и хочу за крестьян и пастухов вступиться. Прошу терпения, если буду многословен.

Обидно слышать от Азрикама, будто простые люди Бога не знают. Верно, что в сановных палатах пребывают честь и почет, а в шатрах праведников – мудрость учения Господа. Зато богобоязненность и истинная вера нашли неизменную обитель в деревне среди простых людей. Пусть живут они далеко от Храма, но мысль о Боге близка их сердцам. И в пахоту и в жатву, и в сытое время и в голодное – всякий день они помнят Бога. Случится засуха, крестьянин воздевает глаза к небу и молит Всемогущего дать благодатного дождя и напоить иссушенную землю. И Небеса отзываются и щедро орошают поля. Бог благословляет людей зерном, вином, тучными стадами, а люди благодарят и воспевают Его, и сердца их полны радости. Насыщаются дарами Господа, а что остается – отдают беднякам.

Кто бывал в деревне, знает, как рано пробуждаются ее жители. Над землей царит предрассветная тьма. Луга сбрасывают пуховое одеяло ночного тумана. Мужчины отправляются в поле, а жены их – красивые, сильные и веселые – кто прядет, кто ткет, кто шьет: себя и семейство одеть. Радостно летят часы. Крестьяне трудятся в полях, зеленеющих на пологих и крутых склонах, холмы и горы подпирают небо, в голубизну алмазом вправлено дневное светило, и солнце заливают светом все вокруг. Веселой песней люди подхватывают трели и рулады птиц, и теплые лучи нежатся в ликующих звуках. Кто спросит, почему дорога нам красота, тот – слеп.

Подходит полдень, и работники возвращаются с полей домой. Хозяйка улыбкой встречает на пороге. Всем семейством садятся за стол трапезничать, чем Бог послал. Сон сморит детвору, и придет черед супружеским ласкам.

Крестьянин уж расположился на отдых после дневных трудов, а молодой обитатель каменных палат лишь продирает глаза. Как пирог в печи, вертится с боку на бок на ложе слоновой кости. Нечего делать – пора вставать, полдень как-никак. Спустил ноги на пол, слугу зовет. Тот спешит хозяина умыть, причесать, мирровым благоуханным маслом натереть. Слуга ублажает его, а тот стоит истуканом, словно Бог не дал ему рук. Оденет кафтан, кушаком подпоясается, шапку нахлобучит – и недоволен: постыло это платье, душа просит египетской ткани из лучшего льна с берегов Нила.

Царь Соломон говорил: “Суета и погоня за ветром”. Кабы я стал повелителем или судьей в Сионе, в первую голову изгнал бы за наши пределы купцов из Египта и Цура ливанского. Неужели доморощенной материей наготу не прикроем, кружевами своей работы платье не украсим и овечьей шерстью не согреемся?

На сей раз смирился избалованный барчук с домодельной одеждой, вышел за порог своего столичного дома и идет себе без цели от Угловых ворот к воротам Бенциона, а оттуда – к Водным воротам. Встречает братию ему подобных вертопрахов, и направляются все в питейный дом. Пьют вино допьяна, а уж в таком положении, известное дело, кривое становится прямым.

Дрянные это сборища, и нет в них добра. Зависть ссорит людей, и не спрятаться от злословия. Над честностью и простотой насмеваются. Потом поймут: ложь сладко целует, да больно кусает. Мечь ищет крови загасить собственное пламя. Страсть, что проста и чиста в деревне, грязна и корыстна в сановных палатах. Золото и почести непроницаемой стеной заслонили людям любовь. Жадность и бессердечие толкают одних продавать красавиц дочерей, а тугая мошна и тщеславие наущают других покупать нежные создания. И обделенным любовью юным девам остается лишь пенять на злую судьбу друг другу да месяцу в небесах: стали добычей мерзких сластолюбцев, и быстро-быстро гибнет красота, как никнет роза от ледяного ветра.

А деревенские не избалованы и не изнежены. Зависть и клевета, злоба и месть, богатство и роскошь – неведомы им. В молодости сила их расцветает и до старости не увядает. Они рады своему уделу в мире и всегда благодарят Господа за счастливую долю.

К кому все недуги и немочи прилипают? К богачам! Беспутство убивает тело, а зависть сжигает душу. Оставьте палаты и дворцы ради полей и лесов. И простите за пышнословие”.

Так Ситри порицал злое и хвалил доброе, полагая причины того и другого известными ему.

Новое жилище Амнона

“Ситри, побереги сии речи на день поста или народного собрания. Сядешь у ворот и станешь порицать и славить. А нынче праздник у людей и у Бога. Сегодня радоваться пристало,” – с укоризной заметил Иядидья и налил всем вина. “Пусть так же обильно льется вино в эти кубки, как щедро Господь изливает благодать на города и деревни, различия меж ними не делая.” – примирительно закончил Иядидья.

И по второму и по третьему кубку вина выпили званые гости и захмелели. Азрикам с жадностью пил – чтоб подсластить горький вкус черного дня и залечить уязвленную гордость.

- Я слышал, твой домоправитель Ахан запер хозяйские кладовые и отказал беднякам в подаении, - сказал Иядидья, обращаясь к Азрикаму.

- Ахан вполне заслужил осуждение, и мой гнев его не минует. Я хотел бы послать твоего слугу, чтоб передал Ахану мое распоряжение немедля одарить людей, - сказал Азрикам.

- Похвальное намерение. Всегда помогай неимущим, следуй путем Иорама, отца твоего.

Поневоле и нехотя Азрикам отослал гонца – с неизбежностью не поспоришь.

Подошел вечер, гостям пора расходиться. Ученики пророков заверили Амнона в их дружбе и расположении, благословили хозяина и его дом и покинули гостеприимную обитель.

И Амнон собрался уходить, но Иядидья задержал его.

Азрикам пригласил Теймана и Тамар к себе домой продолжить веселье до утра. Тамар отговорила, а Тейман приглашение принял, и Зимри с ним.

- Отпусти Амнона с нами, - попросил Тейман отца.

Иядидья вместо ответа обратился к Амнону.

- Я назначил тебе для жилья комнату наверху с окном, выходящим в сад. Пропитание и все прочее, потребное тебе, заносу на свой счет. А ты наберись сил и духу и неотступно следуй предназначенному тебе свыше.

Иядидья проводил Амнона в комнату. Ситри, Авишай, Азрикам и Тейман присоединились: любопытно поглядеть.

- Видишь – кровать, стул, стол, светильник. А это – арфа и кинор. Ты ведь любишь играть! – воскликнул Тейман.

- Не заслужил я этого всего! – вскричал в изумлении Амнон.

Никто ему не ответил. Все спустились вниз, и он остался один в своем новом жилище, а в голове и в душе – сумятица.

Праздничный город бурлит, шумит. Пение на сионских холмах, радость на улицах и площадях. Молодые, взявшись за руки, ведут хоровод, а старые смотрят на них в умилении: и мы такими же были. Люди славят Бога и помазанника его.

Масляным лампам, как звездам, нет числа. Они осветили и Храмовую гору, и праздничную толпу, и башню Давида – твердыню Иерусалима. Блестящими сапфирами испещрили небо и землю ночные огни. И луна помогает огням, и, как днем, светло в Иерусалиме, обители Господа.

Амнон стоит у окна, завороженный великолепием праздничного Сиона. По саду идут Тамар и Маха. Завидев Амнона, Тамар отослала спутницу с поручением, а сама подошла к юноше.

- Я чудные вещи слыхала, Амнон, - сказала Тамар. – Дед мой Хананель видел во сне юношу, как две капли воды на тебя похожего. И будто бы жил тот в нашем доме и стал велик. Ах, если бы сон обратился явью, и открылись бы все богатства сердца твоего! Скажи мне, Амнон, где твоя родина?

Глаза Амнона увлажнились.

- Полно, красавица! Не береги мне душу пустыми снами. Я-то стану велик? Я не знаю ни рода своего ни племени, и Авишаю они не ведомы. У чужого человека он купил меня младенцем, которого тот нашел в поле.

- Пожалуйста, не грусти. Так много тебе дано: и красота, и сила, и благородство. Здесь в тебя влюбится любая девица!

- Да только отец ее не зачтет мне красоту за богатство, а силу – за знатность. Рассудительностью обуздаю сердце.

- Кто знает, а вдруг найдется в Иерусалиме одна, которой дороже жизни любовь твоя, а знатность – безделица!?

Тамар собиралась добавить что-то еще, но вернулась Маха и сказала, что Тирца ждет их и зовет погулять вместе по праздничному городу. Позвали Амнона и вчетвером вышли из дома и присоединились к радостным горожанам. Тамар думает: “Родина Амнона неизвестна, как и у юноши в ночном видении Хананеля. Дед говорил, что тайна с годами откроется”. И мысль эта весьма увеличивает надежду.

Ночь без сна

Азрикам, вернувшись с гостями домой, тотчас спросил Ахана, одарил ли он бедняков к празднику. И домоуправитель достойно ответил, что, как и приказано было, щедро раздал людям зерно, вино и масло. Только ушли Тейман и Зимри, хозяин дал волю гневу и жестоко побил слуг за то, что осрамили его в доме Иядидьи. А затем вновь призвал Ахана.

- Запомни, с сего дня начиная, будет так: вслух я скажу тебе щедро подать такому-то, а ты делай наоборот, как моей душе угодно, а на меня не показывай, - строго сказал Азрикам.

- Господин мой, этак я всем беднякам стану ненавистен, коли ты на меня свой позор сваливаешь! Хитро придумано: и руку протянуть и пальцы в кулак сжать!

- Не смей дерзить, жалкий раб! Делай, как велено, я свое слово дважды не говорю. Отец мой избаловал тебя, да я-то покруче его, кнута отведаешь на старости лет!

Ахан утрашился и впредь поступал по воле хозяина, и имя его стало проклятием на устах бедняков.

Погасли ночные светильники над высотами Иерусалима. Стихло веселье на улицах и площадях. Лишь раздаются возгласы неуснувших пьяниц, да слышны суровые голоса стражников.

Амнон улегся на кровать и не может уснуть. Самый длинный день в жизни прожит. Мысли набегают одна на другую: “Чуден праздничный Сион! Любимая Тamar далеко от меня, как небо от земли. Прознает отец ее о моей любви, сразу стану лишним в его доме, и с позором выгонит меня. Страшен Азрикам! Тяжелой мрачной скалой нависает над прекрасной светлой Тamar”. Вот уж к Храмовой горе первые богомольцы спешат, опережают утреннюю смену часовых. А сон все не идет к Амнону.

И Тamar не спит в эту ночь. Сменились караульные посты. Тamar кликнула Маху, и обе вышли в сад. Вон там – верхняя комната, что приютила нового жильца. Свет в окне. Девушки подошли поближе, прислушались. Раздаются звуки арфы, и мягкий голос Амнона попевает за струнами.

Просторы полей, тишина и покой.
Бросил родное, стою на распутье.
Разве поймашь ветер рукой?
Сердце страшится дорог перепутья.

Знатной Тamar любовь не по чину
Парню простому, найденышу в поле.
Душу сдавила тяжесть кручины.
Без рода без племени – горькая доля.

К чему я страдаю, рассудку переча,
Невольник надежды пустой.
Кровь будоражит пьянящая встреча,
Крепок любовный настой.

Просторы полей, тишина и покой.
Деревня милее шумной столицы.
Здесь не найти благодати такой,
Там же – родные знакомые лица.

Маха влюбилась в Амнона с первого взгляда в Бейт Лехеме и мечтает заполучить его в мужья. Боится, однако, ревности госпожи: ревность сестра любви.

- Жаль мне бедного Амнона. Оставил любимые и привычные поля и луга, а среди знатных чужих людей – и сам чужой. Вскружил тебе голову, да неужто есть у него надежда? Разве знатная девица полюбит пастуха, не опозорив себя и род свой? – хитро говорит Маха, а про

себя думает: “Ах, кабы Амнон вернулся к родным местам! Без оглядки помчалась бы за ним, и не найти ему лучшей жены”.

- Сердце говорит мне: “Что-то великое Амнона ждет, и судьба его еще не решилась”. Гляди-ка, Маха, как всем он люб. Признак верный, что он и Богу угоден. Надо верить и ждать, - сказала Тamar.

Глава 8

Немного хитрости, немного раскаяния

Недоброй памяти Хэфер и Букья с каждым годом беднели, пока совсем не обнищали. За что ни возьмутся – во всем неудача. На дела их пало проклятие Господа – кара за зло, причиненное дому Иорама. Обратились оба к судье Матану с мольбой о помощи. Напомнили об оказанных услугах: и в заговоре против обидчицы Хагит помогли, и сокровища из дома Иорама доставили судье, и Нааму оговорили. “Смеем надеяться, благодарному человеку услужили,” – говорят.

“Услужить неблагодарному – невелика беда, а велика беда принять услугу от прохвоста. Не зря говорят, что за помощь вольностью платят”- подумал судья и ответил просителям: “Из сокровищ Иорама ничего не осталось. Чем воздам за благие деяния ваши? Жалости кланчтите, а меня кто пожалует? И все же попробую помочь, наберитесь терпения”.

Матан хорошенько раскинул умом и пришел к Азрикаму с такой речью: “Вот, ты живешь бестревожно и не думаешь о худом, а ведь беда у порога. Явились ко мне давеча Хэфер и Букья и говорят, что каются в грехе оговора. Возвели злую напраслину на невинную душу Наамы, и теперь хотят пойти к старейшинам, признанием надеются смыть пятно. Неужто не слыхал ты от Ахана, что Наама понесла еще при Иораме? А что, если она родила сына Иораму? А тот вдруг объявится и заберет твою Тamar, законно потребует ее в жены, ведь по уговору меж Иорамом и Иядидьей девица назначена сыну Наамы! А еще с половиной наследства простишься! Не сиди сложа руки – вот мой совет, что даю из любви к тебе, Азрикам. Я, сколько могу, отговариваю Хэфера и Букью идти к старейшинам на поклон. Да разве удержишь обнищавших и отчаявшихся? Терять им нечего, и надеются покаянием дела поправить. Как бы не пришлось тебе познакомиться с соперником и вторым наследником!”

Азрикам выслушал и отвечает: “От души признателен тебе, благонамеренный Матан. Вовек не забуду честный и бескорыстный совет. Я понял тебя вполне, и, уж поверь, щедр буду к Хэферу и Букье, и все дам, что их душам угодно, и изменят они свое намерение”.

И Азрикам, не скупясь, открыл кошницу. Ахану больно смотреть, как в чужие руки утекает золото из сыновнего дома. От злости зубы скрипят, и от страха холодеет сердце: ведь и его самого, и жену Хэлу, и других сыновей – плоть от плоти и кость от кости его – всех безумец Азрикам по миру пустит.

- Проклят будь Матан, негодяй! Ведь по его наущению я превратил сына нашего Наваля в Азрикама, и вырос деспот нам на горе, - говорит Ахан жене Хэле, - без меры теснит нас дитя кровное. Сколько еще стану терпеть и держать язык за зубами? Не сегодня-завтра открою самозванцу чей он сын, накину узду на жеребца, небось притихнет!

- Гнев превращает хитреца в дурака. Храни тебя Господь от этой глупости: все пропадем – и мы с тобой, и дети наши! Нейдется-хочется, чтоб знатная особа тебя родителем признала? Втихомолку тешься этим, а рта не открывай! – ответила Хэла.

- Может, и права ты. От сей знатной особы узнаем лишь жалкую долю нашу. Из-за детей молчу, язык проглатил. Хорош сын – люби его, плох – терпи!

Ахан стал сетовать Матану на негодного сына, что отцом помыкает. Судья озадачен, задумался.

- Возьми в толк, Ахан, - говорит Матан, - величие сына твоего – как свеча, что горит средь бела дня в комнате за закрытыми ставнями. Откроешь их, ворвется свет – и не видно свечи. И велик будет позор и твой, и Хэлы, и Азрикама. Если не вмоготу терпеть унижения, утешься тем, что мне еще гаже. Я отомстил Хагит, да сладость мести вкушал лишь минуту, зато долгая жизнь отравлена горечью: ведь я сам надоумил тебя погубить дитя доброго ко мне Иорама и изгнать не сделавшую мне зла Нааму. А кого преступления сии вознесли? Твоего сынка! Пламя жжет нутро, днями хожу, как в воду опущенный, и ночной покой позабыл.

Выслушав, Ахан покаянно заломил руки.

- Что я наделал! Хоть злодейка Хагит мучила меня и Хэлу, да сын наш кровный, в доме Иорама воспитанный, хуже гадюки жалит нас и морит ядом. А Нааму вспоминаю – и сердце от жалости и страха сжимается. Кто знает, что будет впереди? - запричитал Ахан.

- Вот видишь, Ахан, иного не дано нам: должны молчать и молчать! – сокрушенно сказал Матан.

Не обманывал судья. Потерян он и несчастен. Как тень ходит среди людей, и никто не знает, какая беда его душу гложет. Каковы дела, что числишь за собой в прошлом, таковы и страхи в настоящем. Что толку от сокровищ, у Иорама украденных и подальше от людского глаза спрятанных, коли их страшно на свет вытащить?

Амнон учится у пророка

Амнон живет в доме Иорама, и все его любят, кроме Зимри. Тот любезен и льстив, но держит камень за пазухой. Азрикам так сказал ему: “Пастух этот, Амнон, весьма опасен, ибо отвращает от меня сердце Тamar. И я жду твоей помощи”. Зимри следит за Амноном и обо всем, что увидит и услышит, докладывает Азрикаму, рассчитывая на щедрое вознаграждение.

Амнон идет путем ему предназначенным – набирается мудрости. Тamar мечтает о нем. Иядидья дал ему в услужение мальчика по имени Пура. Хороша жизнь Амнона, но неловко быть на хлебах у хозяина, ведь каждый день доставляет Пура снедь с кухни Иядидьи в комнату наверху.

Как заведено, по праздникам, субботам и дням новолуния – начало месяца – Азрикам гостит у Иядидьи. Вот собрались за столом хозяин и домочадцы: Иядидья, справа Тейман, напротив Азрикам и Зимри. Подоспел Амнон и тоже уселся. Завязалась беседа.

- Со значительными и замечательными словами обратился к жителям Сиона пророк Исая, сын Амоца, - сказал Иядидья, - а ты, Амнон, сердцем слышишь эти слова.

- Ха, любой горожанин отлично понимает проповедника у городских ворот, - сказал Азрикам.

- Разве это так просто, Азрикам? – возразил Иядидья, - не всякая душа внемлет, не каждое сердце думает. Как ты полагаешь, Амнон?

- Среди предсказателей Иудеи Исая лучше всех передает слово Господа, - начал Амнон. – Лишь заговорит пророк, и речь его могучим орлом воспарит в синем небе, и слова - орлиным крылом рассекают воздух и звенят в нем, а помысел - оком орла сверлит душу. Внемлешь пророку, как самому Богу. Глагол его тверд, как алмаз, и, как кремьнь высекает огонь гнева, и пламя вырывает из тьмы грехи и пороки, и кара за них неотвратима. Но вот гнев уступает место милости, и уста пророка источают мед и воздают хвалу достойным ее. Исая возвещает людям волю всемогущего и всемогущего, карающего и щадящего, гневного и милостивого Господа, что сидит на престоле творения. А вокруг трона толпятся верные серафимы, готовые лететь в любой конец света и донести до суда Божьего, что доброе и что

злое творится вокруг. Страны и народы, стариков и младенцев, грешников и праведников – всех видит Господь. Заслушаешься Исайю, великого предсказателя сионского! – торжественно закончил славословие Амнон.

- А мы тебя, Амнон, заслушались, так замечательно ты говоришь, словно пишешь! – восхищенно воскликнул Иядидья.

- Для множества народа вещает пророк, да лишь одно ухо из тысячи чутко слышит, и немногие уста складно и чисто повторяют. Ты и нас поучаешь, - сказал Тейман.

Лишь Азрикам промолчал, подумав про себя: “Пророку внемлют, пока говорит, а будут ли слышать его, когда умолкнет?”

В другой раз за праздничным столом Иядидья вернулся к делам минувшим.

- Амнон, дорогой, я не забыл, как спас ты от верной гибели любимую нашу Тамар. Я не вполне отблагодарил тебя и посему приготовил достойное вознаграждение, что будет отягощать мою совесть, покуда не примешь его. Согласись, уступи, милый Амнон! Почитай эту награду выкупом за душу Тамар. А от Азрикама тебе причитается виноградник и поле. Прими дары и прими в расчет, что и о собственном благе подумать надо, - взволнованно сказал Иядидья.

- Не гневись, мой господин. Я ничего не возьму. Я лишь прошу быть мне щитом, как и прежде, и это – лучшая награда, - ответил Амнон. “Отделять важное от неважного – зрелого ума свойство, которым редкий юноша обладает” – с почтением подумал Иядидья и не настаивал.

Взаимные излияния

Время идет своим чередом. Миновала осень, за ней – зима. Тамар по-прежнему мечтает о возлюбленном, а сердце того тянется к девушке, да только втайне.

Как-то были дома одни Тейман и Тамар. Вернулся Амнон.

- Здравствуй, Амнон, - приветствовала вошедшего Тамар.

- Здравствуй, госпожа.

- Чем ты удручен?

- Исайя, сын Амоца, вещал о грозящих Иудее бедах. От зоркого глаза не укрылись трещины в стенах города Давида, слишком велики числом и шириной. Пророк встревожен, не убыла ли сила защитников твердыни. Слова Исайи взволновали Амнона, - ответил за того Тейман.

- Бог всемогущий, защитник города Давида, видит и хорошее и дурное. Однако, Тейман, знай: как и прежде, войско Сиона несокрушимо, - сказал Амнон.

- Согласен, сильна, как и прежде, наша рать, ибо в минуту беды ангелы Божьи слетят с Небес на горы и холмы Сиона и будут нам в помощь, - сказал Тейман.

- Если сочтет Бог, что не хватает нам воинов, то силой Небес защитит нас. К счастью, нет в этом надобности. Только покажется вражье ашурское войско – весь народ поднимется, и стар и млад. Оборонят люди родную землю, вскормившую их материнской грудью и щедро плодами одаряющую от колыбели до смертного одра. Встанут на защиту родины землепашцы и пастухи, городские труженики и искусные ремесленники, а служители Храма козны и левиты благословят людей от имени Господа. Даже надзиратели над народом, что, порой, теснят его в мирные дни, в грозный час опасности станут в общий ряд. Соберется народ под водительством воевод и сбережет породившую и вскормившую его землю и помазанника Божьего защитит.

Вот и я, как услышу над Иерусалимом глас тревоги из уст сына Амоца – и уж дух и тело мои готовы к бою. Клянусь, и лук и стрелы, и меч и копье, и конь боевой подо мной – вместе дело геройства свершим. Огромным множеством, как туча саранчи, соберутся воины в

Царском поле под водительством самого Господа. Широкие красные струи оросят родную землю. И моя кровь вольется в тот поток, и некому будет горевать о бедном, лишенном надежды юноше, - торжественно и скорбно произнес Амнон.

Слушая речь будущего героя, Тамар всеми силами крепилась, удерживая слезы.

- О, Амнон, лишь вообразишь себя несчастным – и станешь им! Как потерял ты надежду, ведь ценить ее надо жизнью! – воскликнула она.

- Амнон сам виноват, - сказал Тейман, - не принял чистосердечный дар Иядидьи, выкуп за спасенную душу. А ведь душа эта тебе принадлежит, Амнон. Ты вошел в девичье сердце красотой, честью и, должно быть, любовью.

Услышав слова брата, Тамар вспыхнула.

- Прочь иди, знаток девичьих сердец! – воскликнула она, выбежала за дверь и скрылась в своей комнате.

- Поверь, Амнон, - вновь заговорил Тейман, - как брата любит тебя Тамар. И я буду звать тебя братом, и куда ты направишь свои стопы, туда и я пойду вослед. Я знаю, быть всадником на коне – твоя мечта, и ты ждешь помощи от отца. Мечта сбудется, и Иудея узнает нового героя-воеводу. А еще признаюсь, что и меня тоже покинула надежда. Да, да, Амнон, не смотри, что я богат и знатен. Ни за какие в мире сокровища не исцелить больную душу. На горе Кармель мне посчастливилось найти нечто такое, что прекрасно, как вместе все деяния Творца. Чудо на миг обрел и навеки потерял. Тайну разгадать не в силах. Братство с тобой, Амнон, заместит ураченную на Кармеле любовь. Два друга – одна душа на двоих, - закончил Тейман.

- О, Тейман! Безмерно одарил меня дом Иядидьи, и не нужны мне никакие сокровища. Как счастлив я братской твоей дружбой! Поверь, брат, дружба рождается на Небесах, и навеки благословен человек, удостоенный сего Божьего дара. Жить без дружбы – что плыть на судне без весел и руля, а человек без друга – легкая добыча врага, игрушка злой судьбы. Сладкий настой дружбы – это верное снадобье, что исцеляет невзгоды сердца, - вдохновенно подхватил Амнон.

Вошедшие Иядидья и Тирца остановили поток красноречия юных друзей. Послали за Азрикамом. Все вместе уселись за стол трапезничать.

- Отец, наш Амнон жаждет ратного дела. Нельзя ли отдать его на выучку воеводе? – обратился Тейман к Иядидье.

- Сегодня же исполнится сие благородное желание, - ответил сыну Иядидья, ласково глядя на Амнона.

- Желание биться за родину – это желание убивать и погибнуть порой по самым пустым причинам, - изрек Азрикам, ни к кому не обращаясь и ни от кого, впрочем, не получая ответа.

Иядидья подарил Амнону великолепного египетского коня. В Царском поле будущий воин стал учиться искусству воевать. Но не забыл дорогу к городским воротам, и слушал пророка, и набирался мудрости.

Глава 9

Тревожное открытие

Пришла пора убирать зерно. Азрикам поручил Ахану нанять жнецов, чтоб трудились на полях вблизи Иерусалима. Ахан направился к городским воротам Долины, где селится

беднота: жнецы, сборщики винограда, землепашцы. Видит, стоит жалкая хижина, словно в землю вросла, окна едва возвышаются над землей. Заглянул: женщина и девушка сидят внутри и говорят о чем-то меж собой. Напротив каждой – прялка. Быстро мелькают ловкие руки. Женщина мила лицом, и глаза ее грустны, а девушка – писаная красавица, каких не сыскать.

- Бог вам в помощь, славные труженицы, - ласково приветствует женщин Ахан.

- Спасибо, и тебя пусть Бог благословит, - прозвучал ответ.

- Я вижу, в этом доме небогато живут. У меня работа для вас. Можно серпом косить, а можно колосья меж снопами подбирать. Старое зерно на исходе, настало время убирать новый хлеб. Его станем есть, и зерна калить в печи, и муку из них делать, - говорит Ахан, а сам пристально смотрит на женщину. "За тяжким трудом бедняки забывают страдания – счастливые люди!" – думает.

- Мы дома трудимся, заодно хижину нашу сторожим, а в чужое поле работать не пойдем – ответила она.

- Чем пропитание себе добываете?

- Трудом рук своих кормимся. Плоды его – и есть наш урожай. Ткань делаем и тесьму - этим живем. Дармовой хлеб нам не нужен. Безделье ведет к греху, а грех – путь в преисподнюю.

- Похоже, ты - вдова, а девушка – дочь тебе. И красота ее необычайна, и не пристало ей сидеть в бедной хижине. Вот увидит ее важный вельможа и поселит в богатых палатах.

- В старину говорили: "Во дворце кривда, в хижине правда". Быть бедным не стыдно, стыдиться бедности стыдно.

Ахан присмотрелся получше к собеседнице, и сердце замерло от ужаса: с ним говорит Наама, любимая жена Иорама, бывшего хозяина его. Гость сделал вид, что не узнал ее, и скрылся, смущенный до крайности.

Ахан поспешил поделиться новостью с Хэлой.

- Душа трепещет от жалости и страха. Я помню бедняжку в прошлом – создание нежное и изнеженное. А дочь ее – как цветок в пустыне. Горе нам, Хэла! Столько зла принесли дому Иорама, и себе никакой корысти, - горестно воскликнул Ахан.

- Держи язык за зубами! Какое несчастье эта встреча! Лучше меньше знать и жить в неведении. Проговоришься – и нас и детей погубишь! – ответила Хэла, испуганная мужниным открытием.

- Я вот что сделаю: куплю у них ткани и тесьмы за хорошую цену, а заплачу из амбаров Азрикама – ведь это же Иорама добро, стало быть, им принадлежит.

- Действуй с умом, да будь осторожен. Страшно мне: выйдет дело наружу, и – крышка нам!

Наука и мзда за нее

Миновал год с того дня, как Амнон спас Тамар от неминуемой гибели. В честь годовщины Иядидья задумал совершить семейное жертвоприношение и назначил Азрикама возглавлять процессию званых гостей, о чем и послал сообщить ему.

Азрикама призвал к себе Зимри.

- Ты любишь меня, и потому, не таясь, скажу, что пиршество, Иядидьей затеянное, как кость в горле моем. Досыта насытан о подвигах пастуха. Тошно смотреть, как Тамар ослеплена его славой и меня уж знать не хочет, - сказал Азрикам.

- Да, ты прав, Амнон предстанет во всем великолепии геройства, одетый в красивейшие военные доспехи и с мечом на боку. Красотой и статью вновь поразит воображение Тамар и сорвет изрядный куш восторгов и похвал, - поддержал Зимри.

- Вот и не пойду я бражничать, - возвестил Азрикам, - передашь Иядидье, что я болен.

- Не горячись и выслушай меня со вниманием, - стал поучать юного друга многоопытный Зимри. – И впрямь вчерашний пастух каменной стеной стал на твоём пути к сердцу вождельной Тамар. Но многого ли достигнешь, показав спину сопернику? Это – ложная тропа. Присмотрись ко льву или другому дикому зверю. Осторожен и тих, как полевая мышь, могучий кровожадный хищник терпеливо сидит в засаде, карауля жертву. Кто мимо идет, не подозревает беду и становится добычей когтей и зубов. Таков путь хитрости к успеху. Орудие зверя – клыки, а человеку Бог дал лживый язык. Второе – сильнее. Зубы десяток загрызут, а ложь с тысячью справится. Кровь жертвы выдаст хищника, а умное слово сбережет лгуна.

Преподам тебе науку полезную и хорошо проверенную. Кто ей следует – всего в этом городе добивается. Дело простое: каверзы замышляй по ночам, а днями ищи мудрости у кознов, а еще: зубами кусайся, а языком лъсти. Вот и все. Разве не просто?

Амнона люби на словах, а в сердце устрой засаду. Главное, чтобы пламя злобы не пробивалось наружу. Пусть ненависть тяжелым свинцом лежит на дне души, а на лице – не появляется. Так и врага изведешь, и сам выйдешь чист, - закончил Зимри.

- Послушать речи твои чудесные – будто язычник говорит. А знаешь ли, как разбить зловредный братский союз Амнона и Теймана? – спросил Азрикам.

- Натянешь потуже тетиву лукавства, выпустишь меткую стрелу лжи, и вот уж затрепетала добыча в руке коварства. Я помогу. Орошу благодатной росой чувства брата и сестры к Амнону. Позабочусь, чтоб любовь расцвела, а плоды не завязались. А потом и саму любовь, как мякину с гумна, ветром сдует. Внесу в умы смятение. И лопнут прочные нити, что связали сердца троих. Главное, однако – молчание. Мраком тайны осветим наш путь. Разве не так поступают рыбаки, расставляя сети в туманный день и поднимая со дна реки ил и грязь?

Азрикам поставил на стол вино, угощает Зимри.

- Наслаждаемся сладким вином, а сколько рук потрудились ради этой сладости!? И землешапки, и сборщики, и виноделы! Вполне ли ты меня понимаешь? - спросил Зимри, пробуя из кубка.

- Мысль твоя глубока и ко многому приложима. Скажи понятнее, на что намекаешь, - ответил Азрикам.

- Поясню. Чтобы сослужила службу сладкая, как вино, ложь, требуется умная рука, эту ложь направляющая. А рука тем вернее, чем полнее. Приятный груз вложить в нее требуется. Сам видишь, Азрикам, как откровенен я с тобой и посему претендую на взаимность. Надеюсь, откроешь мне душу и мощну заодно. За опыт я платил дорогую цену, зато он - лучший учитель. Придется и тебе раскошелиться.

- Да, ты, не скупясь, показал свою силу щедро. Щедростью сильного отплачу, лишь обделаем наши дела, - посулил Азрикам.

Диспут

В тот же день Азрикам пришел в один из своих амбаров, оглядел житницу и думает: “Осталось в закромах старое зерно. Пришла пора заменить его новым. Старое же продам за деньги и пополню казну”.

Назавтра Азрикам вымылся в бане, натер тело ароматным мирровым маслом, нарядился, как на праздник, и отправился в дом к Иядидье. Раньше всех гостей явился.

- Здравстуй, Тамар, - приветствовал Азрикам.

- Здравстуй, мой господин.

- Когда услышу “Мой любимый”?

- Нет любви. И опять не угодила. Разве не жаловался, что не величаю тебя по заслугам?

Приветствую тебя, как важную особу, а ты в ответ гримасу строишь, словно лимон съел!

Тут появился Тейман. Расположился у окна, смотрит. Вскрикнул от восторга, подзывает Тамар и Азрикама. Сестра подошла, вместе с братом глядят в окно. Видят, всадник едет на чудном коне. Это – Амнон. Богатые доспехи, меч в ножнах. Шлем на голове, сам закован в броню. Гордо сидит в седле наездник. Красиво, легко летит конь, попирает копытами землю, и спина его покрыта львиной шкурой. Сильной рукой Амнон обуздал коня и остановил у самого окна под восхищенными взглядами Тамар и Теймана.

- Куда несется твой конь? – спросил Тейман.

- В Царское поле, на боевую выучку к своим четвероногим собратьям. Конь знает, где коня ждут.

- А всадник знает, где всадника ждут? Помнит ли, что он виновник сегодняшнего пиршества? Неужели главное место будет пустовать? – вопрошает Тейман.

Конь нетерпелив – бьет копытом, встает на дыбы, рвется вперед.

- Мне уж знаком этот буйный нрав. Сперва определю коня на место в Царском поле, а потом вернусь, - отвечает Амнон.

- Твой конь возгордился небывалым покровом – добытой тобой львиной шкурой, - усмехнулся Тейман.

- Такое встречается у людей: внутри пусто, а роскошным покровом горд, хоть это и чужой трофей, - вставила слово Тамар.

Амнон рассмеялся, отпустил поводья и помчался стрелой.

- Как проекрасен Амнон в своих доспехах! Воин и герой! – воскликнул Тейман, обращаясь к Тамар и Азрикаму.

- Если мерой власти станет красота, Амнону положена царская корона. Он похож на царя Давида, - подхватила Тамар.

- Согласен: он похож на Давида, скрывающего истинное свое нутро и притворяющегося безумным, - не удержался от замечания Азрикам.

Тамар презрительно взглянула на него и промолчала.

- Разве не знаем мы подлинное Амнона нутро? – вступился Тейман. – Скрыть истинный нрав стократ труднее, чем представить ложный, что тоже не просто. И ни то, ни другое - не для вчерашнего пастуха.

- Амнон переменчив. Он постигает мудрость Господа или учится воевать? Со временем забудет с чего начал и неведомо, чем кончит. Жил в деревне, гонял коз, был козопас. Поселился в городе, гоняет ветер, стал ветрогон. Не принял от Иядидьи дар – и сделал глупость. Что есть достояние его? Красота? Геройство? Умение петь да поучать? Пылью, что пускает людям в глаза, безродность и нищету свою не скроет! – сказал Азрикам.

- Ах, Азрикам, запутался ты в словах! Хочешь унижить Амнона, а, выходит, возвышаешь его! И слава Богу! Будь он знатного отца сын – не понадобились бы ему дарования, кичился бы богатством и родовитостью. Господь не дал ему этого, зато одарил красотой, умом и силой духа. Стыдиться ли человеку сих достоинств? Он повернул свою судьбу, ибо верно понял замысел Бога. Я сказал то же, что и ты, лишь иными словами, - ответил Тейман.

- Красота, ум, сила духа – три завидных достоинства и Божий дар - и не о чем тут спорить, - продолжает Азрикам, - но четвертое – ученая речь – и не достоинство вовсе! Пустая и вредная страсть. Что неимущему от праведных слов? В одно ухо влетят, в другое вылетят и в сердце не оставят след. Ученики пророков, голытьба, что могут они? Лишь пересказывать пустые речи один другому, а другой третьему, а тот четвертому, а четвертый вновь первому и так бесконечно по кругу. Слово их парит высоко-высоко, земли не видать, зато поучают и людей и народы, что на земле живут. Про сотворение мира и древние времена все знают, а голодному чем помогут?

Разумный поймет, что Небеса для Господа, а земля – для человека, опора которого в земных делах, а не в небесных словах. Принес положенную жертву – и долг перед Богом исполнен. Книжники же непременно скажут: “Не празднует Бог ваши подношения, и нет Ему нужды в них”. А я отвечу: “Небось мнят, что помыслы Господа им известны? Краснобайство их – пустословие, а цветистые речи – тарабарщина”.

- Выходит, царя Соломона мудрые изречения – пустословие, а царя Давида стихи во славу Господа – тарабарщина? Это ли сказать ты хотел, Азрикам? Знай же, слова твои – зерна отчаяния, и если взойдут семена ...

- То породят ядовитые плоды, - закончила за брата Тамар.

Азрикам ничего не ответил Тамар, боясь не совладать с подступившим гневом, но вновь обратился к Тейману.

- Я думаю, сколь не подобают невразумительные речи царю, столь неуместно краснобайство для простолюдина. Пустобрехи ученые глупы, как торговцы старьем. Надуть такого – пару пустяков. Принесет серебро на рынок, ему скажут: “Олово это” - он и поверит, а над ним смеются. Не с вельможами и воеводами им якшаться! Кто бы их замолчать заставил!

- Ты глух к духовности, Азрикам. Однако, присмотришься к вещам. Знатный и богатый невежда всю жизнь накапливает сокровища, а кончит век – и в памяти людей и следа о нем нет. И где труды его? За безвыходностью богач оставляет потомкам сокровища – ему более нечего оставить. А знаток слова Божьего умрет, и мудрость его живет и людям светит и в поколения передается, и помнят и славят его. Не видеть этого – слепцом блуждать! – возразил Тейман.

Затянувшийся диспут утомил Тамар. В словах Азрикама слышит лишь зависть и злость.

- Довольно говорить! По делам и по замыслам Бог поделил людей и разные языки им дал. Языком знания говорит мудрый, языком сердца – бескорыстный, а с языка завистника капает желчь. У каждого своя стезя, и люди по сходству рождаются, и человек жнет, что сеет, - внесла свою долю Тамар.

Тут Азрикам вспомнил урок искушенного Зимри и спохватился: зачем от сердца говорил?

- Я Амнона доброжелатель. Приготовлю ему щедрый дар, чтоб не знал нужды и любимым занятиям предавался. Знай же, Тамар, если нелестное о нем сказал, так это вырвалось по ошибке, а я за ошибки не цепляюсь.

- Цепляешься ли ты за ошибки или признаешь их – что мне до этого? – ответила Тамар.

Праведный Зимри

Тут хлынул проливной дождь и помог Азрикаму оставить невыгодную тему. Он сдержал гнев и стал рассуждать о том, что вот, мол, дождь помешает сборщикам урожая. А Тамар слушает рассеянно и все высматривает Амнона в окне. И видит – возвращается Амнон верхом, ибо дождь помешал ему добраться до Царского поля.

В комнату вошли Амнон и Зимри. От зоркого глаза последнего не ускользнуло, что между Тамар и Азрикамом случился спор, если не ссора.

- О чем судили-рядили? – спросил Зимри.

- Спорили о награде, что ждет мужа на пути его, - ответил Тейман.

Зимри горестно склонил голову на грудь, издал тяжкий вздох и заговорил.

- Награда, что ждет мужа? А я спрошу, чего ждать от мужа? Как волос на голове - число грехов человека, ибо он следует желаниям сердца. Скажем, глядит он в глаза девице или голос ее нежный ловит – и уж этим преступает закон, ибо в голове его похотливые мысли роятся. Да что там мысли! Ведь и руками, и ногами, и губами грешит мужчина! – вдохновляется Зимри.

- И обонянием грешить можно? – спросил, пряча улыбку, Тейман.

- Зря смеешься, юноша. О себе скажу. Нынче был в саду твоего отца. Деревья моложе трех лет. Плоды их запретны. Но какой чудный запах от завязи! Так нос толкает к греху. Даже малого греха следует остерегаться, а если допущен – непременно каяться. Вот, принес двух искупительных жертвенных горлиц.

- Двое-трое таких ревнителей покаяния, как ты, Зимри, опустошат иерусалимские овчарни и голубятни, - сказал Тейман. – Бедные бараны и горлицы простятся с жизнью за грехи сих мужей. А там настанет очередь овец Кэйдара и Ливана, и те иссякнут! Да и не диво это: по твоей науке всякий помысел преступен, каждый шаг грешен. Счастье наше, что Господь снисходителен и не столь щепетилен. Нет, Зимри! Земной человек – не ангел небесный. У этих двоих – разные пути. Впрочем, Амнон ближе нас всех к учению Бога. Послушаем его.

- Не стану судить людей, - с неизменной скромностью заявил Амнон, - а поучать чрезмерно – словно жвачку жевать. Хорошо об этом говорил пророк наш Миха из Морэйши: “Помни Бога, будь скромн, будь милосерден!” – таков смысл слов его.

- Как красива и чиста твоя речь, Амнон! – воскликнул Тейман.

Отец, мать, сын

Вошедшая Тирца пригласила спорщиков к столу, где заняли места Иядидья и званые гости – все вернулись из Храма, принеся жертвы.

После трапезы приглашенные разошлись по домам, благословив хозяина и дом его.

- Сегодня как мы согрешили, Зимри? Глядя глазами, слушая ушами, вдыхая носом? – продолжал подшучивать Тейман.

- Зачем грешить насмешкой? Ты юн годами, а я много пожил, и за спиной ношу нелегкий короб прошлых грехов, и забота моя велика: отмыть их, - с обидой ответил Зимри.

Услышав сей разговор, Иядидья отослал Зимри по делам.

- Зачем, сын, смеешься над жаждущим спасения души? Учись смирению у него! Видел бы, как в Храме он проливает слезы раскаяния в былых грехах, как тронул сердца коэнов, как почитают его истинно верующие! – с укоризной сказал Иядидья.

Тейман устыдился.

Иядидья удалился к городским воротам послушать речи старейшин.

- Через три дня мы переезжаем в наш летний дом на Масличной горе. Поедем, посмотрим место! – обратился Тейман к Амнону.

- И я с вами, – воскликнула Тамар, - дождь кончился!

Азрикама не пригласили, и он, уязвленный и недовольный собой, вернулся домой. А тут его ждала новость. Работник нашептал ему, что видел, как Ахан навьючил на осла мешки с отборной пшеницей и выехал за ворота. В гневе и с нетерпением Азрикама ждал возвращения Ахана.

- Связался с ворами и продаешь им мое добро? – ошеломил хозяин вернувшегося домоуправителя.

От неожиданности Ахан молчит, словно язык проглотил. Весь гнев, что накопил за день, выплеснул на него Азрикама. Одной рукой схватил за волосы, а другой – давай бить по щекам.

- Руки прочь, Наваль, сын негодный, не то обоим нам смерть! – возопил, забывшись, Ахан.

- В яму его, и воду и хлеб давать самой скудной мерой! – приказал слугам Азрикам.

Хэла бросилась в ноги Азрикаму. Молит пощадить мужа ради нее, напоминает всевластному, как кормилицей была ему. Но тот лишь оттолкнул ее.

- В несчастье нашем мы сами виноваты. Не унижай себя, Хэла, перед негодяем! – крикнул жене Ахан.

А слуги с готовностью исполнили приказание хозяина и водворили домоправителя в яму.

Азрикам возвысил доносчика. И допросил Хэлу: кому сvez Ахан украденную пшеницу. А та притворилась, будто не знает, что мешки эти назначались Нааме.

Глава 10

Масличная гора

Ближе к сумеркам Тейман, Амнон и Тамар поднялись на Масличную гору. Место это дорого жителям Сиона и любимо ими: оливковые деревья, густая тень, чудесный аромат вокруг.

- Через три дня покидаем город и переселяемся сюда. Как славно! – воскликнула Тамар.

- Душа человека требует перемен, - говорит Амнон, - деревенскому жителю приедаются тишина и покой, он ищет новизны в городском шуме и гаме. А горожанин, разбитый хлопотами и созерцанием всех пороков, алчет скромной благодати полей, лугов и лесов. Суетны перемены, и посему, хоть из разных окон глядят новизна и привычка, обе видят единый великолепный и скверный мир.

Масличная гора горда достоинствами и деревни и города, - продолжает Амнон. - Неподалеку, где покоится Мертвое море, – там место вечной безмолвной пустыни, а здесь перед нами раскинулся Иерусалим - совершенство красоты.

- Ты видел прежде Мертвое море? – спросила Тамар Амнона.

- Видел, когда возвращался из Боцры. Мудрецы говорят, то было место чудное, как райский сад, покуда Господь не обратил его в пустыню, истребив огнем тамошние города Сдом и Амору, карая жителей за безмерные грехи. Теперь бесплоден этот край. Только сера и соль повсюду, да горящая нефтя и смола источают зловоние вокруг. Ни растения, ни зверя, ни птицы – нет живого на проклятой Богом земле. Лишь дьявольский вой слышен в кромешной ночной тьме над морем. Владыка зла носится над руинами Сдома и Аморы. Богата рыбой бурная река Иордан. Но вот впадают в соленое море пресные воды, и умирает река, и рыба гибнет, - ответил Амнон.

- Как жаль, что так произошло! Разве кара устрашает? Или исправляет? Или искупает? – заметил Тейман.

- Довольно о пустыне, обратим взоры к чудному городу, - говорит Тамар. – Как многолюдны городские перекрестки! Гомон у Водных, Восточных, Лошадиных ворот. Крики водовозов под вечер. Вельможи в крытых повозках. Молодые богатые горожане верхом. Гремят колеса, цокают копыта лошадей. Издалека слышно и видно, как струится живой поток – люди тянутся к Храмовой горе.

- У Рыбных ворот шумит бойкий рынок, - подхватил Тейман, - а у Овечьих ворот режут и блеют стада.

- Кипучий, неисчерпаемый город! – соглашается Амнон. – На земле красуются дворцы, а башни рвутся в облака. Тысячи снуют по делам, у каждого – свое. И глазами, и ушами, и сердцем человек вбирает в себя великий Иерусалим. Все желания людские – пустая тщета, если не в согласии они с волей Бога. Страсти человеческие, где они? Пусть в глиняных хижинах, пусть в каменных дворцах - все они внизу на земле, и до неба ото всюду далеко. А наверху, на горе Мория – витает небесный дух Господа. Он наставляет смертных на верные пути.

- Амнон, спой нам песню во славу Сиона, - просит Тamar.
И Амнон запел.

1

О, город прелестный,
Сиона столица!
Владыка небесный,
Верь, он мне снится!

2

Камни Давида,
Сады Соломона.
Дивного вида
Царева корона.

3

Шум площадей,
И Храма степенство –
Отрада людей,
Красы совершенство.

4

Оливковый сад
Цветет на горе,
Птичьих рулад
Не счесть на заре.

5

Горе беспечному,
Если не зван.
Сгинут навечно
Ашур и Ливан.

6

О, город прелестный,
Шум площадей.
Я - нем, бессловесный,
Ты – мой чародей!

Признание

Амнон кончил петь. Переполненный чувствами, Тейман бросился к певцу, обнял и расцеловал его.

- Как прекрасно, то что я видел и слышал! - воскликнул Тейман.

- Благолепный Иерусалим, и дивная песня о нем! - добавила Тамар.

- Каким славословием, какими стихами воспеть красу и величие Сиона? – вопрошает Амнон. – У ворот Справедливости старейшины вершат праведный суд. Почетом и поклонением окружены судьи и законники наши. Обманул сильный слабого, утеснил богатый бедного – и идут люди к воротам искать правду, и она выходит наружу, и справедливость незыблема, как всегда. Слава Господу, давшему нам Хизкияу-царя. Правосудный монарх возносит честных, а непокорным – спуску нет! Не даром Исая, сын Амоца, стоял на том, что город этот – великих дел вечное поприще. То ли еще увидим! Перо и резец бессильны! Безмерно оценит Творец тех, чьи сердца следуют путем истины. Один – постигает мудрость слова Божьего, другой – судит, третий – пашет, четвертый – сеет, пятый – стоит на страже. И все нужны всем, и не шагнуть вперед, пока другие не сделают шаг. И все идут в Храм, и молятся, и возносят жертвы.

А на площадях толпятся горожане – люди внемлют пророкам. И простолюдин, и богач, и славный воевода – все тут. И награда народу за верность Богу - верность Бога народу. Посему вокруг Сиона несчетно много завистливых глаз и злопыхателей. Вот Ашур точит ножи. Горькие беды ждут вероотступников Шомрона, да и всех прочих, кто идолам поклоняется. А святой Иерусалим останется неприступен, и стрелы, в него пущенные, повернут назад.

- О, Амнон, - воскликнула Тamar, - эти речи для ушей моих – как вожденная влага для цветка в пустыне. Часами, днями, вечно готова слушать гимны милому Иерусалиму. Однако, неужели и впрямь столь незыблемы основы, и уж вовсе нет кривды в Сионе?

- Вот как отвечу тебе, госпожа. Гляди, как справно маслины цветут на горе. Да разве каждый побег принесет плоды? Небось, лишь один из десяти. А сад цветет, и урожай велик. То же - и люди у нас. Спору нет, не все праведники, а страна – праведная. Беда только, что не всегда знаем, кого Господь к благой десятине причисляет!

- А где же превосходство умного над глупым? И зачем это так устроено, чтобы путного от негожего не отличить? – изумляется Тamar.

- Глупец, дабы суть свою не раскрыть, прячется во тьме. А умный факелом мысли разгоняет тьму, как луна в ночи. И хоть огрызаются злые псы, сторожащие черный мрак, они бессильны против света разума, - сказал свое слово Тейман.

- А я думаю, - добавила Тamar, - что ночью высокий дух подобен свету луны и не несет тепла, но днем он равен солнцу: и греет, и светит, и радуется всех. А глупость, как улитка в раковине – друг тьмы и враг света, и ни той ни другой не узреть мира красоты.

- Догадываюсь, сестра, кого сравниваешь с улиткой, обитающей во тьме и тебе досаждающей. Это ...

- О, милый братец, замолчи. Пусть не звучит его имя в добром этом месте. Скорее горы Сиона рухнут, чем нога моя ступит вслед за ним. Я надеюсь, что не ждет меня злая судьба, ибо жестокие времена остались в прошлом. Нынче не приносят в жертву Молоху сыновей, а идолам золоченым – дочерей. Упомяну все же ненавистное имя. Разукрашенным и убогим истуканом вижу я Азрикама. Лишь наследным богатством да семейной знатностью силен. Я в обиде на отца нашего, что потакает недостойному, с которым, клянусь, не по пути мне.

- Вот и сказала ты, сестра, кто есть улитка. А теперь открой имя несущего свет в твою душу.

- И густые облака не скроют светило ...

- Довольно загадок! - воскликнул Тейман и обратился к Амнону: “Признайся, тебя разумеет Тamar!”

Смутился Амнон, и смутилась Тamar.

- Молчите? Легка была загадка, и на зардевших ваших лицах – разгадка ее. Коли стыдитесь своей страсти – прочь ее, а если дорога она вам, отчего языки проглотили? Или я не в доверии?

- О, Тейман, - начал было Амнон, - вот уж год минул, как Господь осчастливил меня встречей с Тamar, и весь этот год ... – хотел, но не смог он продолжить, ибо подступившие слезы не дали говорить.

Тут и Тamar всхлипнула и утерла слезу.

- Амнон! День тот навеки остался в сердце девичьем, как чудный цветок, как прекрасная роза! – воскликнула Тamar.

- Как прекрасная роза! – горячо повторил Тейман, вспомнив Розу с горы Кармель.

Все трое умолкли, лишь молодые сердца стучат. Шум крыльев в вышине нарушил тишину. Подняли головы и видят: стервятник преследует нежную голубку. Хищный клюв, цепкие когти. Еще чуть-чуть – и пропала пичуга. Разом вскрикнули трое и отпугнули злодея. Бедняжка перевела дух. Заблестели зеленоватым золотом перышки на крыльях. Снова она мчится прочь, ищет спасения в кустах. Тут вскочил Тейман, погнался за хищником, стал швырять камни. А Амнон стоит, к месту прирос, держит в волнении руку Тamar.

- Ах, голубка чистая, как эта пташка ты! – говорит.

Тamar в ответ невольно сжала сильную мужскую руку.

- Ты спас меня ото льва, теперь, я знаю, избавишь от стервятника. В святом Храме за тебя молилась. Я создана для тебя навек!

- А я – для тебя! Я поклялся: нет для меня другой! Судьба моя – или счастье с тобой, или одиночество до смерти!

Признание красиво всегда, и истинно оно, когда сказано сердцем. Вздолванная Тamar снимает кольцо, подарок деда Хананеля.

- Возьми это кольцо, Амнон. Прочтешь на нем имя живой Тamar и ушедшего Хананеля. Это знак, что быть нам вместе: то ли в радости жить, то ли в скорби умереть.

Не успел Амнон промолвить слово в ответ, как вбежал, запыхавшись, Тейман, и в руках его – голубка.

- Вы все воркуете! – прокричал возбужденный Тейман, - а я сейчас своими глазами видел, как Господь спас слабого и его мучителя покарал! Птаха совсем обессилела и уж когти злодея почти настигли ее, но по воле Всевышнего взвился в небо мощный орел и черной молнией сразил стервятника. Бедняжка спасена и упала на землю без сил. Вот, трепещет нежный комок в моей ладони!

- Всем бы утешителям такой конец! – воскликнула Тamar.

- Случай этот – знамение добра, - прибавил Амнон.

- Бог и твою голубку сбережет, - сказал Тейман Амнону.

- Теперь все мои тайны ведомы тебе, братец. Азрикам преследует меня, как стервятник жертву. Есть ли у меня надежда?

- Амнон станет тем орлом, что погубит обидчика и прострет над голубкой крылья спасения, - торжественно заявил Тейман.

- Поручи моим заботам пташку, коли ты ее мне уподобил.

- Возьми и береги ее, как добрый знак.

Брат с сестрой проводили Амнона в летний дом и показали предназначенную ему комнату.

Появился Зимри.

- Куда запропустилась молодежь? Отец с матерью заждались, - сказал он.

Тейман заметил, что кольцо Тamar надето на руке Амнона, и промолчал. И Зимри заметил и тоже не подал виду. Тейман попросил Зимри простить его за насмешку. А тот ответил великодушно: “Да уж я забыл давно. Я не злопамятен”. Хитрость горазда на широкий жест.

Глава 11

Азрикам раскошеляется

Утром следующего дня Зимри повстречал Азрикама на одной из улиц Иерусалима. Им было по пути. Они миновали Овечьи и Рыбные ворота и с северной стороны Восточных ворот подошли к Старым воротам. Город полон народу, шумит, гудит.

- Кого только нет в этой толпе: продавцы и покупатели, ловкачи и простаки, - размышляет вслух Зимри, - все в одном котле кипят. Что руками людей сделано, и, что потом из рук в руки переходит – всему цена имеется, мера денежная. Задумался ли кто: человек сколько стоит? В нем одном есть все, за что люди платить готовы. Лишь струны сердца его настроишь на нужный лад и получишь вещь по вкусу – и новое сотворить и старое разрушить, и от беды уберечь и врага сокрушить – на все человек сгодится. А чтобы к струнам этим подобраться, деньги требуются. Человек не дорог и не дешев, и нет ему точной цены. Главное – в товаре не ошибиться.

- Чую, приятель, у тебя полон короб новостей. Пойдем-ка ко мне домой, и все выложишь, - сказал Азрикам.

- В твоём доме говорить опасно: как бы камни в стенах не возопили. Разговоры наши секретные и годятся для двоих, и третий – лишний. А здесь, на улице, и того хуже – отовсюду семь пар глаз смотрят, семь пар ушей слушают, каждое слово на лету хватают.

- Есть у меня отличное место на примете. Пойдем в винодельню Карми. Человек он умный, неболтливый, надежный, - сказал Азрикам.

- Жизнь учит хранить секреты от друзей, и вернее будет, если спустимся в долину, где в прежние времена детей сжигали в жертву идолам. Нынче в царствование Хизкияу там след человеческий простыл.

- Будь по твоему. Однако, запомни, если случится дело срочное ко мне, да еще и на ночь выпадет, приходи в винодельню к Карми, а он пошлет за мной. Я доверяю ему. Но разговор наш он не услышит. Дело будет меж нами. Это – на будущее.

Зимри и Азрикам пришли в безлюдную долину и расположились под тутовыми деревьями.

- Вчера Тейман, Аммон и Тамар задержались на Масличной горе до позднего вечера. Я вышел позвать их в дом и заметил, что кольцо Хананеля надето на руку Аммона, - сказал Зимри.

Как ужаленный вскочил со своего места Азрикам и обрушился на Зимри с упреками.

- Худая новость! Кольцо Хананеля на руке Аммона-пастуха – это сон старика! Зимри, разве не просил я тебя придумать такое, чтобы уронить Аммона в глазах Тамар? А ты, упрямец, делаешь наоборот – хвалишь этого пустобреха. Ищешь обходной путь к цели? Промедление губительно в решительный час. Отраву действует, пока свежая. Укоренится болезнь, и не спасет врач. Вот, упустили время, и пастух прижился, как сильное деревце в доброй земле. Теперь заставь-ка его голову склонить!

- Взятся смешить меня, Азрикам? Да ведь если я стану порочить Аммона, девица тотчас разглядит злонамерение. Всякому видно, как прелестен пастух. И не мне людей разуверять. Кто несет прошлого пятно, тот навек останется рыбой без чешуи и плавников – мерзость, иначе говоря. Худое слово в моих устах – похвала в чужих ушах.

- Ты прав, Зимри. Не внушить Тамар дурного об Аммоне. А почему к Иядидье не пробовал подступиться?

- Многовато на мою бедную голову – одному хозяину советы давать, а другому лгать!

- Так присоветуй дельное или каверзу изобрети. Аммон на беду и позор нам послан. Словно кость в горле – ни проглотить, ни выплюнуть. Неужто ты, хитрец, ничего не придумаешь? Если боишься оступиться, речи свои в чужие уста вложи. Вот, не ты мне, а я тебе совет даю!

- Повторяю: путь к сердцу деньгами прокладывается. Аммону, пастуху и герою, сообщу кое-что, и Маху подучу. Твоими деньгами расплачусь. Открывай мошну, и не будем терять время.

- Я от прежних слов не отступаю: никаких денег не пожалею, лишь верни мне Тамар. А твоя награда – до половины моего богатства!

- Большое дело – своевременное дело. Твоя это мысль, не так ли? Придет день, и о моей награде поговорим. Сейчас главное – Аммона остановить.

Достигнув согласия, сообщники направили свои стопы обратно в город. Азрикам отвесил Зимри серебра полной мерой – Аммона и Маху подкупать.

Раскаяние и безумие

Иядидья с семейством перебрался в свой летний дом на Масличной горе. За покровителем своим последовал и Аммон. Освободившаяся комната его предназначается Ситри, что приезжает в Иерусалим по делам.

Поздно вечером явился к Иядидье мальчик-посыльный, слуга судьи Матана, и сообщил, что судья просит Иядидью срочно пожаловать к нему.

- Случилось ли что? Отчего спешка? – спросил Иядидья.

- Хозяин болен, страх смерти витает в доме, - ответил посыльный.

Иядидья без промедления оседлал мула и верхом поспешил к судье. Прибыв, уселся у постели больного.

- Что с тобой, Матан?

Судья устался на гостя и не в силах слова вымолвить.

- Ум его помутился, ничего понять не может, - плача сказала жена Матана.

- Да и я заметил перемену в нем. Уж месяц, как Матан сам не свой, угрюмый и злобный.

“Что стряслось с тобой?” – спрашивал его, а он едва выдавит два слова: “Заболел, поправлюсь”.

- Он всем так отвечал. Днями мрачен, а ночами от страха дрожит. Боюсь за него. А нынче в полночь давай руками размахивать, ногами топать. Что есть голоса вопит, словно проклятия выкрикивает, а слова непонятные. Жутко мне, волосы дыбом встают. Сегодня не вытерпела, послала за тобой, Иядидья.

Тут Матан нарушил молчание, и голос его бешенный, и речь бессвязна.

- О, Хагит!.. Дети ее!.. Львица с детенышами!.. Горе мне! Не исцелить души моей растерзанной! Нутро мое грязное, гнусное ... Дьяволица вероломная, на части рвешь меня ... Отчего дом Наамы не сгорел?.. Хагит, зла порождение, куда заманила меня?..

Преступлением своим раздавлен. Горе мне! Огонь вокруг, огонь внутри!..

Обессилил, затих Матан. Достал из-под подушки ключ и молча протянул его Иядидье. Увидав ключ, зарыдала жена судьи.

- Этот ключ от подземной кладовой. Никто, кроме него этот ключ в руках не держал, и коли отдает его – значит умирает! Бросаешь меня, Матан! - голосит жена.

- Да неужто бальзама целебного нет в Гиладе, и лекаря не найти? – вскричал Иядидья, - не падай духом, женщина, всегда есть надежда. Из святилища Господа помощь придет, Сион честного сына своего спасет. А речей его безумных не слушай, Бог даст, исцелится больной, и беда минует тебя. Я тем временем отправлюсь домой, а утром вновь вернусь сюда.

Медленно едет Иядидья. Перебирает в мыслях слова больного, и душа его смущена.

“Помешанные говорят правду. Безумен ли Матан?” – спрашивает себя. Верхом на муле миновал он улицу, другую, третью. И видит, черное небо озарилось красными всполохами, и дымом запахло. Иядидья услышал крики о помощи и повернул назад. “Помогите, спасите, люди добрые! Дом Матана горит!” Возле пожарища почувствовал Иядидья запах серы.

“Пламя это – человеческих рук дело” – подумал.

Вокруг толпа собралась, и ни один не гасит огонь. “Спаслись ли жители дома?” – подъехав, спросил Иядидья зевак, а те отвечают: “Вот, поспешили мы сюда и видим, дом с четырех углов пылает, и никто не захотел жизнью играть ради судьи этого и чужие души спасать никто не стал”. Иядидья заметил: “Ни чужие ни свои души не спасет равнодушие, а мир погубит и даст дорогу злу.” К рассвету дом Матана правратился в кучу тлеющих угольев.

Иядидья призвал городских стражников и матановым ключом открыл при них ворота в подземную кладовую. Вошел вовнутрь и взволновался, и изумился, и прозрел: сокровища из казны друга его Иорама лежат перед ним. “Истина вышла на свет Божий. Когда помутился разум у судьи? Вчера или много лет тому назад? Верить ли его сумасшествию? Где есть корысть, там нет места безумию” – с горечью подумал он. Иядидья приказал стражникам собрать воедино сокровища и представить сию неправедную добычу Матана старейшинам, чтобы мудро разобрали дело и открыли бы подноготную судьи и незаконные его деяния.

Проницательный Ситри

Бедная Тирца всю ночь напролет не сомкнула глаз. “Зачем Иядидья поехал к Матану? Отчего так поспешно? Темной ночью, не дожидаясь утра. Рассветает, а муж до сих пор не вернулся!” – с тревогой думает Тирца. Страх ее безмерно увеличился, когда услышала от людей, что этой ночью пожар бушевал в городе. Она ходит в тревоге по саду. “Пошлю слугу в город, мужа искать” – решила она.

Вдруг видит Тирца, человек держит путь из Иерусалима. “Что случилось в городе?” – кричит ему Тирца. “Дом судьи Матана сгорел!” – прозвучал ответ. Тирца лишь всплеснула руками. Сердце сжалось от ужаса: “Неужели несчастье с мужем?”

Но тут показался Иядидья. Тирца бросилась к нему, обняла крепко и плачет и слова не может вымолвить. Наконец, успокоилась.

- Как испугал меня, милый! От страха за тебя душа едва не отлетела. Зачем ездил к судье?

- И на мою долю выпала боль. Великого зла пришлось быть свидетелем. Лишь с тобой, голубка моя чистая, сердцу светло.

- Ты мастер ласковые слова говорить, а я слушаю и таю! Скажи теперь, и вправду дом Матана сгорел?

- Верно говорят. В гору пепла обратился его дом, и никто из домашних не спасся, и хозяина лютая смерть настигла.

С великой печалью Иядидья поведал жене события этой ночи.

- Где верность? Где дружба? Гнусно предал изменник Матан честного Иорама, а ведь был у него в безраздельном доверии! – закончил рассказ Иядидья.

- Ах, Наама! Подруга моя! Безгрешна, непорочна и невиновна перед Иорамом, а как наказана! Подлым Матаном осуждена!

- А что делать со свидетельством Хэфера и Букьи? Ведь люди они проверенные и беспорочные в общем мнении! Кто возразит им? Мысли мои в смятении, Тирца. Поспешу в Храм Господа – сердце усмирить.

Принеся, как положено, утреннюю жертву, Иядидья собрался уходить. Осмотрелся по сторонам и увидел знакомое лицо – Ситри тоже был в Храме. Мужики обрадовались встрече. По дороге домой Иядидья поделился с Ситри печальными новостями и, казалось, мало удивил его. В доме на Масличной горе Тирца накрыла стол.

- Не стало веры человеку! Поди разбери, кто сердцем чист, а у кого камень за пазухой, - вздохнув, сказала хозяйка.

- Каков он был на самом деле, Матан этот? Кто горячее его молился, и кто щедрее его жертвы всеожжения приносил? – подал голос юный Тейман.

- Тейман, не раз уж просил тебя, дружок, не вставляй слово в беседу превосходящих тебя годами. Лучше слушай и на ус мотай, - упрекнул отец сына. Грех одного не очернит мир, а преступивший закон по закону и заплатит, - закончил Иядидья, обращаясь на сей раз к Тирце.

- Вера, – сказал Ситри, - такая вещь, что на языке у каждого, а на уме у немногих. Печать праведности десятки тысяч благородных лиц украшает. Один из десятка иной раз добро сотворит. А из десятины этой только тысячный в сердце истую веру несет. Таков веры печальный подсчет. По пальцам перечесть искренних среди искренних и честных среди честных. Почет и богатство манят людей. Маска праведности в Храме к месту, а в доме ее снимают, никчемную.

Признаюсь, Иядидья, я и прежде Матана видел насквозь, и открытие твое для меня не диво. Вдов и сирот он не щадил и к мольбам несчастных был глух. “Суд мне кнута не вручил, и Господь плетку не дал! Как обидчиков ваших покараю?” – так просителям отвечал. Утеснителей слабых, что не с пустыми руками к нему шли – едва журил. На язык был остер, но говорил все Богу неугодное. Добро делал с задней мыслью. От отца своего Иозавада унаследовал алчность и ловкость обирать до нитки простаков.

- Умно говоришь, Ситри, - заметил Иядидья, - а теперь скажи, есть ли средство разглядеть нутро человека? Окно, что есть в сердце, не открыто. Я безыскусно смотрел на Матана и криводушия не приметил. Всегдашнее подозрение взять правилом? Так, пожалуй, утренний ангел вечером чертом покажется. Любящих меня растеряю, и друзья отвернутся. Зато врагов и ненавистников наживу вдоволь. Одинок буду в многолюдном Сионе, как куст можжевельника в пустыне!

- Иядидья, дорогой! Позволь указать на тех, чьи дела и речи помогут прямое от кривого отличить. Слава Господу, Иудея не оставлена на злую волю врагов, и чистосердечные не перевелись у нас. Царь наш – краса и мудрость, скромность и благородство, справедливость и честность – все в нем – прямодушным открывает дорогу, а злонамеренных карает. А взгляни на сына Амоца и других пророков! Их святость проникает в сердца и просвещает умы. Разве таковы грешники, рядящиеся в праведников? Не светят и не греют они, лишь беды несчетные несут. Вот так, примечая лучших и худших и дела их, не заблудишься в лесу добрых и злых страстей.

- Урок хорош. Но как он поможет нам? Теперь мы знаем, по вине Матана на Иорама свалилась беда. А кто поджег дом судьи? И дом Иорама? Виновна ли Наама? Хэфер и Букья свидетельствовали перед старейшинами, и те порешили, что виновна. Но Матан в лихорадочных речах своих этого не говорил. И безумен ли он? Смешалось все. И судьба Наамы и детей ее не известна.

- Если подлинный суд свершится, то свет истины вырвет из тьмы порока злодеев, Нааму погубивших. Ах, Иядидья, чего только в городе ни случается! Я благодарен Господу за то, что дал мне обитель на Кармеле, среди леса, неба и трав. Чужд мне шум городской, и боюсь я друзей, друзей предающих. Пристально осмотришься вокруг, Иядидья, и поймешь простую вещь: вера в Господа – надежная вера, а вера в людей – шатка и легкомысленна. И храни Бог тебя и семейство твое!

Ситри окончил трапезу и отправился в Иерусалим, где поселился в верхней комнате Амнона, и прожил там, пока были у него дела.

Пересуд

Вечером накануне пожара Азрикам принимал гостей в винодельне Карми – совещался с Хэфером и Букьей. “Будь уверен, Азрикам, - говорили гости, - вот-вот языки пламени остановят длинный язык Матана, и тот замолкнет навеки, и забудешь страх. И жена его, и дети его, и домочадцы его – все сгорят, и некому будет рот открыть, и слово вымолвить. А сейчас поторопись-ка домой, да вызволи Ахана из ямы, в которую посадил его. Любой ценой примиришься с ним, покуда не прозрели старейшины у ворот и не переломили судьбу твою.”

Послушный Азрикам поспешил домой и освободил пленника. И чтоб усмирить гнев и ненависть Ахана, одарил его полем и виноградником. Говорил с ним ласково, и вполне помирились хозяин и домоуправитель. Порой мир лучше победы, а порой ведет к худшей войне.

Старейшины вновь разобрали старую историю, что приключилась с домом Иорама и его семьей. Вновь призвали к ответу Хэфера, Букью, Ахана и Хэлу. И те слово в слово повторили то, что говорили много лет назад, ни на волос не отступили. И судьи сказали: “Все ясно нам. Матан и Наама задумали злодейство, чтобы отомстить ненавистной им Хагит.” Постановили судьи вернуть Азрикаму имущество его отца Иорама, которое прятал у себя Матан. А имя Матана повелели сделать проклятием. И если кто проклинает кого, то пусть говорит: “Да постигнет тебя участь Матана!”

Глава 12

Мать

Есть дело – кончай с ним поскорей, и добавишь радости к заботам. Завершив труды в Иерусалиме, Ситри стал готовиться к возвращению на гору Кармель. В день отправления пригласил к себе Амнона.

- Я рад, дорогой Амнон, видеть тебя в доме Иядидьи. Славными делами ты вполне заслужил такую честь, - начал Ситри.

- Ах, Ситри, что делать с честью человеку без рода и племени!? Да и имени, в сущности, у меня нет.

- Умом и дарованиями создашь себе имя. На днях навестит тебя брат мой Авишай, и узнаешь такое, чего нет важней, - сказал на прощание Ситри.

Из летнего дома на Масличной горе Амнон вернулся в свою верхнюю комнату, освободившуюся с отъездом Ситри. С Амноном поселился верный слуга его Пура, которому чрезвычайно хотелось стащить у хозяина кольцо, но не мог дерзнуть, ибо оно крепко сидело на руке Амнона. О Махе скажем, что не получила пока наставления от Зимри, какие слова передать Тамар.

Как и обещал Ситри, к Амнону явился старик Авишай. Ночью раздался стук в дверь.

- Кому я понадобился в такой час? – спросил Амнон спросонья.

- Открой мне, Амнон, - раздался за дверью голос Авишай.

- Проходи, мой господин, - сказал Амнон, впуская ночного гостя в комнату и зажигая свечу.

- Одевайся Амнон, и пойдем.

Встревоженный Амнон умылся и оделся наспех, и оба окунулись в темноту ночных улиц Иерусалима и молча шли, пока ни добрались до городских ворот Долины.

- Я знаю, Амнон, острым жалом колет твое сердце мысль о безродности, - нарушил молчание Авишай.

- Да, господин, горько не знать ни родных ни родины.

- Поклянись, что не слетит с твоих уст ни единое слово о том, что увидишь и услышишь сейчас.

- Богом клянусь хранить тайну! О, если бы судьба благоволила мне! Найду свои корни – найду весь мир!

Авишай подвел Амнона к бедной хижине. Дверь открыта. Амнон увидел грубый стол, за ним сидит славная на вид женщина. Глаза ее красны от слез. Справа от нее – девица редкой красоты. На столе - медная лампа, освещает лица сидящих. При виде вошедших, женщина и девица встали. Амнон во все глаза смотрит на обительниц убогого жилища и переводит взгляд на Авишай, ожидая объяснения.

- Амнон, - дрожащим от волнения голосом проговорил Авишай, - поцелуй руки матери, ибо женщина перед тобой – родительница твоя, и полюби сестру, с которой вы близнецы, родившиеся в одночасье.

Юноша потрясен, и сердце отказывается верить. Женщина заплакала в голос, обняла сына, расцеловала.

- Дитя мое, как много мук и страданий выпало мне! В день, что я отняла тебя от груди, судьба отняла у меня сына. Терпение в сердце матери неисчерпаемо, как вода в бездонном колодце. Я вынесла все.

- О, брат, кость и плоть моя! Не видала тебя никогда, лишь слыхала от матушки, мечтала и звала, - вторит девица.

Видя, что родичи единокровные признали друг друга, Авишай незаметно удалился.

- Отчего молчишь, сын? – вопрошает женщина, и вновь прижимает к груди Амнона.

А тот по-прежнему нем, и лишь с нежностью обнимает попеременно то мать, то сестру, и глаза его полны слез.

- Молви же слово, сын, мне сладок будет твой голос.

- Возлюбленная матушка! Сколько долгих лет тоски миновало! – зоговорил, наконец, Амнон. – Вот, свиделись, и минутами объятий выплеснулись годы терзаний. Материнское горе сдавило сыновнее сердце и сковало язык. Сестра, нельзя описать красу твою! Но почему вы так бедны и столь мал и пуст ваш дом? И какая злая сила разлучила мать и дитя? До сих пор не знаю имен ваших, и кто мой отец не сказали мне. Силы моей довольно, чтобы вызволить из нищеты мать и сестру. Я прежде отверг Иядидья дар, что он приготовил для меня за спасение дочери своей Тамар, а нынче приму его и передам вам, и конец бедности!

- Об одном прошу тебя, сын: не пытай то, что пока утаила. Придет час, и узнаешь, кто ты и чей ты. Открою только, что отец твой из лучших сынов Иудеи, и нет его в живых. Умер герой, и алчные стервятники возжелали завладеть его достоянием. Кабы я не спаслась бегством, и вас младенцев не унесла с собой, надругались бы над нами и продали в рабство разбойники те. Безжалостные, они по сей день грозят новыми бедами, и мы с сетрой твоей прячемся, и Боже храни нас от длинной руки лиходеев. Верю, по справедливости воздастся за зло. Когда соблаговолит Господь настоящие лица преступников Сиону открыть, тогда и тайна наша откроется. Я вижу, что близок час торжества, и дух Божий витает над нами. Не даром ты, простой пастух, взят от стада в дом важного вельможи и добываешь себе честь и славу. Дом где любят – родной дом.

При этих словах Амнон вздохнул тяжело и понурил голову.

- Верно, матушка. Иядидья дал мне кров и защиту, но с ними и душевную муку, ибо слишком высоко взвились мечты пастуха, и, поверь, милее было с овцами!

- Высоки мечты твои? Откройся матери, сын.

- Взгляни на кольцо на моей руке: это – знак любви, полученный мной от Тамар. И я люблю ее горячо, и нет надежды!

Мать и дочь рассмотрели кольцо. Невольно вспомнила девица другое кольцо, что на Кармеле получила в подарок от Теймана. Мать спросила, чьи имена вырезаны на кольце, и Амнон рассказал всю историю от начала до конца.

- Надейся на Бога, и сердце успокоится, - утешила мать.

И долго еще, до самого рассвета говорила Наама сыну слова теплые, материнские.

- Солнце восходит, и вы, дети, как свет зари для матери! – воскликнула Наама, обнимая сына и дочь.

- Неужели не увижу вас вновь? – вскричал Амнон.

- В другой раз подошлю к тебе Уца, работника Авишай. С ним передам где и когда вновь увидимся. Смотри же, береги нашу тайну от чужих глаз и ушей.

Амнон покинул убогую обитель, и в сердце пусто.

Бдительный Пура заметил странное ночное исчезновение хозяина. Только вышли за дверь Амнон и Авишай, усердный слуга – за ними. Держался поодаль и выследил их до самой хижины. Поторопился обратно домой, опасаясь, что Амнон вернется раньше и, не застав его в верхней комнате, заподозрит неладное.

Наутро Пура предстал перед Зимри, и выложил, что узнал ночью. “Жаль, что не подглядел в окно хижины и не подслушал разговор. Впредь продолжай следить за хозяином своим и мне доноси”, - распорядился Зимри.

Хэла признает мужнино превосходство

- Внимательно слушай меня, Хэла, - важно и торжественно начал Ахан обращенную к жене речь, - Господь сурово наказал Матана за преступления, в которые тот и нас с тобой вовлек. Дух мой сломлен, ужас леденит сердце, и конец наш будет страшен. Жизнь учит прощать и искать прощения. А посему, во искупление греха, нам следует вернуть изгнанников дома Иорама.

- В своем ли ты уме, Ахан? Забыл, кто в этом доме живет? Тех вернуть – Азрикама изгнать! И это при том, что сын наш подобрел и осыпал нас благодеяниями!

- Прежде чем возражать, выслушай до конца, женщина! Я задумал и изгнанников вернуть, и этим Азрикама возвысить. Известно тебе, у Наамы есть дочь, писаная красавица. Уверен, лишь увидит ее Азрикама – и страстно возжелает. А я скажу Нааме, что, вот, из ревности и ненависти к Хагит Матан поджег дом ее и дом слуг ее. И увидел поджигатель, что есть свидетель, и это – я. Тогда судья спас из огня моего сына Наваля и говорит: “Пусть Наваля станет Азрикамом!” Признавшись Нааме, попрошу ее отдать замуж за Азрикама красавицу дочь. И станут жить молодые у Азрикама, и Наама с ними. Так вернется дочь Иорама к наследию отца. А люди ничего не заподозрят и скажут, что дочь филистимлянки взял в жены Азрикама, ибо филистимлянкой знают Нааму.

- Иядидья не позволит такому свершиться! Ведь Азрикаму-то предназначена в жены Тамар!

- А вот послушай-ка историю. Открыл мне Зимри, что видел кольцо Хананеля на руке у Амнона, пастуха, найденыша Иядидьи. Аммон получил кольцо от Тамар в знак любви, и сам сей молодчик влюблен в девицу по уши. Скажу пастуху по секрету, что Хананель жив. Услыхав такое, юный вздыхатель несомненно отправится в Ашур вернуть Хананеля, чтобы из уст старика люди услышали, что юноша, виденный им во сне, и Аммон – один и тот же человек. И поймут все, что сон-то был вещим. И станет Тамар женой Амнона, а дочь Наамы – женой Азрикама. И искупится наш грех, и вина будет прощена, и силу обретем, и обелим себя в глазах Господа!

- Опасной дорогой идешь, муженек. Не поскользнуться бы!

- Кто не боится, тому и выгода. Лучше благослови и пожелай удачи. И все выйдет, как задумано.

- А не устраситесь молодой пастух опасной дороги в Ашур? Вокруг Сиона – всегда враги. Жизни недолго лишиться.

- И на это у меня готов ответ. Знаком я с торговцем из Цидона ливанского, Дорам его имя. Он говорит, мир царит в Цидоне и в Цуре. Он и другие торговцы безопасно добираются в Сион морем. Продают, покупают, богатеют, обратно плывут и вновь с товаром возвращаются. Аммон отправится с ними, и не постигнет его беда, и найдет Хананеля. Аммон – храбрый юноша, не ведает страха, и любовь его сильна необычайно. Ничего не убоится и непременно поедет с Дорамом.

- Признаю, умом и хитростью ты меня превосходишь, милый Ахан. Прошу лишь, осторожен будь. Конь о четырех ногах, а порой спотыкается.

- Я свой ум ни на какое состояние не променяю. Положись на меня, Хэла. Помни, однако, Азрикаму не положено наш замысел знать. Пусть горечь поглубже в душу проникнет: увидит, как пастух приведет Хананеля в Сион, как сердце Тамар к другому повернется, и как она с Аммоном соединится. Когда убедимся, что сынок отчаялся вполне, тогда и покажем ему дочь Наамы. Вспыхнет новая страсть, и возьмет в жены красавицу девицу. Чтоб

понадежней скрепить союз, открою ему, что жена его – самого Иорама дочь, а он – наш сын. Ведь не век же дитя родное обманывать, правильно, Хэла? Так и возвысим Азрикама!

Встреча и расставание

Зимри велел Пура разведать, кто обитает в хижине у городских ворот Долины. Быстро дойдя до знакомого места, находчивый Пура изобрел предлог заглянуть вовнутрь. “Где живет Шааф моавитянин?” – наугад спросил он, всматриваясь в женские лица. “Не знаем.” – прозвучал беззастенчивый ответ. А Пура подумал: “Просто все и ясно. Амнон влюблен в молодую красавицу.” Расспросил соседей и узнал, что в хижине живут филистимлянка и ее дочь. С этой добычей Пура поспешил к Зимри.

- Вот тебе, дружище, тридцать монет серебром, и за всякий новый успех будет ждать тебя награда, - сказал Зимри. – Пойдешь к Тейману и нашепчешь ему в ухо: “Ночью пропал мой хозяин, а я подсмотрел и узнал, где он был. С двумя женщинами проговорил до утра. На кривую тропу вступил Амнон”. К этим словам прибавишь просьбу, чтобы хранил в тайне, что это ты его осведомил, - поучал Зимри. А сам думал: “У корыстного и глаз острее, и слух тоньше, и дело кипит!”

- В смекалке моей не сомневайся, найду нужные слова, - протараторил Пура и уж было кинулся выполнять новое поручение.

- Не торопись, Пура, погодим денек-другой, авось еще чего узнаем и вместе все сложим.

На другой день к Амнону в верхнюю комнату явился Уц с известием: на заре прийти в безлюдное место за городом, где тутовые деревья растут. Пура подслушал разговор и передал Зимри.

- Вот сейчас поторопись к Тейману и расскажи обо всем, - сказал Зимри.

Старательный Пура исчез за дверью, а Зимри подумал: “Для начала замутим чистую дружбу. Пусть Тейман думает, что Амнон лукавый”.

Амнон пришел к назначенному месту и видит, под туковыми деревьями его ждут мать и сестра, обе в черных одеждах, и лица закрыты. В сердце Амнона песня, и уж он готовится в путь, ибо накануне узнал из уст Ахана, что жив Хананель и можно вернуть его в Сион с помощью Дорама. И хорошо перед дальней дорогой повидать мать и сестру, ведь радость не терпит одиночества.

Амнон весел, а женщины грустны. Мать взволнована словами Ахана, что услышала от него накануне, а сестра хоть и в неведении пока, но о другом печалится.

- Долго ли будем чужими друг другу, любезный братец? Душа болит! – воскликнула сестра, а мать заплакала.

- О, матушка, тяжелы сыновнему сердцу материнские слезы. Не плачь, а лучше назови имя милой сетры моей!

- Если скажу, что Розой ее зовут, рад будешь?

- Чудное имя! И с красой девичьей в согласии, как алмаз с драгоценной короной.

- Сын мой, с каждым днем тайн все больше. Я узнала такое, чему трудно поверить.

Придет час, и удивлю тебя безмерно. А пока прощай. Мы с Розой надолго уходим из города, и не ищи нас до поры до времени.

- Вот и я узнал новость чрезвычайную, что зовет меня в дорогу немедленно. Хананель, отец Тирцы и дед Тамар, жив. Кольцо на моей руке – знак судьбы и надежды, что сбудется сон старика. Ведь лицом я в точности таков, как юноша, что приснился Хананелю. Как и он, я полюбил Тамар, и она полюбила меня. И она дала мне кольцо, как и ему в том чудном сне. Я не ведаю, где родился, и юноша не знал своей родины. Довольно знаков вместе сошлись, чтобы надеяться и верить!

- Верь Господу, сын, и добьешься своего, и вернешься цел и невредим, и Хананель с тобой, и вкусишь счастье. И, кто знает, может быть и на меня прольется благодать Божья, и не будет более причины скорбеть, и сниму покрывало с лица.

Амнон сказал, что отправляется в Ашур с Дорамом, цидонским торговцем. На прощание обнял и рацеловал мать и сестру, и немало слез упало на мужское плечо. А потом все вернулись в город, Сын одной дорогой, а мать с дочерью – другой. И не знал пока юный Амнон, что дыхание радости коротко, а удачи лик переменчив.

Тейман вновь обнадежен

Случайно или нет, но женщинам встретился по дороге Тейман, просвещенный Пурой. Пнина узнала его, опустила глаза и отступила на шаг назад.

- О, Роза! Ты ли это? – воскликнул в радостном изумлении Тейман.

Пнина молчит в ответ.

- Ты та самая Роза, которую я видел на горе Кармель. Разожгла любовь, а сама исчезла, как ночное видение!

Девушка все молчит и смотрит попеременно то на Теймана, то на мать.

- Верни мне, нежная Роза, покой души. Ты взяла мое сердце в мгновение ока, а любовь пробудила навек. Счастливый случай свел нас вновь. Пойдем скорее, Роза, к моему отцу, и я скажу ему: “Отец, это – Роза, моя судьба! Благослови нас, или мне не жить!”

- Будь любезен, юный вельможа, не зови эту девушку Розой и не смотри на нее, ибо она обручена, - сказала Наама.

- Ты – мать ее? Не ты ли сообщила мне через старуху, что камень выпал из кольца? Кто он, тот счастливец? Отчего жених не нарядил свою суженую в лучшие наряды, достойные ее чудесной красоты? Должно быть, он очень беден. А я – единственный наследник самого Иядидьи. Зови сюда того бедняка, и я дам ему вдоволь золота и серебра, и он обрадуется щедрым отступным, и твоя красавица дочь будет моей!

- Неразумны речи твои. Творящий несправедливость несчастнее страдающего от нее. Мало вам, властным и сильным, того богатства, что дал вам Бог? Еще и женщин красивых хотите заполучить за золото ваше? А бедным что остается? Будет с вас! – ответила Тейману Наама.

- Обрати же, наконец, ко мне лицо свое, Роза! – нетерпеливо воскликнул Тейман.

- Довольно повторять бессмыслицу, юноша! Не Розой зовут мою дочь! Иди себе с миром, хоть на гору Кармель что-ли, и там ищи возлюбленную Розу. А лучше всего, ступай домой, усни покрепче, пробудись на свежую голову, и забудешь докучный сон.

- Если и впрямь ошибся, значит другую любил. Год целый не о той Розе мечтал!

- Немудрено запутаться в Розах, когда глаза лишь красавиц ищут, и занятию этому препятствий никто не чинит. Довольно в Сионе достойных тебя девиц, на других обрати взор, а дочь мою не тревожь!

С отчаянием теряющего надежду вызывает Тейман к Пнине.

- Ты отрекаешься от меня, Роза? Неужели вместе с прелестью и красотой Господь вселяет в душу коварство и ложь? Не верю, что великий Бог создает лучшие творения для обмана, не для любви! Взгляни еще раз: неужели видишь меня впервые? И кольцо не брала из моих рук? И почему выпал камень из оправы? Покажи своего суженого. Чтоб вполне упиться несчастьем, нужно видеть чужое счастье.

- По слову матери поступлю, - ответила Пнина, роняя слезу.

- Упорство заставляет верить. Коль велика твоя любовь, три дня терпеливо жди ответа дочери. И заклинаю тебя всем, чем дорожишь: никому ни слова!

- Клянусь молчать!

- А я клянусь дать ответ к сроку! Теперь же ступай себе с миром, - прозвучал ободренный девичий голос.

В волнении отправился Тейман восвояси и думает по пути: “Неужели Амнон видел девицу и влюбился? Если видел, то точно – влюбился! Какой мужчина устоит против такой красоты!? Одно спасение есть: подать Амнону надежду заполучить в жены Тamar, а сердца отца и матери отвратить от Азрикама. Выйдет так – и уж не взять другу иной жены, кроме Тamar. Подожду три дня. Сердце чует, не безразличен я девице, и она не отретется от меня. Терпение, и дело прояснится”.

Рушится мир

Амнон думал о своем, сидя в верхней комнате. Задача, что мнилась поначалу простой - вернуть Хананеля в Сион – по зрелом размышлении таковой не казалась. “Если потребуется выкуп за старика, чем платить стану? Уведомлю Тamar о походе в Ашур, вместе подумаем”. Наутро Амнон пошел к Тamar и сказал, что нужно сегодня же вечером встретиться на Масличной горе, чтоб без помех обсудить дело важное и секретное.

В назначенном месте и в назначенный час Амнон поджидает Тamar. День кончается. Заходит солнце, появляется луна. Острием камня Амнон вырезал на стволе масличного дерева имена - Тamar и свое.

Появилась та, которую ждал.

- Твое имя начертано в моем сердце судьбой, - торжественно сказала Тamar, увидав надпись.

- Имена на масличном этом дереве – будто флаг, укрепленный на древке. Два имени, словно одно. Долгие годы любовь, как дерево это, будет цвести и плодоносить, и счастье нам - до седой старости, - в тон ей произнес Амнон. – А сейчас, голубка моя чистая, узнаешь новость необычайную. Истинны мои слова, и ворота надежды приоткрываются. Лишь не выпрашивай, откуда узнал.

- Правда – всегда правда, в любых устах.

- И вот она, эта правда: Хананель жив! И вместе с Дорамом, сидонским торговцем, я отправляюсь в Ашур, чтобы вернуть в Сион деда.

И радость и страх охватили Тamar.

- Сердце трепещет, Амнон!

- Все кончится хорошо, я приведу с собой и Хананеля, и сон его вещий. А ты помоги мне. Попроси у отца денег на выкуп старика. Скажи, будто я согласился взять дар за твое спасение и приму его из твоих рук. Терпеливо жди меня, голубка. Заходящее солнце – мой свидетель: вернусь и свершится мечта!

- А я светлую луну зову в свидетели клятвы верности моей. Кольцо это пуще глаза береги, милый Амнон. В нем счастье и жизнь наши! Завтра пойду к отцу, а сегодня трепет и страх выдадут меня. Уйму сердце за ночь. Всякий день без тебя мне годом покажется.

Так стояли влюбленные друг против друга и держались за руки. На их беду шел по соседней тропинке Иядидья. Они его не заметили, а он увидел их, насторожился и прислушался.

- Что за картина предо мной? Мужчина держит за руки не принадлежащую ему женщину! – воскликнул Иядидья.

Амнон и Тamar онемели от неожиданности. Иядидья узрел кольцо дочери - подарок Хананеля - на руке Амнона, изумился чрезвычайно и, ни слова не говоря, снял его. А молодые по-прежнему молчат, и стыд и ужас в глазах.

- Обоим позор! Но что говорить о девице? Увлелась она, создание нежное, неразумное. К тебе обращаюсь, Амнон! Это ли твой ответ на доверие? Это ли праведность твоя перед

Богом? Отверг мой дар за спасение Тamar. К чему тебе золото? Тебе душа нужна! Довольно, юноша! Моя дочь не для тебя. Она другому предназначена, а ты ищи себе ровню. А сейчас ступай к себе и навеки забудь Тamar! – с гневным пафосом изрек Иядидья.

Крепко взяв за руку дочь, отец молча отвел ее в дом.

- Знакомься: пред тобой дочь наша непутная. Прими под материнскую опеку, пока не поздно, дабы не выпал птенец из гнезда, - обратился Иядидья к Тирце и рассказал все, что видел и слышал.

Амнон, оглушенный горем, вернулся домой. Погублена жизнь, и рушится мир. Смертельно жалит мысль о безысходности.

А Зимри подглядел, как горько плачет Тamar, и как взбудораженный Тейман ходит сам не свой. От Махи узнал причину слез девичьих, а Пура донес, как Амнон безутешно стенает. И пошел Зимри к Азрикаму и сказал, что рыбы сбились в стаю и устремились в сеть.

Глава 14

Письмо

Минули три дня тревог и надежд. Тейман пришел в назначенное Пниной место. Нетерпеливо и бесконечно долго ждал он возлюбленную. Не дождался. Наконец появился мальчик-посыльный.

- Кто ты, господин мой?

- Зачем спрашиваешь?

- Мне нужен сын вельможи, которому назначено здесь ждать в это время. Скажи кто ты, господин.

- Я - сын Иядидьи.

- Некая девица дала мне это запечатанное письмо и просила вручить его сыну Иядидьи.

Тейман открыл письмо и стал читать.

“Глаза не обманули тебя, ошиблись уста. Я та, что видел ты на горе Кармель, но зовут меня не Роза. Прости, я дважды виновата: настоящее имя не назвала и отреклась от тебя. Вот и сейчас я ни имени своего, ни судьбы своей не открою, но мысли сердца не утаю.

Девушка, которую ты звал Розой, жила прежде тихо и безмятежно и, кроме любви к матери, иной любви не ведала. Узнала тебя, и душа лишилась покоя. Слова твои любовные ворвались в невинное сердце, и вот, несчастно оно. Несказанно велики красота и добродетели твои. Но нельзя смотреть на солнце и не ослепнуть.

Прошу, не осушай свежей росы на лепестках цветка. Не срывай розу, терновником окруженную, руки пощади. А сорвешь – цветок умрет, и себя же осудишь. Посему говорю: “Отступишь!” Так уста твердят, а душа очарована, рвется к тебе и страшится. Как сладкое видение, как улетевший сон забудешь меня. Я же сберегу в памяти чудный лик сошедшего с неба ангела. Жизнь моя навек переменилась. Познав прежде неведомое, сердце обновляется. Пусть сгорит оно дотла на жертвенном огне, а ты прольешь слезу. Вот участь твоей безымянной Розы и любви ее.

О, друг милый! Если дорог тебе сладкий сон обо мне, будь милосерден и храни нашу тайну. Розу забудь, а любовь свою отдай той, что счастливее ее. Разлюби меня поскорей и тяжелый жернов снимешь с моей души.”

Тейман прочитал письмо. Горе или радость?

“Я Розой любим, чего же более? Но все вокруг нее – злая черная тайна. Невидимая дьявольская сила заставляет любимую бежать от меня. О, Роза, ты любишь и разбиваешь мне сердце! Пишешь, что несчастна, но разве счастлив я?” – взволнованно думает Тейман.

- Награды за труд не видать мне, как своих ушей, - со вздохом заметил посыльный, видя, что вовсе не радостью, а смятением охвачен сын Иядидьи.

- Покажи мне место, где получил от девицы письмо, и я не поскуплюсь.

- Ни места, ни лица ее не запомнил – так ликовал, предвкушая щедрую награду от сына богача.

- Иди за мной, дома расплачусь с тобой.

“Встану завтра пораньше, пойду к Амнону, к Ситри. Расспрошу обоих, быть может прояснится дело”, - решил Тейман.

Мужской разговор

Амнон, несчастный, сидит себе в верхней комнате, и в душе тоска безысходная.

“Вместо славы – позор, взамен любви – страдание, да еще и Азиракам мне войну объявит”, - думает обездоленный, - “Любимую потерять – как вынести такое? И где скрыться от позора? Бежать, куда глаза глядят, и в вечных скитаниях искать спасения!”

Горькие мысли, и горькие слезы. Спустилась ночь на Иерусалим, стих шум городской. Безмолвие кругом, лишь раненое сердце не может молчать, от боли кричит, зовет любимую Тамар.

Раздался стук в дверь. На пороге стоит Иядидья. В руках его кошелек с деньгами. Амнон вскочил в испуге.

- Отошли слугу, - коротко распорядился Иядидья.

Пура умчался к Зимри, даже подслушивать не стал: боится важного вельможи.

Иядидья уставился на Амнона, смотрит пристально.

- Я вижу следы слез. Каешься? Я приютил и обогрел тебя, и ты жил бы у меня, как за каменной стеной. Ты изменил мне. Но верность через силу не лучше измены. Не для долгих поучений я пришел – предоставлю это пророкам. Задам вопрос, и за былую искреннюю доброту мою искренним ответом отплати. Итак, верно ли, что вы с Тамар поклялись навек единственными друг для друга быть?

- Верно, мой господин. В годовщину спасения Тамар мы обменялись клятвами, и в знак нерушимости их твоя дочь дала мне кольцо, что ты давеча снял с моей руки.

- Мне по душе прямота. Теперь позволь узнать, что станешь делать, ежели отец возлюбленной твоей не даст соединиться вам, двум голубкам?

- Вечное одиночество станет моим уделом, но клятву не преступлю!

- Хоть судьба к тебе враждебна, но ответ даешь достойный. Не достойно, что об отце Тамар ты не подумал.

- И хищный зверь, карауля в засаде твою дочь, об отце ее не думал...

- Ты спас душу, а взамен хочешь и душу и честь. Но ее честь – моя честь! А мою честь девчонка никому не вправе отдать! Вы, молодые, думали лишь о себе!

Теперь хорошенько слушай меня. Коли не хочешь иметь во мне врага, возьми сей кошелек с деньгами. Это – твоя награда. И это кольцо возьми на память о клятве твоей, о вине твоей и о том, что я прямоту твою оценил. Хананеля нет в живых, и потому нет проку в кольце, кроме памяти, как нет проку в любви твоей к Тамар. А сейчас, не дожидаясь рассвета, ступай себе подальше от наших мест и забудь мою дочь навсегда! Запомни: я остерег тебя, Амнон!

В гневе Иядидья вышел, оставив дары.

А Амнон взял кошелек с деньгами и кольцо, прихватил львиную шкуру, сел на коня и поскакал к Дораму.

Пура вернулся в верхнюю комнату. Видит, что хозяин исчез, и утром вновь поспешил к Зимри доложить о переменах.

- Я уж слышал от Иядидьи, что Амнон уйдет и не вернется, - сказал Зимри.

- А плата за труды? – воскликнул Пура.

- Обожди, Пура, авось найду тебе новое применение, тогда и расплачусь.

Азрикам донесли, что Амнон покинул Сион, и в руках его - деньги и кольцо, дары Иядидьи, который уверен, что Хананель мертв, и что поэтому кольцо его не принесет Амнону пользы. Азрикам отправился за советом к Зимри.

- Что предпринять, покуда пастух не вернул старика в Сион? – спросил Азрикам.

- Поторопи Иядидью отдать за тебя дочь, а я с помощью Махи попробую охладить горячее сердце Тamar. Маха – союзница наша, она влюблена в Амнона и только и ждет, что госпожа ее отвергнет пастуха.

- Отличный план, - заключил разговор Азрикам.

Не теряя понапрасну времени, он отыскал Иядидью.

- Доколе Тamar будет избегать меня и противиться твоему клятвенному союзу с Иорамом, моим отцом? – спросил Азрикам.

- Никому не дано порушить наш с Иорамом уговор, и это так же верно, как то, что Тamar – моя дочь, а ты – Иорама сын! А сейчас ступай к девице и открой ей свою душу и ничего не бойся. Увидишь и услышишь другую Тamar.

- Неужто сердце девы обратит ненависть в любовь?

- Для дочери воля отца – закон! – решительно провозгласил Иядидья.

Последний шанс

Азрикам вошел в комнату к Тamar. Та пребывала в великой печали, и мысли в голове – одна тяжелей другой. Заметив Азрикама, она отвернулась и уставилась в окно.

- Маха, покинь нас, я буду говорить с Тamar, - бросил Азрикам.

- Маха, останься, душа тайн не желает, - сказала Тamar.

- Нынче говорят, что тайное становится явным, а очевидное – сомнительным, - глубокомысленно заметил Азрикам.

- О, Азрикам! День сегодняшний не чета прочим дням, коли ты заговорил языком мудрецов!

- Добавило мне мудрости твое сердце, что кривой тропой тебя ведет.

- Ошибаешься! Сердце мое на верном пути и летит прямо и быстро, и ни глупость, и ни алчность, и никакая темная страсть - ничто его не настигнет, как не догонит конь тонконогую лань.

- А тонконогой лани не угнаться за безумной девицей, что на беду отца и матери мчится вслед жалкой пустышке, обгоняющей ветер.

- Да, Маха, нынче пышно говорит Азрикам, без мала проповедник у ворот. Такие речи никого не осрамят! Вот только пророк громогласен и для сотен вещает, а наш Азрикам для одной пары ушей старается, да и то секретничать норовит. Но та, на которую метит, секретов не желает ни с кем!

- Ложь! Есть счастливцев, к шепоту которого склоняется нежное ушко! Да я этих премудрых краснобаев хоть тысячу куплю и приведу, и ни один из них твоему не уступит!

- Не сомневаюсь, приведешь и тысячу, коли ты - будущий воевода, и тысячами командовать станешь. А если все на свете купить можешь, купи себе разум и сердце. Без этого дурное от хорошего не отличить, и уста велеречивые во вред. Знание слов не означает

понимания вещей, и далек путь от искусства говорить до умения думать. Доколе богатством и знатностью хвалиться будешь? Они во тьме наощупь своего обладателя ищут и, порой, находят не того. Кабы путь их был освещен, иначе выглядел бы Сион. Кто-то рубище сменил бы на бархат и шелк, другим бы пришлось алмазы и рубины с шеи снять. Говорят, пристало глупому богатство, как снег в летнюю пору, а невежде честь, как дождь в жатву. Из земли берутся золото и серебро, и кому кроме них нечем гордиться, тот сам словно земли ком. А я судьбу свою в землю не зарюю!

Иссякло терпение Азрикама, гнев распирает грудь.

- Мочи нет твои мудрые речи слушать! Устами наставника своего говоришь – высокое унижить, низкое возвысить. Ему такое в радость, и тебе любо. Погоди, и на тебя узда найдется, и пропадет охота умом великим щеголять!

Тамар обратилась к Махе.

- Будь добра, укажи воеводе на дверь. Чем дольше вижу его, тем больше браниться хочется.

Вышел Азрикам из комнаты, зубами скрежещет. И Тамар сердита.

Азрикам вновь бросился к Иядидье.

- Сказал ты, что увижу и услышу другую Тамар! Другая ли? Глаза колючие, и язык, как бритва. Дерзостью по горло сыт. Вот плоды доброты! Жди зла от принявшего благодеяние. Пастух, которого приютил, дочь твою с пути сбил. Обуздай-ка теперь бунтовщицу!

- Торопиться, Азрикам. Уйми сердце. Погоди немного, дай время вникнуть в дело, и сам я с дочерью поговорю. Увидишь, Тамар или помирится, или примирится с тобой. Лишь исполнится девице восемнадцать лет, и станет твоею.

Хозяин в доме

Обед. Иядидья восседает во главе стола. Справа – Тирца, слева – Тейман и Тамар. Юноша погружен в свои мысли, и нет его. Девушка безмерно печальна. Родитель молча смотрит на отпрысков, и неодобрение его перерастает в гнев.

- Отчего так невеселы, любезные? Или не по вкусу хлеб, моими трудами добытый? Не желаю более смурых лиц за столом! – взорвался хозяин.

- Надеюсь, милый, укор твой не ко мне, и я по-прежнему тебе дорога? – осторожно спросила Тирца.

- Дорога! Сватаясь, изрядный выкуп за тебя заплатил. Сейчас иные времена. К чему деньги? Голову девице вскружил – и получай свое!

- А в древности как было? Что дал за Хаву Адам? Ребро свое, и только! Когда девицы сами станут себе мужей выбирать, тогда и вправду новые времена придут!

- Да уж они здесь, и в доме нашем поселились, и дочь жестоковыйную пленили. Не мы ей, она нам науку преподаст!

Бедняжка Тамар слушает отца, и слезы бегут ручьем.

- Не льстись надеждой, Тирца. Вода в глазах ее не раскаяния слезы - о возлюбленном пастухе горюет. А благородного вельможу, которого унизила и обидела, и не вспоминает. Быстро-быстро, как утренняя роса, высохнет эта влага!

Довольно тяжких вздохов, дочь! Тот, кто в сердце твоём, ушел навсегда. Не о нём, о душе своей заблудшей плачь! Азрикам твоя судьба, и выбора нет. Иди к себе и семь дней на глаза мне не попадайся. Одумайся! Глупости и черствости устыдись! Отца обманула и бедному доброму юноше пустые надежды дала. И не диво: для кого честь – пустяк, для того все прочее ничтожно!

Рыдая, вышла Тамар. За ней прошмыгнул Тейман.

- О, Иядидья! Зачем бедняжку нашу терзаешь? Ведь одна у нас дочь! – вскричала Тирца, - ужели в родных душах столько гнева? Он обжигает!

- Ты виновата! Ты попустила! Девица предпочла безродного пастуха благородному юноше. У меня священный союз с его отцом. Согласен, ее возлюбленный честен, умен, красив...

- Необычайными достоинствами надо обладать, чтоб заслужить обличителя похвалу, - перебила мужа Тирца.

- Пусть так, но какое имя он даст нашей Тамар? Он воевода? Или придворный? Или иная знатная особа? Помоги мне, жена. Добавь слово к месту и ко времени. Ведь дочери нашей пришла пора любви!

- Знатность, богатство, священный союз! А сердце Тамар? Отец, отдавая меня в жены тебе, кроме сердца моего ничего и знать не хотел. И я любила, милый, и корней не искала, и стала твоей. Не ведомы нам судьбы изломы. Кто думал, что на сухой сионской земле розы расцветут, а благодатный Шарон чертополох и терн породит?

- Гретишь, что неотразимый Амнон явился к нам из сновидений Хананеля и станет женихом Тамар? И я бы этого желал. Был бы жив отец твой, все достояние свое отдал бы пастуху на выкуп старика, дабы подтвердил, что Амнона видел в вешнем сне, и свершилась бы мечта. Увы, сон остался сном. А посему внуши дочери, чтоб забыла пустое и для Азрикама открыла бы дверь в свое сердце.

- Ты муж мне, я должна подчиняться.

Тем временем беседуют Тамар и Маха.

- Выслушай госпожа бескорыстные слова верной служанки. Прежде остерегала тебя и сейчас все о том же: Амнону суждено скитаться безнадежно, и, любя его, лишь навлечешь на себя несчастье и на родителей позор. И чем Азрикам тебе не по душе? Его честь и богатство – все станет твоим. А пастух что даст тебе? Лишь чистое сердце даст! О, госпожа, мне нестерпимо видеть тебя в беде, униженной разгневанным отцом!

- Притворством ненависти не скроешь и любви не изобразишь. Без сожаления покину отчий дом, если воля отца такова. Последую за Амноном и век с ним буду. Шалаш пастуха милее богатых стен – лишь бы с любимым не разлучаться. Ах, Амнон! Пустыня расцветает под твоей ногой, голос и песни твои волшебны! К чему богатство и почет с их суетой? Не хочу быть ни царской дочерью, ни первой в мире красавицей, и чистейшего золота не алчу – мне Амнона любви довольно! Говоришь, “Лишь чистое сердце даст”. Что значит “лишь”? Он даст мне сердце – и я живу!

- Не хуже тебя я разглядела красоту Амнона. А вот привык глаз, и вижу: Амнон – как все. И ты к Азрикаму привыкнешь и Амнона не вспомнишь. Позволь дать совет: забудь пастуха и сон несбыточный забудь!

Тут входит Тирца, печаль и тревога на лице.

- Дочь моя любимая, что ответишь отцу? Он неумолим.

- Я в его власти. Он делает то, что считает добром. В путях продаст меня невежде никчемному. Нема буду, как рыба. Телом можно завладеть, но на свободу вырвется душа, и золотая узда не удержит ее. Устремится она к любимому Амнону. Вместе с милым умру!

- Сохрани Господь! Ты единственная у меня, Тамар! Я так страдаю! – воскликнула Тирца и разрыдалась.

Миновали семь дней позора, которые отец назначил непутевой дочери, чтоб поразмыслила и образумилась. Тамар молчит, Иядидья сам заговорил.

- Приготовься, дочь. Через десять лун тебе исполнится восемнадцать, и отдам тебя Азрикаму, и станешь ему женой, хочешь того или нет.

Девушка ни слова в ответ, лишь соленые борозды на щеках.

Удивительная новость

Раз пришел брат к сестре и первым делом удалил из комнаты Маху.

- Сестра, у меня новость необычайная для тебя. Клянусь, истинны мои слова.

- Верю и без клятв. Говори, Тейман.

- Известно тебе, что другом и братом был мне Амнон, а Азрикама я ненавижу. Вы с Амноном поклялись друг другу в вечной любви. Но отец перевернул мир, и Амнон ушел неведомо куда, и нет вестей. Случай помог. Некий человек из Гиват-Беньямин, пришедший в Иерусалим молиться в Храме Господа, поведал мне в праздник Пэсах: “Я видел девицу необычайной красоты. Отец ее умер, а мать-филистимлянка жива. Я влюбился в девушку и пришел в дом, где она с матерью живет – это хижина, что у городских ворот Долины. Я просил ее стать мне женой, и она согласилась. Я сказал ей, что разделю с братом наследство отца и через месяц вернусь с выкупом и заберу ее. Уехав, оставил слугу в доме неподалеку, дабы тайно наблюдал, правильны ли пути обитательниц жилища, что у городских ворот. Позорнее быть обманутым, нежели не доверять. Вернулся через месяц, а хижина пуста. Слуга рассказал, что в одну из ночей до самого рассвета гостил в той женской обители прекрасноглазый юноша. Слуга выследил, как тот дошел до дома твоего отца и скрылся в нем, видно живет там”. Вот рассказ человека из Гиват-Беньямин. А Пура подтвердил, что в одну из ночей Амнон исчезал до утра. Поверь, сестра, весьма удивил Амнон. Изменивший однажды, обманет вновь. Если переменит отец решение и отдаст тебя Амнону, то не исключай из возможного, что станешь второй женой. И не иди за него, пока не даст разводную грамоту той красавице.

Несказанно изумилась Тамар, и сердце застучало в тревоге.

- Не будь глупцом, брат, и не верь досужим толкам. Хоть десять тысяч человек возьми – не найдешь среди них честнее Амнона! Нет веселья в сердце, не то посмеялась бы над тобой, - возразила Тамар, но рассказ брата запомнила.

Иядидья, видя, как по-прежнему дочь презирает Азрикама, отступился от нее и сказал Тирце: “Подождем и посмотрим, кому Бог предназначил Тамар”. А Тирца с облегчением подумала: “Здравомыслие, пусть не свое, а по указке обстоятельств, спасает от беды.”

Глава 15

Долгожданная весть

Время идет своим чередом. Месяц, другой, третий – нет известий от Амнона. Каждое утро встает Тамар с восходом солнца, и на сердце тоска. Ходит себе праздно по саду, ждет, горюет и снова ждет, ибо что в ее силах? Мучительно ползут часы, а время быстро летит.

Как-то подошел к ней некий человек и сказал, что он прибыл из Цидона ливанского и разыскивает дочь царского вельможи Иядидьи, чтобы вручить ей послание. В руках у незнакомца письменный свиток.

- Я дочь Иядидьи.

- Тебе письмо от юноши по имени Амнон. Заплати мне за труды, и получишь, что ждешь.

- С заходом солнца принесу тебе плату, давай скорей письмо.

- Верю, богачка и благородного дочь не обманет, - сказал цидонец и вложил свиток в руку Тамар.

Сердце девушки забилося сильнее, трепетными руками она сломала печать, и глаза впились в долгожданные строки. И вот послание Амнона.

“Я пребываю в стране Нимрода, среди грозных и могучих людей, в городе Нинвэ, что в Ашуре.

О, далекая моя Тамар! Я полюбил тебя в Бейт-Лехеме, мечтал о тебе в Иерусалиме, и здесь, на краю земли, я живу любовью. Твой чудный лик – вот моя звезда, что глядит мне в сердце, ведет и хранит меня. К тебе рвется мой дух. По зову твоему простой деревенский пастух очутился в священном Сионе, в величественных палатах, среди ценящих и любящих его. Я жадно пил твою красу и прелесть. Нет границ твоей щедрости – ты обещала любить и дала надежду на вечный рай. Мы призвали в свидетели нашей клятвы дневное и ночное светила. Они льют в душу свет, и в лучах его все сильнее горит нетерпение, ибо слишком долго длится разлука.

Я вкусил гнев отца твоего. Случилось то, чего страшился, и надежда пошатнулась. Но не угасла. Истинно благороден тот, кто боится сделать дурное. Таков Иядидья – он вернул кольцо и наградил деньгами, и это, с Божьей помощью, приведет нас к вожделенному. Найду Хананеля, выкуплю, верну в Сион. Отец и мать твои воочию узрят, что видение старика есть явь, а не сон, и что на великие дела Аммон горазд, и обручат нас с тобой навек.

Как сказал уже, мое пристанище в городе Нинвэ, в сердце Ашура, стране, обильной злаками и вином, и небеса здесь щедрее на влагу, чем в Сионе. Немало чудес рассказывают у нас об этой стране, и многое правда. Бог создал горы, а люди возвели города. В дни далекой древности Ашур, царь Ашура, заложил город. И был у царя сын Нин, и дабы увековечить память о нем, царь нарек городу имя Нинвэ.

Нинвэ раскинулся по обоим берегам реки Хидекель. Велик город, за три дня не обойти неприступных крепостных стен. От русла реки проложены каналы-рукава, и по ним вода течет в городские пруды. С высоты смотреть – огромным озером блещет Нинвэ. Древний и великий город. Да разве променяю его на родной Сион? Свет милости Господа не греет поток могучей реки, и холодом веет от рукотворных прудов. Беззвучно скользят по воде ладьи и рыбацьи лодки, безрадостны лица гребцов. Мрачны одетые тучами черные горы Ашура. Зато как сверкают гора Мория, и гора Сион, и Масличная гора! Славный Сион – вечная обитель Господа. Хмурый Ашур – дикого зверя логово. Красавцу тигру подобна эта страна – прекрасна и страшна вместе. Чудны полосы на яркой шкуре, но злобен рык, исторгаемый из зубастой пасти.

Из Нинвэ вышел грозный царь Санхерив. Он провел свое войско сквозь лесную чащу на берегах Иордана. Сметал города на своем пути, убивал все живое, обратил землю в ад, сокрушил сынов Сефарваима. Да разве насытишь лютого зверя? Желает покоритель водрузить свое знамя на святой нашей горе. Жаждет в Храме Господа поставить трон. Алчет видеть у своих ног всех восточных и заморских царей. Ужас сеет повсюду войско Санхерива. Храбрейшим героям леденят сердца орды всадников – они закованы в кольчуги, их мечи остры и верны, а щиты несокрушимы. Как река Хидекель, неудержимым потоком несутся кони. Под копытами их содрагается и стонет земля. Словно колосья за серпом жнеца, замертво падают на землю богатыри под ударами ашурских мечей. Заглушая гром небесный, над грудями мертвых тел разносятся победные клики всадников Санхерива. И пленникам несть числа. Неужто сеющие страх не боятся мести устрашаемых?

Солнце клонится к земле, и месяц восходит. Я стою на высоком месте, смотрю, как лунный свет заливает Хидекель, и вспоминаю нашу клятву на Масличной горе. И в тот вечер солнце и луна стояли в небе. Лучи пробивались сквозь ветви деревьев, и легкие тени плясали на лице твоём. Ты помнишь, Тамар, как звала месяц в свидетели клятвы? Он свидетель, но не помощник. С того дня трижды обновилось светило, но суета дней не обратилась в покой, и не сменились счастьем муки наших сердец. Добрая ночь рождает надежду, злоба дня убивает ее. Ах, Тамар, покойна ли душа твоя? Если да, то и мой дух неколебим, и вера крепка.

Темнеет. Расстелю на земле львиную шкуру, завернусь в нее, стану глядеть на звезды. Славно им, безмятежным огням ночным, плыть по тверди небесной! Отчего мы не с ними,

бессмертными странниками? Порой чудится мне, будто снова я в Сионе. Сажу себе в верхней комнате, и на сердце радостно. Спускаюсь в сад, ты мне навстречу, тоже весела. Другой раз в смятении мой дух, и ты грустишь. Видно, души наши слились в одну. Ты – часть меня, я – часть тебя. Что любишь ты – то дорого мне, что ненавижу я – то отвращает тебя.

Бранит ли тебя отец? Досаждают ли Азрикам? Грустишь ли обо мне? Я буду Господу молиться, пусть отдаст мне твои беды, чтоб не омрачали светлого чела. Твои горести с радостью снесу, не сетуя и не ропща.

Слышу, шум нарастает вдали. Крики страдания разрывают ночное безмолвие. То узники, тиранами в темницы заточенные, вопиют о мучениях своих. Да кто им внемлет! Здесь, в Нинвэ, Бог смешал языки людей. Глотки вопят, рев в ушах, а сердца глухи. Хуже ненависти такая глухота. Одни волком воют: “Ограблены!” Другие ликут, кричат во все горло: “Славно поживились!” Тут стенают: “Душегубы проклятые!” Там в ответ несется: “Ура, наша взяла!” Одни горюют, кровавые слезы утирают, другие радуются, елей на голову мажут. В Сионе нет ни лютости этой, ни кривды, ни низости. Страшно за Иерусалим – Боже, сохрани нас от нашествия этих диких. Но знаю, нет мира добра со злом. Гоню из сердца страх, молюсь Господу, чтоб не допустил до беды. А уж ежели полетит к нам саранча, треща крыльями, пусть погибнет среди комьев земли и смолкнет навек.

Ночь напролет тревога гнетет, но не бесконечна ночь. На границе света и тьмы исчезают рожденные мраком страхи. Рассвет над холмами Нинвэ. Пение птиц провожает утренние звезды и веселит сердце. Зарделся восток. Чуден великий Хидекель, несущий воды из самого Эдема.

Взошло дневное светило, пустилось в путь по небесам и изгнало остатки тьмы. И мир ликует и празднует торжество света. В полдень утомилось солнце, замерло в вышине и медленно-медленно покатило вниз. И меркнет краса его, и мрачнеет мир. А не таков ли путь человека на земле? Сладость детства, мечты юности. Ни тьмы ни тревог в счастливую пору. К полудню жизни ведет нас надежда. Но все, чем обладал человек, уносит время. И убывает с годами радость в сердцах, и множатся печали, и мрак неминуем в конце пути.

Горечь и сладость в сердце смешались. Помнишь ли, Тамар, как сказала мне: “Цени надежду жизнью”? Покуда не сбылась мечта, человека утешает надежда – отрада зыбкая, как радуга в облаках после дождя. Только обрадуешься чуду, а уж растворилась в небе разноцветная подкова. Неверен, переменчив дух надежды. Тихо и солнечно – и гордо сияет стройная башня, рванет ветер, надвинутся тучи – и вот уж покосились окна, сползает крыша, и рухнуть грозятся каменные стены.

Как краток был миг восторга в день нашей клятвы! Потом – страх и разлука. Грядущее темно, судьбы боимся, да и собственный наш дух не вполне нам подвластен. Но верим, уйдет страх, и кончится разлука – вот она, надежда.

Перед глазами чужой Нинвэ, а сердце рвется в родной Иерусалим. В Сионе счастье мое, но и тревога там же. Меж Нинвэ и Сионом громоздятся горы, и шумят реки. Даль разобьет города, но не сердца. Не забыла ли ты маслинное дерево с нашими именами на стволе? Прочь уныние! Пусть Хидекель и Прат между нами сейчас, настанет день, и будем вместе, и всегда люби, что люблю мне, и я в том же присягаю!

Вот, прилетела птица-вестник, принесла на крыльях радость, будто слышала речения уст твоих: “Для тебя создана”. Кричу ей: “Милая птица, повтори, да погромче!” Ах, что я творю? “Молчи, глупая птица! Тихо сиди в расщелине скалы, не спугни счастье!” – вновь кричу.

Дух мой то воспаряет, то низвергается. Думы то легки, как крылья бабочки, то колючи, как иглы ежа. Боязнь и надежда теснятся в душе: боязнь всегда полна надежды, а надежда не живет без боязни.

Жди меня, любимая! Вновь и вновь шли мне птицу-вестника, а с ней слова “Цени надежду жизнью”. Твой голос достанет меня в дальних краях, ибо путь наш с Дорамом лежит в города Мадайские. Там и встречу того, кто решит судьбу. Минует день, и наступит

день. Уйдут из памяти громада и грохот Ашура, вернусь в милый тихий Сион. Не во сне, но наяву зреть буду нежный лик любимой. Жди, надейся, и свершится!”

Кончились чудные строки письма. “Нет на свете мужчины, что красивее Амнона говорит о любви. Душа его – пламень, а уста источают мед”, – воскликнула Тамар, - “Мое сердце горячо, как его, но дара слова красного нет. Не беда. Амнона уст на двоих довольно!”

Так говорила Тамар и вспомнила Теймана страшный рассказ, и кольнуло в груди. “Все – ложь, нет Амнона честней” – отвечает сердцу язык. И во второй, и в третий раз Тамар перечитывает письмо. “Вот непонятные слова: “Всегда люби, что люблю мне”. Что разумел Амнон?” – думает Тамар – “Неужто его сердце вместит еще одну? Горе мне, горе сопернице! Как смерть, сильна моя любовь, и люта ревность, как ад. Ничто на свете не удержит ярость мою! Сопернице не будет уголка ни в Амнона душе, ни в целом мире! Ах, глупа я! Зачем несчастья измышлять?”

Так думает Тамар, так думают все: ведь легче жить в предположении, что страшные несчастья не наступят никогда.

Тут появляется Маха. Видит, Тамар взволнована.

- Не случилось ли что, госпожа?

- Посоветуй, Маха, как узнать, верен ли мужчина своей любви?

- Знакомится с другой, часами говорит с ней – это ли не признаки измены?

- Хорош ответ. Есть у меня к тебе секретное дело. Но пока побережем слова.

- Как прикажешь, госпожа.

Так, оказывая доверие коварному, вручаем ему ключи от сундука со злом.

Глава 16

“И Господь Бог Цваот призвал нас
в тот день плакать и сетовать,
и вырвать волосы, и препоясаться вретищем...
А вот, веселье и радость!”

Исайя, 22, 12-13.

Толки и кривотолки

Все чаще доносятся до Иерусалима слухи о военных победах Санхерива, царя Ашурского. И вести эти ужасов полны. Тамар с утра до ночи молится Богу, просит Всевышнего вернуть ей Амнона с миром и верным сердцем. Здравомыслию вопреки нейдет из головы Тамар рассказ Теймана об Амноне. Чтоб полегчало на душе, поделилась секретом с верной Махой, и вдобавок прочитала ей письмо. А еще велела вызнаться у Пуры, что тому известно об этом деле.

“Вот она, удача! Ах, разжечь бы ревность Тамар”, - подумала Маха. - “Госпожа прогонит Амнона прочь, и уберется бедняжка восвосяи к овцам и баранам, и будет мой!” Маха пошла за советом к Зимри. Тот придумал хитрость и подучил Маху, а еще передал Азрикаму с посыльным, чтобы ждал его завтра утром.

Днем и ночью Иерусалим гудит, как растревоженный улей. Не спится людям, не сидится на месте. Собираются у городских ворот. Слушают и говорят. Правда и ложь. Толки и кривотолки. Санхерив и Ашур на слуху. Царские министры и советники успокаивают народ: мол, укрепим город, спасемся за стенами. На рынках бездельникам и болтунам привольно. Хорош барыш у торговцев вином и пьянящим шейхаром. На площади люди заслушались краснобая-миролюба. Тот говорит: “Подскажем царю, чтоб отправил послов в Египет, пусть попросят у фараона убежище для всего народа сионского. Фараон не откажет Хизкияу, ведь мир у нас”. Другой многознайка, в сердцах людских искушенный, возражает: “Не будет проку от египтян. Высокомерны они и к чужой беде глухи. С собой лишь озабочены, день-деньской воду из Нила пьют и иного занятия не имеют”. Длинный язык у короткого ума.

А вот заговорил некто, вернувшийся с реки Прат: “Дороги опустели, и путников почти не видно. Народы пригнули головы. Потомки Ашура и Эйлама, древних царей, составили несметное войско под началом могучего, как ливанский кедр, Равшакэя. Все царства от Хидекеля и Прата до предельного моря покорила непобедимая рать. А нынче стан их в земле Каркемиш, где сливаются Прат и Квар. Для Равшакэя потехой будут крепости Каркемиша, а Иудеи – тем паче. Как фиги с деревьев, падут наши города по воле его. Вот-вот перейдет он реки Прат и Иордан”.

Ужас холодит нутро. Стонет, вопиет народ: “Что ждет наш Сион?”

В толпу пробрались Хэфер и Букья. Один кричит со смехом: “Эй, люди, коли злая судьба впереди, пойдемте, возьмем побольше вина да шэйхара хмельного и напьемся допьяна!” Другой вторит ему: “Всякий, кто деньгами богат, пусть щедро угостит бедняка. К чему деньги теперь? Серебро и золото на землю швырять будем, и подобрать некому. Покуда враг не утонул в нашей крови, кровь винных ягод в глотку заливать станем!” Зашумели люди. “Тихо, братцы, свяжем языки, покуда нас не связали. Вон, сын Амоца идет, а с ним министры царские!” – прошипел Букья. Толпа рассеялась, а Хэфер говорит Букье: “А завернем-ка мы к Карми да и станем хмельное пить!”

Обмен новостями

Кто не знает Карми? На виду у всех он благочестен с праведниками, а подальше от глаза людского благоволит беззаконникам. Язык – верный слуга хозяину: ему в угоду то утаит, то явит, то сочинит. “Я без греха, честен я!” – говорит о себе Карми. Нет врагов у того, кто умеет смотреть и не видеть, слушать и не слышать. В уплату за вино взимает мзду и с блудницы и с вора – по свойству занятий их, и недостатка в верных покупателях нет. Дом его – для вероломных приют. Кладовые полны золота, серебра и всевозможного добра. Богат и успешен, и по утрам и вечерам молится Господу, и дурного за ним не знают, и прямою и честностью славен. Вот портрет торговца вином.

Пораньше с утра Зимри и Азрикам пришли к Карми. Хозяин усадил гостей в отдельную комнату, принес вина, и те стали пить.

- Не иначе, как новость для меня припас? – начал беседу Азрикам.

- Верно, припас. Да может ли человек сказать такое, что не сказано прежде? – скромно заметил Зимри. - Однако, твое благо – первейшее мое устремление. Знай же: еще не потеряна Тамар, и есть надежда! Девица получила письменный свиток из Нинвэ от Амнона. Послание любви и тоски. Тамар прочитала письмо Махе, а та доложила мне. Я подучил нашу союзницу, как добавить горечи в сладкий напиток, что в руках у госпожи ее. Пусть разбудит зверя ревности в сердце Тамар, пусть подскажет госпоже подослать ее к Пуру, чтобы вызнать из первых уст с кем и где Амнон всю ночь пребывал. Положись на Пуру – он мой человек. Тамар боится неверности Амнона, и тлеет уголек сомнения, а мы раздуем пламя, - сказал Зимри.

- Наконец-то твоя стрела летит в цель! – воскликнул Азрикам, - а теперь послушай-ка мою новость, и подумай, как она с твоей сообразуется. Не зря подозревает Тамар, что Амнон за другой волочится. Правда это! На днях Ахан увидел меня пребывающим в грусти и печали и утешил такими словами: “Доколе, господин мой, будешь по Тамар сохнуть, а она презирает тебя? Единственная она в Сионе?” А я в ответ ему: “Счастлива она, что для Амнона единственная. Вот, где горе. Могу я примириться?” Ахан возражает мне: “Представь, и для Амнона она не единственная! Пастух нашел другую. Девушка красоты неопишущей, во сто крат красивей Тамар. Одно плохо – она бедна. А на уме у Амнона корысть и хитрый план. Покуда Амнон не вернулся, поторопись, обручись с красавицей. Увидишь ее – без сожаления забудешь Тамар”. И я спросил Ахана, как найти сию девушку, а он сказал, что она с матерью своей находится далеко, на самой границе Иудеи, и вернутся обе через десять дней.

- Ты немало удивил меня. Откуда это взял Ахан? Он женской красоты знаток? Сравнить горазд? В сравнении всегда обман. Впрочем, не важно это. Мне тоже кое-что известно: красавица прежде жила с матерью у городских ворот Долины. А дальше что? Похоже, сатанинская птица Лилит уже снесла яйцо, и вылупится из него ядовитая ехидна, и яду ее достанет на всех безгрешных – ни Амнон, ни Тамар обделены не будут, да и Тейману перепадет. Вот вернется пастух в Сион, и душа его насытится муками вполне. Эх, Азрикам, сегодня ты изрядно охладил мой советнический пыл! Однако, подождем возвращения красавицы и Амнона, - сказал Зимри.

Застолье

Отворилась дверь, и с шумом вошли Хэфер и Букья.

- Приветствую, тебя, Карми! Налей-ка нам по кувшину молодого вина да по кувшину шейхара! – прокричал с порога Хэфер, - гнусно на душе, жуткие слухи кругом, беды великие ждут нас, утопим горе в хмельном!

“Азрикам и Зимри люди достойные, вопли пьяниц не для их ушей” – подумал Карми.

- Тихо, приятели! Не время нынче для шутовства! – одернул Карми вошедших.

- В чем дело, Карми? Уж не гостит ли у тебя некий проповедей чтец? Если так, пусть разъяснит нам, как с вином обходиться, - огрызнулся Хэфер.

- Я разъясню, как с ним обходиться, - вступил в разговор Букья, - мы с Хэфером, как и ты, Карми, люди внутри пустые, а кувшины любим полные. Сосуды эти опорожним, и станут они пустые, а желудки и головы наши блаженством наполнятся. Вот и вся премудрость!

- Довольно пустословия! Сидите тихо и пейте. Оставьте панибратство. Не позволю никому говорить со мной так, будто знает меня! - сердито сказал гордец, торговец вином.

- А все же признайся, Карми, проповедника прячешь. Поищем-ка за стеной! – воскликнул Хэфер.

- Здесь Азрикам и Зимри, - понизив голос, сказал Карми.

- О, это щедрые, благородные люди! Непременно нас угостят! – нарочно заорал Букья.

Азрикам услышал, открыл дверь и поманил рукой веселых друзей. Те вошли и видят, сидят за столом двое и тем же делом заняты.

- О чем задумался, Зимри? В виноградном настое разбежавшиеся мысли ищешь? Или новость необычайную изобрести готовишься? – спросил Хэфер.

- В жидкости этой красной и мыслей и новостей полно. И цены им нет, если удержишь их при себе скрытно, - ответил Зимри, сделав большой глоток.

- стакан вина – безумия стакан. Начинается скрытно, а кончается принародно. Что в голове родится - не удержишь при себе. Хмель язык окрыляет. Пьем и Господа гневим, - с неожиданным достоинством заметил Букья.

- В твоей-то голове, Букья, какие великие тайны сокрыты? – спросил Азрикам, - какие секреты стережешь? Не тебе ли только что кувшин доверху наполнили? Брюхо твое лопнет, словно худой винный мех, и дыра образуется пошире проломов в городских стенах!

- Ошибаешься, мой господин, - обиженно возразил Букья, - я вовсе не таков. Хоть к хмельному я привычен и не обхожусь без онога, а все же я человек надежный. А, впрочем, довольно шуток. Болтовня и безделье свершений не сулят. Лучше прикажи, господин, нашему общему ублажателю Карми принести побольше молодого вина всех сортов, какими Господь благословил погреба его. От печалей седина в голове, а чаша молодит душу.

- Неси вина, Карми! – скомандовал Азрикам.

- Верной мерой отмеряй! – добавил Хэфер.

- Да здравствует наш славный царь Хизкияу! – провозгласил Букья, - Покуда Хизкияу на престоле, вино водой не разбавляют, верной мерой отмеряют, и наши желудки и головы в полном порядке! Слышал я, городские надзиратели нагрянули к некоему виноторговцу и нашли у него фальшивую меру, и вдобавок вино его было на вкус отвратительно. Перебили у него всю посуду, вино отобрали, а самого на тюремный двор свели. Остерегайся, Карми! Не кради у людей, чтоб не пришлось потом черепки из дому выметать!

- Остры твои рассказы, винный шут! О мере рассуждаешь бойко. Сам меру соблюдай! – ответил Карми.

- Поторопись, дружище, не жди Санхерива! – прикрикнул Хэфер.

Карми поставил перед гостями вино, те разлили его по стаканам и стали пить. Букья вдохновился и запел застольную песню.

Покраснели наши лица от питья безмерного,
Мы нашли в кувшине друга лучшего и верного.

Ах, вино, какая сладость!

Гонит прочь печаль,

Нам ее не жаль,

В сердце поселяет радость.

С каждым выпитым глотком убывает страх,

Ждет врага ашурского неизбежный крах.

Пей, приятель, до упаду,

Славь веселый день,

Не сиди, как пень,

Лишь в вине ищи отраду!

- Застольная моя весела и бодра. Довольно мыслей, нет от них толку. Быть может, завтра тела наши червей могильных насыщать станут. Кто жизнь любит, тот о прошедшем не тужит, в грядущее не заглядывает, а сегодняшней день празднует и оттого всегда доволен. “Завтра” – враг “сегодня”, - дополнил шутовскую свою песню Букья.

- Хмельное человеку впрок. От вина красного и речь красна делается, - заметил Хэфер, кивая на друга.

- Ради правды стараюсь. Могу и у ворот проповедывать, - сказал гордый похвалой Букья.

Исайя и Шэвна

- Истинно говорят: тревожные времена настали, - перевел на другое Карми, - не годится слабым быть. Придет день войны, и укроемся в городе. Высокие до неба крепостные стены

смуют ашурцев. В египетские города Цоан и Ханэс отправились наши воеводы – коней и боевые колесницы доставят в Сион. А в доме лесном, что из ливанского кедра построил в давние времена царь Соломон, хранится видимо-невидимо оружия и щитов. Станем воинами, и Бог нам поможет.

Зимри молча слушал. Наконец, вступил в разговор, подкрепившись стаканом вина.

- Вино у тебя, Карми, настоящее, без воды, вся вода в речах твоих. Лишь даманов, зверьков робких и травоядных, великие стены иерусалимской твердыни защитят. Полагаешь, весь народ – герои? Глянь-ка, воины по укрытиям разбежались, щели глиной замазывают. Такое укрепление лев легко развалит лапой. Вы смельчаки за чашей вина языком болтать. Известно: говорливы те, кто не умеет думать. А как покажется враг у ворот, да обнажит лезвия мечей и острия копий, так и онемеее разом. Уж я опытен, нашествие царя ашурского Шалмансэра испытал. А испытавший – поневоле умен. Хлебнул беды в осажденном Шомроне. Нет, друзья любезные, краснобайством Санхерива не одолеть! – провозгласил Зимри.

- Ох, - тяжело вздохнул Букья, - царь ашурский народы покорил и силу их в себя вобрал. Мало ему. Неужто из-за того, что зарится он на чудесное наше вино, Сиону пропадать? Как смерть, ненавистен Ашур!

- Не трусь и смерть не торопи, а прежде протрезвей! – рассмеялся Зимри.

- Накажи меня Бог за самоуправство, но не выпущу тебя отсюда, Зимри, покуда не откроешь нам, какие секреты слышал ты в доме своего господина, - решительно заявил Хэфер.

- Клянитесь молчать, как камни, пока тайне положено тайной оставаться! – воскликнул Зимри.

- Пусть все в мире вино превратится в уксус, а шейхар станет горше полыни, если проболтаемся! – торжественно поклялся за всех Букья.

- Доверяю вам, друзья, а посему слушайте. Я уроженец Шомрона, и хоть нет у меня здесь удела, а душой болею за милый Сион, ибо он в беде. Сын Амоца языком премудрым, мечтами и пустыми пророчествами убаюкивает народ. Словно мать младенцу сладкую колыбельную песню поет, когда тот вдоволь насосался молока из груди: усни, мол, дитя. И уснете последним сном, если и впредь будете внимать ему. Зато царедворец и писец Шэвна для тех говорит, кто в награду за благоразумие желает свою душу сохранить. Шэвна хочет мира с Ашуром. Мира и свободы Сиону хочет Шэвна. Ашуру или Сиону нужнее мир? Великий ждет от мира пользы, а малый – спасения. Однако, слишком разговорился я. Пройдет ваш хмель – услышите еще, - закончил Зимри.

- Блага и мира желает нам Шэвна, - включился Азрикам.

- Будем готовы встретиться все вместе в доме царедворца. Наш план - секретный. Знайте также, что у Шэвны раздор с царем Хизкияу, - заговорщически произнес Зимри.

Изменники вновь присягнули хранить тайну, а Зимри поспешил удалиться к своим делам в доме Иядидьи. Оставшиеся продолжили беседу.

- Я молод годами, - сказал Азрикам, обращаясь к Хэферу и Букье, - но вы-то жили в царствование Ахаза. Должно быть, помните, как люди призывали колдунов гадать, как воскрешали духи умерших, как слушали чревовещателей и заклинателей. И узнавали судьбу и будущее. А нынче мы слепы, наощупь бредем в потемках, и нет с нами никого сведующего. Что видят наши глаза, кроме сновидений Исаяи, сына Амоца? Колдуну мы верим, а Бог свою силу как докажет? Найти бы ведуна или толкователя примет, чтобы поведал Сиона судьбу и предсказал бы, что меня в будущем ждет! Дорогую цену доке заплачу!

- А вот послушай-ка, господин, что приключилось со мной четыре месяца тому назад, - заговорил Хэфер. – Брел я меж тутовых деревьев и увидел женщину. Лицо ее закрыто шалью, и с ней юная девица красоты неопишущей. Полюбопытствовал: “Откуда ты будешь?” А женщина в ответ: “Мы с дочерью из Беэр-Шевы, пришли в Иерусалим,

взглянуть на чудесный город.” Тут заметил, приближается некий человек, и ушел поскорей, дабы не быть ни в чем заподозренным. А две незнакомки, как газели или лани лесные, скрылись среди деревьев. И вот думаю я, а не вешуньи ли это, не толковательницы ли?

- Поищи в городе. Найдешь – сообщи, - сказал Азрикам.

Угасла беседа, и все разошлись. И непонятное смятение поселилось в сердце Азрикама, и голова полна путаных мыслей. И молчит, и ни с кем не делится.

Глава 17

Счастье

Люди замышляют и люди загадывают. Молятся идолам и молятся Богу. Предвкушают торжество и страшатся утрат. Ищут забвения в вине и постигают слово Божье.

Приготавливаются долго терпеть, а вожденное является вдруг.

Единственное послание получила Тamar от Амнона. Время идет, и девушка томится наедине со своими мечтами и страхами. Напрасны, случайны дни, прожитые в одиночестве. Лишь Господу открывает сердце. Молится, просит вернуть ей возлюбленного.

В один из дней, когда Тamar по обыкновению своему сидит в комнате и грустит, врывается ураганом Маха.

- Свершилось, госпожа! Амнон и Хананель здесь! – выпалила служанка, - у отца с матерью!

- Амнон, Хананель! Господь услышал!

Ликует душа. Ног не чуя под собой, бросилась Тamar на родительскую половину. Тирца обнимает старика, плачет и смеется вместе: “Отец, отец!”

Иядидья стоит напротив Амнона, с губ его срывается: “О, чудо, верить ли глазам? Не ждал!” И Тейман и Зимри тут, оба изумлены. Сердце Тamar замерло и не вмещает счастья. “Мой Амнон...” – прошептали уста, и нет иных слов.

Иядидья взял ее за руку и подвел к Хананелю. “Это – Тamar”, - сказал. Хананель обнял обоих.

- Пусть Амнон станет твоим сыном. Велики дела сего славного юноши. Он спас мою душу, достиг славы и возлюбленной добился. Все, что есть у меня, достанется ему, - сказал Хананель.

- Нет равного Амнону, а мы виноваты перед ним, и чем искупить грех? – воскликнула Тирца.

- Прости мне, Амнон, слова бесчестья, - сказал Иядидья, - обнимая за плечи юношу. – Кабы знал я наперед твои деяния!.. Ты обратил сон в явь. Люби Тamar и будь любим ею. Откуда было знать тебе о моем уговоре с Иорамом? Теперь как быть с этим уговором? Хананель - старейший среди нас, он и постановит. Мудрость лет знает, как оставаться человеком, отступая. Его уст спросим и по его слову поступим.

- Любезная моя Тamar, вот Хананель перед тобой. Как обещал, выкупил и привел его в Сион, - сказал Амнон.

- Мой спаситель, ты возвращаешь детям сердца отцов., – только и нашлась ответить Тamar.

Хананель обратился ко всем домочадцам.

- Взгляните в окно! Видите ли вы груженных поклажей ослов? Их спины обременяют тюки с сокровищами, которые я сохранил в Шомроне. Отныне они принадлежат этому прекрасному юноше, освободившему меня, старика, из плена. Я беден, а Аммон богаче всех иерусалимских богачей. И по праву взаимной любви ему же принадлежит спасенная им Тamar, - торжественно провозгласил Хананель, и соединил руки молодых.

- Дитя мое, - обратился он к Тamar, - огромно сердце твоего избранника, и великие дела и слава ждут его. Пусть неведомы нам родина и родичи его, но твердо знаю, преумножит он заслуги отцов Сиона. Те много свершили, а завершать – сынам. Ты, Аммон, - повернулся к юноше Хананель, - дважды жизнью играл ради возлюбленной, стало быть, вдвойне дорога она тебе, и посему не надобно тебе других жен.

- Тamar единственная у отца с матерью и у меня будет единственной, - ответил Аммон, как всегда достойно и находчиво.

- Ты покори мое сердце! Навеки твоя! – воскликнула Тamar, и слезы радости брызнули из глаз.

- Веди ее в сад, говори с ней, сын. Счастливая, она словно не очнулась ото сна, - ласково сказала Тирца Аммону.

- Аммон по-братски обнял Теймана, выразил расположение Зимри и прочим домочадцам и повел Тamar в сад.

- Пробудись, любимая! Миновал сон, и счастье с нами!

- Ах, вся бы жизнь, как этот день! И чтобы сердце твое было со мной...

- Не веришь мне вполне? Душу за тебя отдам, не убоюсь, в огонь войду, свой век любимой посвящу и лишь по слову ее поступать стану! Богом клянусь!

Аммон поцеловал Тamar, та робко ответила ему.

- Верю безраздельно. Всегда твоей опорой буду, милый, - сказала и подумала: “Выброшу из сердца злую дребедень, Тейманом принесенную!” Нареченные гуляли по саду до самого полудня, и вернулись счастливые домой, и перед ними - накрытый стол. Аммон не пил вина, ибо зарекся пред Господом не касаться хмельного тридцать дней, как прибудет в Сион. А Хананель сказал: “Время зорока истечет, и справим свадьбу, и вино нам в радость!”

Три дня до свадьбы

Счастье не для всех. Маха мечтала об Аммоне, любила, и вот итог – крушение. Простолоудин и пара для нее вознесся недостижимо, и нет более надежды. Такой же болью, как сердце госпожи, болит сердце служанки, и что делать с любовью? Даже наложницей не стать – ведь Тamar единственная у Аммона!

И отчаялась Маха, и отважилась, и сказала Иядидье, что Аммон – лжец, и есть у него возлюбленная, и Тейману это известно. Иядидья поспешил допросить сына, и тот открыл отцу все, о чем узнал от Пуры: о хижине у городских ворот Долины, об Уце, что на всю ночь Аммона увел, о свидании под тутовыми деревьями.

Вельможа потрясен. Сознание бессилия убавляет от величия в собственных глазах. Обида и жалость в отцовском сердце. Он велел сыну приставить незаменимого Пуру слугой к Аммону – наблюдать и доносить. И если лукавит жених, то Пура расскажет Махе, а та откроет глаза госпоже. И буде отвергнет Тamar вероломного, то волей своей отцовской он отдаст ее за Азрикама и, слава Богу, исполнит обещание Иораму. А Аммон пусть на себя пеняет – заслужил! А еще Иядидья наказал Тейману говорить с Аммоном любовно, как ни в чем не бывало. Так замыслил домовладыка.

Будущему зятю Иядидья сказал: “Сын мой, я распорядился построить для тебя дом и беседку на Масличной горе, на том самом месте, где вы с Тamar друг другу клялись, и где я вас застал за этим славным делом. Прошу тебя, Аммон, до свадьбы поживи в летнем доме

моем, да присмотри за постройкой”. Амнон ответил: “Благодарю, отец, поступлю по твоему слову. Легче ждать, когда есть занятие”.

Жених поселился в летнем доме, наблюдал за работами, и каждодневно посылал щедрые дары невесте. Тамар в ответ дарила сладости. А Пура верно служил хозяину, рискуя потерять его расположение, чрезмерно усердствуя.

Долго тянутся дни до свадьбы, медленно идет время, день длится год. Бдительный Пура не видит за хозяином греха. Раз послал Амнон слугу к Ситри – уведомить, что вернулся из Ашура, и дело решилось счастливо.

Вот уж три дня осталось до конца месяца ожидания. Ночью явился к Амнону Уц и принес вести, что захворал Авишай, а Ситри отправляется навестить брата, а потом приедет в Иерусалим на свадьбу. Сказав это, Уц подал Амнону немой знак, и оба спустились вниз. “Завтра ночью приходи в хижину у городских ворот Долины и увидишь тех, к кому душа твоя рвется. И делай все скрытно”, - прошептал Уц и удалился, щедро награжденный. Амнон возрадовался – впереди свидание с матерью и сестрой.

Азрикам жаждет мести

Тем временем Зимри по просьбе Азрикама шел для встречи с ним. Вот дошел он до гробницы Авшалома, что украшает склон горы к югу от Иерусалима. Видит и слышит, как некий ученик пророка стоит у гробницы и вещает: “Слушайте меня упрямы, мятежники и заговорщики! Взгляните на сию гробницу и вспомните древности урок. Или забыли судьбу непокорного Авшалома, восставшего на отца своего царя Давида? А вы нынче восстаете на отца нашего, царя Хизкияу! Царедворец Шэвна поносит Господа и помазанника его. Бог лютой смертью покарал Авшалома. Высокие ветви теребинта опутали бунтовщика, он повис на дереве, и жестоко убит был между небом и землей. Знай, Шэвна, острые стрелы найдут и твое сердце, и пронзят его, и умрешь той же смертью. Авшалом при жизни гробницу себе соорудил, и ты, Шэвна, вырубай могилу в этой скале, да поторопись, покуда живым не вышвырнули тебя из Сиона! Так говорит Бог устами раба своего Исаяи, сына Амоца”.

Слова эти острыми шипами кольнули Зимри в самое сердце. Непокорно на душе. С нечистой совестью остаться безнаказанным можно, уверенным – нельзя.

- К кому обращаешься, ученик пророка? К деревьям в поле? Кто слушает тебя? В Иерусалим иди, к людям! – вскричал Зимри.

- Народ – мякина, трава сухая! Вспыхнет и сгорит от слова Господня. Туг на ухо народ городской – не слышит. Иерусалим – как пустыня безлюдная! – ответил юный проповедник.

- Безумец!

- Да, безумец, ибо правду говорю.

Тут появился Азрикам. Мрачен, чернее тучи.

Оставив молодого обличителя, Зимри приветствует Азрикама.

- Вот наше время, Зимри: над баранами господин стал господином в Сионе, а бывший господин - фантазером обернулся! – горько воскликнул Азрикам.

- Не обернулся, а был всегда! Живуч дух мечтательный в тебе!

- Впору дух испустить, коли столь дерзко говоришь со мной. Однако, дух мести, а не грез, продлит мне годы. Тамар меня осмеяла, пастуха из грязи вытащила в князи, и вдобавок дьявол сей безродный моим убийцей и вампиром станет. Довольно поводов для мести?

Есть новая беда. Вчера повел меня Ахан к бедной хижине у ворот Долины – познакомить с красавицей, что полюбилась Амнону еще до помолвки с Тамар. О, Зимри, что я видел! Тамар прекрасна, как луна, а это чудо затмевает солнце! Сидит, искусно вышивает на тонком дорогом виссоне, а рядом мать ее, тем же делом занята. Я сразу возжелал девицу и обратился к матери: “Я – вельможа, сын воеводы Иорама. Отдай мне в жены дочь, и бедная девушка

станет госпожой!” Девушка подняла на меня глаза, опустила из вновь к рукоделью и молчит. Тогда я говорю красавице: “Отчего молчишь, чудо красоты? Ведь вельможе приглянулась! Неужто погнушаешься?” Мать вступилась: “Прости дочь мою, господин. Бедняжка не привычна с мужчиной говорить и оробела, однако...” Тут я прервал ее: “Однако, причина мне известна. Вскружил ей голову пастух Амнон, вертопрах и сердцеед. Тот, что поклялся Иядидье не брать других жен, кроме Тамар!” Промолвил я это и вижу, слезы заструились по щекам обеих женщин. Мать говорит, рыдая: “Накажи меня Бог всеми карами, если отдам дочь за Амнона! Господин мой, потерпи месяц, пока сердце девушки войдет в пору, и получишь ответ”. Тогда Ахан шепчет, мол верь этой женщине, она не обманет. И я ушел. А на сердце тяжело, предчувствую дурное.

Дождался ночи, и вот я снова у ворот Долины, на сей раз без Ахана. Издалека вижу: в хижине свет. Заходить, думаю, не буду, подсмотрю сквозь щель в двери. Заглянул, и ужас застлал глаза. Амнон там! Красавица у него на шее повисла, обнимает его, а женщина целует обоих. Я оглушен и ослеплен. Есть ли мера вероломству? Видно скромнице, мужчин стыдящейся, милее быть наложницей безродного пустышки, чем госпожой в палатах благородного вельможи. Пусть так. Лицемеры часто остаются в дураках. Сжечь эту хижину и всех, кто в ней! Удержался. Вернулся, рассказал Ахану. А тот отвечает сладкой песней: “Уйми гнев и не горюй. Девушка будет твоя, Богом клянусь!” Да что мне его клятвы, Зимри, ведь дьявол Амнон не сходит с моего пути! Такое и стерпеть!? Будь у меня вместо сердца льда кусок – и то бы воспылал, будь в моих жилах вместо крови сладкий мед – в желчь аспида бы превратился! Амнона терпел довольно! Решился: одному из нас глаза закроет смерть!

Зимри выслушал отчаянные речи и содрогнулся.

- Смерть – спасение от земных зол. Моли Бога, чтобы враг жил и стонал от горя.

- Молитвы не помогут. Не видишь разве? Он угоден Небесам!

- Змею взяла в дом Тамар. Хотела забавы, а змея ужалила, и нет снадобья рану врачевать.

Однако, не будем терять время, господин. Действовать пора. Минута дню равна. Вот-вот увидишь, пламя справедливости испепелит и Амнона, и Теймана, и Тамар, и чудо-красавицу. А если захочешь сохранить себе какую либо из девиц – как головешку из огня тyani ее!

- Не сбывай мне шкуру тигра, покуда тот гуляет на свободе!

- Не время пререкаться. У меня есть план.

Глава 18

Обитель порока

В сердце Тамар звенит песнь любви. И, кажется, звуки ее слышны в комнатах, в доме, в саду. Девушка вышивает нарядный покров, который возложит на голову жениха в день свадьбы. Маха раскладывает по шкатулкам драгоценные украшения для невесты. Но, не в пример хозяйке, печальна служанка, вздыхает тяжело.

- Маха, дорогая, отчего грустишь?

- Не знаю, госпожа. Лишь блеснет луч радости в душе и сразу погаснет, а место его спешит занять тревоги тень.

- Да ведь глупо это, Маха!

- Пусть глупа я, госпожа, да только верные мои приметы стали дурны.

- Какие приметы?

- Три ночи подряд слышала, как ворон в саду кричит. Птица эта с колдунами дружбу водит, и крик ее не предвещает добра. Страшно мне.

- Давно известно: верить в колдунов – безумие. Однако, если знаешь что-то – говори! – потребовала Тamar.

- Знаю, госпожа, и не могу более в себе носить, ибо добра тебе хочу. Помнишь, послала меня к Пуре разузнать об Амноне? Страшное поведал мне Пура. К двум ведьмам в сети попал Амнон.

От этих слов дрогнуло сердце Тamar, побледнела она, дух сперся. Что, если права служанка? Порок манит к себе, он терпелив, настойчив, как зазывала у порога лавки привечает.

- Боже, верни сердцу радость! Сделай так, чтобы слова эти неправдой были!

- О, госпожа, и я того же желаю!

- Что говорил Пура о ведьмах? Где обитают?

- Это – мать и дочь. Молодая – красоты необычайной. Немало душ невинных сгубила блудодейством. Обе творят все мерзости, известные распутству. Пура заглянул в проклятое жилище, и видел Амнона: тот втянут был в бесстыдную любовную игру с обеими. Пура хотел спасти падшего, но испугался, как бы к нему не прилепилась страшная зараза, и убежал. Кто ведьмам поперек дороги станет – тот не уцелеет. У них союз с дикими зверями и ядовитыми змеями. Ни те и ни другие не чинят им зла. Они в огне не горят и острый меч их не сечет.

Опустится на землю ночная тьма, скроются за тучами луна и звезды, и появляются злодейки, и ходят погаными своими тропами, где нога человеческая не ступает. Нечистоты топят в реке Кидрон, навещают места, где прежде сжигали младенцев в жертву ненасытному Молоху, идут к могилам и зовут мертвецов. А кто увидит ведьму в такой час, тому ворон глаз выклюет!

Бедняжка Тamar представила себе леденящие кровь жуткие картины, и ноги подкосились, и со слезами бросилась на шею Махе – искать слов утешения.

- Маха, милая Маха! Молю, скажи, что это – сон. Нет, скажи лучше, что оговорила Амнона, желая испытать мою любовь. Утешь, и никаких богатств не пожалею, все отдам! Верни мне Амнона, без него я тебя бедней! А если истина в твоих устах, зачем мне Амнон!?

- Ах, голубушка Тamar, - со слезами жалости на глазах ответила Маха, - какой мне прок обманывать мою добрую госпожу? Ведь счастья твоего желаю и от беды стерегу. Вот, и вчера Амнон на всю ночь пропал, лишь к утру вернулся. Говори с ним сама, авось удержишь от зла.

- Оставь меня, Маха, иди к себе. В одиночестве хочу выплакать море слез, ибо, как море, велико мое несчастье. Нынче я сама прослежу за Амноном. Скажи Пуре, чтоб кликнул меня, если Амнон вновь выйдет из дома ночью. И держи дело в тайне от отца с матерью.

Маха пошла к Тейману и рассказала, как сестра его терзается. “И я хочу видеть изменщика в обители разврата!” – гневно и решительно заявил Тейман.

Спустилась ночь. Тamar на стороже, не спит. Пура примчался и пристроился под окном. Вошла Маха: “Спускайся, госпожа. Не мешкай. Увы, нам есть причина торопиться – Амнон усердствует в пороке.” – сказала служанка. Неожиданно появилась Тирца.

- Дочь, я вижу боль в твоих глазах. Лицо слезами обожжено.

- Матушка, нареченный мой горюет. Болен Авишай, наставник его детских лет. Я и Тейман едем к Амнону с утешениями, - придумала Тamar.

Затея ехать ночью тревожит Тирцу, но непривычна она отказывать любимому чаду. Лишь велела Тейману взять лошадей и повозку получше.

Уселись Тamar и Тейман, а неизбывный Пура правит лошадьми. Остановились в двухстах локтях от хижины, что у ворот Долины. “Жди нас тут, а мы с сетрой пойдем пешком.” – сказал Тейман Пуре.

Через щель в двери Тamar и Тейман увидели Амнона. По правую руку от него – нарядная, как невеста, девица, сияет чудной красотой. Аммон замыкает на ее запястье браслет, вдевает серьги в уши, глядит любовно и целует. И та ластится к нему. А мать красавицы обнимает обоих, и у всех на лицах радость.

- О, разверзнься, земля! – в ужасе шепчет Тamar.

- Пусть молния и гром негодных поразят! – вторит Тейман, - прочь идем отсюда, Тamar!

Тейман повел сестру назад к повозке. Они потрясены. У заблуждения нет предела, и уж если заблуждаться, так по велению сердца.

- Что узрели? – вопрошает Пура по праву знатока перипетий благородного семейства.

- Лучше быть слепым, чем видеть сразу столько зла! – воскликнул Тейман.

- Таков избранник мой! – добавила Тamar.

- Его избранница, как роза на Кармеле зацветет, а ты, сестра, тем временем увянешь!

- Милый братец, как ужасна эта ночь! До наступления зари огонь спалит мне душу.

- Огонь спалил добродетели Амнона и наше братство заодно.

- Как мне спасти любимого из ада?

- Спасти из ада? Не легче, чем обратить ад в рай или зло в добро!

Тamar и Тейман вернулись домой, сговорились по дороге, что скажут матери. Скрывая наши беды от любящих нас, облегчаем свою участь.

- Я вижу, вы огорчены, дети мои, - заметила Тирца.

- Беда, матушка! Мне повстречалась старуха и напороочила, что ждет меня несчастье, если выйду за Амнона. Вот, и Тейман слышал. Не иначе, она ведьма.

- Ах, что за чепуха! Ты устала, дочь. Отдохни, усни, и нескладица улетит из головы. И Амнону сей вздор не повторяй. Должно быть, это Азрикама проделки, не он ли старуху подослал?

И долго-долго Тирца увещевала дочь и была весьма удивлена, что та все плачет неумно и никак не утешится.

Глава 19

Опрометчивость и раскаяние

Утром Маха будит Тamar.

- Вставай, госпожа, солнце на востоке показалось.

- Каждый день солнце восходит. И завтра, в день свадьбы, оно будет в небе сиять, да только душу мне не осветит, и темен будет мой день.

- Смейся или плач, госпожа – Аммон явился. Внизу ждет и с Хананелем беседует.

- Он сердце мое покорил и разбил. Однако, согласишься, Маха, красота сего юного мужа бесподобна! Во всем Сионе не найти девицы, что, увидев его, не заболит любовью. Вот, и я такова же, и нет мочи разорвать сладкие путы. Боже, ожесточи девичье сердце, дай духу прогнать прочь изменщика! Нет, поступлю иначе. Обманом отплачу лжецу. Передай, Маха, пусть через час зайдет.

Тamar умылась, умастилась благовониями, нарядилась, придала лицу радостный вид и, как ей казалось, приготовилась вполне к встрече с женихом. Юное создание должно многому научиться, прежде, чем сможет притворяться.

Аммон вошел.

- Здравствуй, голубка моя! Хорошо ли спала? – с великой нежностью спросил Амнон.

- Слишком долго длился сон.

- Еще день, и станем мужем и женой. И, не стыдясь, поцелую тебя на людях. Остается только день, любимая, - промолвил Амнон и поцеловал Тamar. Та побледнела.

- Твои губы горят огнем. Поцелуя ради пришел в столь ранний час?

- Неужто неосновательна для тебя причина? – удивился Амнон, - если так, моя любовь твоей сильнее в сотню раз! Но есть еще резон. Авишай, мой бывший воспитатель, захворал. Хочу отправиться в Бейт Лехем, чтоб навестить больного, и твоего согласия прошу – ведь клялся я, что лишь по желанию любимой стану поступать.

- Ты никогда не нарушаешь клятв?

- Я верен слову.

- Тогда прошу лишь об одном: ради любви моей прочь ступай из отцовского дома, из Иерусалима, из Сиона, и не возвращайся никогда!

Пришла очередь Амнона побледнеть.

- Что я слышу? Голубка моя... – выдавил из себя Амнон, и нет больше слов, комок в горле.

- Я более не голубка твоя, я несчастье и горе твое! Я изменила тебе, и нет любви! Я раскаялась в непослушании отцу, я выхожу за сына Иорама. Отныне презирай и ненавидь меня!

- Тamar, Тamar, я не верю! – возопил Амнон и снова смолк. Вдруг засмеялся.

- Ах, я глупец! Горечь слов в устах услышал, а любви в глазах не увидел. Скажи, голубка, зачем понадобилось так жестоко хитрить или шутить со мной? – спросил Амнон, взяв Тamar за руку. Та высвободила руку.

- Довольно, Амнон! Сообразно клятве своей волю мою не нарушай. Покинь меня, и отцу с матерью – ни слова! – решительно сказала Тamar и вышла. Жестокость творится не только бессердечием, но и большим сердцем, если его жестоко обмануть.

“Неужели такова судьба моя? Как вынести это?” – в отчаянии подумал Амнон и, желая скрыть позор, незаметно покинул дом Иядидьи. Не помнит, как на неверных ногах добрался до своего жилища. Повалился на кровать и, как слабая женщина, оросил подушку слезами. Успокоился, стал размышлять: “Такое злосчастье не может быть явью. Это – страшный сон. А если не сон? Значит, сия мука есть испытание, что изобрела для меня Тamar. О, я возликую, когда она признает это! Кажется, я обезумел вконец. К чему себя обманывать? Ведь Тamar услала меня из Сиона. Судьба смеется надо мной. Вернул из изгнания Хананеля, и в благодарность сам на чужбину изгнан. О, горе, горе!” Так стонет Амнон, и некому утешить и сказать, что хоть и худо все, но не рухнуло ничего.

После полудня Тamar призвала Зимри.

- Верить ли мне глазам, госпожа? Накануне свадьбы столь горестно лицо невесты!

- Зимри, я знаю тебя, как вернейшего человека. Тебе доверю свою беду и просьбу свою.

Но прежде обещай хранить все в тайне от отца и матери.

- Путь от сердца к устам закрыт.

- Так слушай же. Любимый Амнон, мой жених, попал в сети к ведьмам. Боюсь, теперь уж он не мой! – сказала Тamar и слезы заблестели на глазах.

- Амнон? Не могу поверить! – до крайности изумился Зимри.

- Своими глазами видела такое, что погубило для меня всю радость жизни. Проклятые колдуньи сманили юношу, лишив меня души. Как Амнон мог так оступиться и принести мне столько горя!? Но никакому гневу не под силу загасить навек огонь любви. Она воюет со страхом и враждой. В запальчивости я услала Амнона прочь из дома, из Сиона. Опомнилась, и сердце пронзила жалость к нему, к себе, к любви несчастной. Кого я прогнала? Амнона! А он мечта, надежда и жизнь моя! – отчаянно воскликнула Тamar и разразилась рыданиями. Зимри терпеливо ждал, пока стихнет буря.

- Вот, Зимри, моя беда, - продолжила Тamar, унявши слезы, - а вот и просьба: верни мне Амнона!

- О, госпожа! Всем сердцем сострадаю! Как страшно это лихо, что постигло вас обоих и вашу любовь в ее расцвете! – воскликнул Зимри полным горечи голосом. Он достал платок и стал тереть глаза. Так плачет нильский крокодил, когда он не в силах проглотить всю жертву целиком, и надо трудиться и делить добычу пополам.

- Завтра встань пораньше, Зимри, и тотчас иди к Амнону, и говори проникновенно – ты искусен в этом – и убеждай, и умоляй, и склоняй его вернуться на стезю добра, и спасешь нашу любовь.

- Если не погасла искра Божия в сердце отверженного, он услышит слова моих уст, и получишь назад своего героя.

- О, только бы Господь захотел сего! Душа моя распахнется для огромной новой любви, что будет неизмеримо больше прежней!

Глава 20

Благоразумный Уц

Как и следует в его положении, Амнон проливает горькие слезы. Человек плачет, видя разницу между тем, что есть, и тем, что может быть.

Появился Уц.

- О чем горюешь, Амнон?

- Тамар вздумала отринуть меня, - ответил Амнон и поведал Уцу о неожиданной и страшной перемене в судьбе.

- Когда в деревне ты впервые увидел Тамар и влюбился и размышлял, я назидал тебя: “Посрамлен будет простак, коли забудет свое место. Паси себе скот и гони прочь ветер из головы.” Ты не послушал. Ласточка не достанет аиста в вышине, не построит гнезда под высокой крышей – ветер унесет маленькой птички дом. Искал бы себе ровню в пару, своего поля ягоду, и вкусил бы радости жизни. Равенство тому порука. Погнался за царевной из дворца и испил вдоволь горечи. Одурачен, как птенец неразумный. Думал, поведешься с сильными мира сего. У них золото есть, а Бога в сердце и самого сердца – нет. Кабы Тамар Бога боялась, не была бы жестока с тобой.

- Да ведь все тогда же и там же, в деревне, ты, Уц, превозносил добродетели Тамар!

- Пусть так. Сразу не разглядел. В благость она наряжается, как в яркое платье с золотым шитьем. Блеск убора бьет в глаза и ослепляет. В любовную сеть попался. Лишь тебя удержала частая сеть, но не любовь Тамар. О глухую стену жестокости лоб розобьешь из-за той, что сердце твое разбила. Боль стерпи, и память о Тамар – прочь отсеки!

- Скорее правую руку прочь отсеку, чем забуду Тамар! И довольно об этом, Уц! – сердится Амнон.

Появился Зимри, и Уц заговорил о другом.

- Сообщаю тебе, Амнон, что господин мой Авишай болен и желает видеть тебя.

- Приходи завтра утром, и вместе отправимся к больному в Бейт Лехем.

Уц ушел и о беде Амнона ничего не сказал Нааме и Пнине.

Старший брат и верный друг

Зимри сменил Уца, взявши на себя труд поучений.

- Мир ли с тобой, Амнон?

- Горек мой мир.

- Мне ведома твоя кручина, и посему поспешил к тебе с сочувствием. Лихие времена настали. Лишь рассветет, и новости худые уже толпятся на пороге дня. С утра до вечера бродил по городу и видел такое, что впору “Караул!” кричать. Богатейшие и благороднейшие наши горожане, опора Сиона, дрожат от страха перед Санхеривом, и в панике покидают Иерусалим, и золото свое не выпускают из рук. “Куда путь держите?” – спрашиваю. “На острова греческие”- без стыда отвечают одни, “В Цур и в Цидон, поджидать корабли на Таршиш”, - говорят другие.

Домой вернулся, и того не легче. Злые перемены, воздух чужд. Хрустальный сосуд добра вдребезги разбит. Ты не нужен более Тамар, Азрикама ей подавай. Я, как мог, укоротить пытался вздорный нрав ее. И вот ответ: ”Кто ты такой, Зимри, чтобы советовать и поучать? Ты слишком задержался в доме моего отца!” Я был изумлен. Не слышал такого прежде от Тамар. Поспешил к тебе. Объясни, каким проступком отвернул сердце невесты?

- Богом клянусь, нет на мне греха! Без вины изгнан. Покину возлюбленный Сион и, безвестный, на чужбине сгину, - ответил Амнон и вновь заплакал. Есть наслаждение в слезах.

- Довольно реветь, герой! Твои слезы могут быть заразительны, сохрани Бог. Ими обманешь не только себя, но и других. Нам следует мужаться и трезво размышлять. Беда - к выдержке и стойкости ступень. У нас есть, что обсудить.

- Начинай ты, я чересчур взволнован, - сказал Амнон и, пристыженный, умолк.

- Глаза мужчины и глаза женщины смотрят на одно, а видят разное. Нет в этой истине новизны, и сие печально и губительно, родит многие беды, и ваша с Тамар история – одна из них. Я знаю Тамар от молодых ее ногтей. Нрав девицы то добр и мягок, то жесток и тверд, как кремень. Сызмала отцу с матерью перечила: любовалась отвращавшим их и в любимом ими искала изъян. Покуда те Азрикама почитали, Тамар ненавидела его, а вот полюбили они тебя – и уж ты изгнан прочь. Погоди, строптивая наша совсем обезумеет. Овчарню сожжет волкам назло. Небось, если опостылешь Иядидье и Тирце, пожалуй, вернет тебя милосердная их дочь. Однако, не желаю тебе того. Клянусь, нет правды ни в словах, ни в мыслях ее. Я наперед знал: завязнешь в паутине, упорхнет надежда, и останешься у разбитого корыта. Любовь ваша сном была рождена и сном обернулась.

- Ничего в мире нет слаще такого сна, век бы спал... – только и нашелся ответить Амнон.

- А вот, послушай-ка побасенку, а в ней урок, - продолжил Зимри. – Пришел к мудрецу простак и просит совета: “Где искать жену – в деревне или в городе?” Отвечает мудрец: “Если хочешь самую лучшую жену, все города и деревни обойди и уж тогда выбирай. Мир велик, и путь твой долог”. Через много лет повстречал мудрец того простака. “Нашел жену?” – спросил. “Весь мир исходил, сто пар сапог сносил и вернулся домой неженат. Чем больше видал, тем больше сомневался. Великие муки принял, состарился и ослаб. Век свой доживу холостым”, - ответил простак. И ты, Амнон, не уподобляйся тому чудаку и не женись: права ополовинишь, обязанности удвоишь. Да разве время сейчас о женитьбе думать? Враг подступает, разумные бегут, спасенья ищут. Жены, дети, богатство нажитое – тяжелое бремя. Знай, юноша, что жены в зыбкие времена – тираны нещадные.

Мы с тобой легконоги, как лани, как олени лесные. Уйдем из Сиона, Амнон, и спасемся и не погибнем. Мы оба изгнаны из дома Иядидьи – это ли не предлог благовидный? Решайся, Амнон! Не только стрел Санхерива, но и языка Тамар трепещи. Сегодня обвинила ложно, а завтра оговорит. И кто остановит злонамеренность уст? Болезнь лечи в начале, пока не поздно о лекарствах думать.

- О, Тамар! – возопил Амнон. – Зачем обратила в горе надежду и радость!? Бесконечно далек был от тебя, но мытарства превозмог и преграды осилил, к тебе устремившись, и, вот, тобою изгнан!

Ты, Зимри, как старший брат мне, верная опора. Но судьбы наши разные, ибо я не один в мире, и любят и ждут меня мать и сестра. Опрометчивая клятва заставляет покинуть, оставив без защиты, родные души. Какая крепкая приправа к горю!

Что на чужбине ждет меня? Плен? Вражий меч? Смерть? Ко всему готов. Груз покорного легче. Однако, негоже оставлять Иерусалим в беде. Сион своею милостью и щедростью вскормил, взрастил сынов, и лучшие из них не бросят родину врагу на произвол. А я покину Храм и коэнов его, и не увижу более обитель Бога и его пророков не услышу из-за оплошно брошенного слова. Если б только мог, я б не оставил город, стоял бы насмерть, защищая крепостные стены и не желая иной доли.

Зачем ищешь судьбу изгнанника, Зимри? Ведь ежели Господь смилостивится к нам, то спасение придет с Небес, и нет причин для страха. Но если за грехи наши безмерные Бог отвратил от Сиона свой благосклонный лик, то не выручат ни ноги быстрые, ни кони, ни корабли. Беглецов настигнут меч, огонь, голод, разбойники, хищника клыки. О, если б не изгнание, я бы пролил кровь за родимый Сион и тихо умер на руках милой матушки!

Не знал Амнон, что высокими своими речами отраву вливает в уши Зимри. Тот смекнул, кто они есть, Амнону родные души, и после ужаснулся: “Выходит, желторотый Амнон и впрямь в плену слепой и непрактичной веры в единого Бога и его пророков речистых и упрямых. Того хуже: Тамар пребывает в хрупком заблуждении, что две женщины, с которыми видели Амнона - это ведьмы, его опутавшие, и не ведают, что они мать и сестра его. Праведность героя рано или поздно выйдет наружу, а козни мои – шило в мешке.”

- Амнон, я, как обещал, готов бежать с тобою, но мой долг прежде уведомить Иядидью о том, что изгнан из его дома. Хочу получить причитающееся мне за многолетний труд и распрощаться по добру. Буду просить Иядидью, чтоб вновь склонил к тебе переменчивое сердце Тамар. Если преуспею в этом, лучшей награды мне не надо.

- О, верный Зимри! В счастье у человека тысяча друзей. Случится беда, и из тысячи останется один. Такой дорожке всех, и для меня - ты этот драгоценный друг. А прочие лишь для виду, как кинор, что беззвучно висит на стене.

- Не сомневайся во мне. Пойду к Иядидье, затем принесу ответ.

Зимри отправился к Карми и послал за Азрикамом, чтобы сообщить тому новости.

Глава 21

Азрикам и Зимри обмениваются новостями

Зимри, как и задумал, пришел к Карми и тотчас послал за Азрикамом. Тот не заставил себя ждать. Гости уединились за закрытыми дверями.

- Спешу похвастать, - начал Зимри, - моей ловкости достало, чтобы вконец рассорить твоих врагов. Тамар изгнала Амнона из отцовского дома и из самой Иудеи. Бесцельная жертва чести, герой, давший непрощенную клятву следовать всякому слову возлюбленной, и впрямь готовится в путь. Мрачен и согбен от горя. Через три дня духу его здесь не будет, зато ты воспрянешь духом. Хочешь, выбирай Тамар, а хочешь – писаную красавицу из

бедной хижины осчастливь! Однако, ты встревожен. И отчего не ликуешь в ответ судьбоносным новостям?

- Ах, Зимри, - заговорил Азрикам, - ниточки, за которые тянешь, чересчур хитро тобою скручены. Только узел развяжешь, два новых сами завяжутся. От мук ревности ты, было уж, избавил меня, а дьявол другие пытки припас. Вот послушай-ка мой рассказ.

- Ахан невзлюбил Хэфера и Букью, - начал Азрикам, - ибо тяжело ему было выносить мою щедрость к ним. И те ему ненавистью платили, и западня всегда наготове. С радостью узнали, что Ахан бывает в хижине у ворот Долины – вот счастливый случай насолить!

Нынче утром мы с Аханом посетили сей притягательный уголок.

- Торопишься, мой господин, я говорила, месяц надо ждать, - сказала мне женщина.

- Ты говорила также, что прелестницу свою за Амнона не выдашь, а он вчера здесь был! Не к тебе, а к дочери твоей обращусь теперь, - ответил я женщине и повернулся к девице.

- Знай, красавица, что Тамар одержима ревностью, и кто уберезет тебя от гнева ее лютого? Я – твой единственный оплот. Я не любопытен и не стану спрашивать кто ты, откуда родом и что привело тебя в Иерусалим. Пусть во мраке твое прошлое, но твоя краса и моя любовь осветят нам настоящее и будущее. Со мной – как за каменной стеной. В покое и довольстве потекут дни, и матушка твоя пребудет с нами. Но если, босоножка, не отдашь мне прелесть юности твоей, то на себя пеняй. Обеим вам с матерью достатка и почета не видать.

- А ты, вельможа, какой почет стяжаешь, женившись на бедной и безродной? Рад, что, грозя силой, сознаешь ее в себе? – возразила мне женщина.

Тут появились Хэфер и Букья. Хэфер уставился на двух женщин. Затем обратился ко мне.

- Вот те голубушки, - шепнул мне Хэфер, - о которых я рассказывал тебе, когда мы пьянствовали в гостеприимном доме Карми.

Ахан не утерпел и вмешался.

- Зачем явился, Хэфер? Все шепчешь, тайны у тебя?

- Тайны у тебя! О них поговорим позднее. Ты здесь, Ахан, чтоб с помощью гадалок в будущее подсмотреть. А мы с Букьей к прошлому имеем интерес. Желаем знать, как, например, ночь обратить в день? И на какие дела горазд раб, у которого зуб на господина? И если спросим, то не вещуньи, а ты, Ахан, ответишь! Что, убоился?

Вижу, девица побледнела, трепещет вся.

- Мне страшно, матушка. Кто эти люди? Зачем они у нас? В голосах угроза, злость в глазах.

Мать не успела слово вымолвить, как заговорил Ахан.

- Хэфер, рот закрой свой, не то замажу глиной! Оставь в покое и меня, и сих почтенных женщин. Впрочем, продолжай: явный враг милее тайного!

Угроза развеселила Хэфера.

- Волк страшит клыками, козел рогами, а бахвал словами. Вперед ты землю будешь грызть, чем рот мой глиною залепишь! Давай-ка, Букья, проучим грубияна. Пойдем к городским воротам и расскажем старейшинам о славных деяниях Ахана. А тебе, Азрикам, не пристало с Аханом дружбу водить. Сторонись греха. Ахан тебя в логово к ведьмам заманивает.

Ахан взбеленился. Веселье недруга родит чертей в душе и на крайности толкает.

- Не запугаешь! У меня тоже есть старые новости для судей у ворот. Коли пришел срок - за преступления сполна заплатим все. И я, и ты, Хэфер, и ты, Букья, - сказал Ахан и что-то прибавил Хэферу на ухо.

Как ужаленный вскочил Хэфер и с ужасом стал разглядывать несчастных женщин.

- О, Ахан, - заголосил, запричитал Хэфер, - я каюсь, ты прости! Вражду долой, соединимся в дружбе!

Хэфер шепнул два слова Букье, и тот побелел, как мел.

Вот, Зимри, - продолжает свой рассказ Азрикам, - я смотрю на перепуганных до смерти Хэфера и Букью, и у самого сердце в пятки уходит. А причину страха своего не понимаю.

Хэфер и Букья вышли из хижины, я и Ахан – вслед за ними.

- Заруби на носу, Азрикам, - сказал Ахан, - и ты, и я, и эти двое, - и он кивнул в сторону Хэфера и Букьи, - мы все в одной лодке, и волны и ветер нам одинаково опасны. Вас, неразлучные друзья, я жду в доме моего господина. Будем совет держать.

Мы с Аханом вернулись домой. Страх возрос, теряю дух, боюсь узнать дурное. Любопытство сильнее страха. Уговорил Ахана открыться. Тот завел меня в дальнюю комнату, запер двери и вдруг бросился мне на шею, обнял и расцеловал. И жутким оглушил признанием.

- Вот, Азрикам, я сбрасываю с души моей тяжкий камень молчания и признаюсь: “Твое наследие моими руками сотворено. Преступления, кровь, убийства – твоего богатства скелет. А две женщины из хижины не ведьмы вовсе, а Наама и ее дочь!”

Я долго стоял с открытым от изумления ртом. Наконец опомнился.

- Ты сватал меня к дочери Иорама, отца моего, то есть – к сестре!? – вскипел я.

- Гнев не торопи. Обсудим с Хэфером и Букьей, как наши шеи уберечь от топора, - ответил мне Ахан.

- Что для меня теперь твои, Зимри, благие вести, после вестей Ахана? Боюсь, не все тайны открыл мой домоуправитель, – закончил Азрикам страшную свою повесть.

Ласковый дьявол и ангел-губитель

Зимри настороженно слушал Азрикама.

- Да, Азрикам, гнусны намерения Хэфера и Букьи, их прошлое темно. Но не досуг копаться в черных душах. Кнут времени по нашим спинам хлещет, а дел невпроворот. Во-первых, Амнон все еще в столице, из Сиона выкурить его – мой долг. Во-вторых, два негодяя хоть и запуганы Аханом, но нет поруки, что языки их не развяжутся, а это – неминуемая гибель. Общая опасность – причина мира меж врагами, но хрупок он, как разбитый и склеенный горшок. Бедой чревато и тревожно положение! И если хочешь, чтоб моя смекалка тебя от бед хранила, как и прежде, открой пошире кошелек. Не быть скупым – уже богатство. Ты морщишь нос? Я удивлен! Ведь я к другому лагерю могу примкнуть. Скажу Тамар, что женщины из хижины не ведьмы, а мать и сестра Амнона, и герой вновь станет чист в ее глазах! – закончил Зимри, бросив наугад угрозу и попав в цель.

Азрикам онемел от дерзких, несурзных слов. Гнев душит, путает мысли и язык. Но ярость страхом сожжена.

- Уж половину казны к рукам прибрал! Впрочем, прости, я тобой доволен, ты помогал мне прежде, и нынче я в тебе нуждаюсь. О плате не тревожься, положиись на мою щедрость.

Зимри принялся расхаживать из угла в угол, сосредоточенно размышляя. Наконец придумал, остановился.

- Ты вскоре принимаешь дорогих гостей, Хэфера и Букью. Раззадорь себя, силы духа наберись, мужчина! Преврати в попойку ваш ночной совет. Дождись, что гости очумеют от вина, и дом предай огню. И тайны с из хранителями вместе в дыму пожарища навек исчезнут. Когда покончишь с делом, удивишься, как верно и исправно это средство. Надежность – свойство простоты. Однако, действуй осторожно и с умом. Плату возьму деньгами, сады и виноградники твои мне не нужны. Не трусь, положиись на меня, я с тобой и в радости и в горе. Ну, вперед, не медли! А меня Амнон ждет, в моем колчане еще остались стрелы для него.

Зимри покинул Азрикама. Раздобыл в тайном месте змеиного яду и пошел к Амнону.

- Знаю, Амнон, ты ждешь весть из дома Иядидьи, - начал Зимри, - увы, хозяина я не застал. Он заседает с царедворцами. Совещаются, как город защищать и как народу представить дело. В палатах Иядидьи все домочадцы беззаботно спят, и не с кем говорить. Я

новый план придумал, и есть надежда, что Тamar к тебе вернется или тебя вернет, что равнозначно. С Пурой пошли ей дар – кувшин молодого вина и гроздья винограда. Напиши письмо, полное слов любви и мольбы. Вели Пуре передать девице послание и дар ранним утром, когда она прохаживается по саду. Тут я появлюсь, с ней разговор затею, и мною сказанное подкрепит тобой написанное. Я буду горд и, как кремень тверд. Авось Тamar поймет, что не права, нас изгоняя. Что до меня, я милости не жду. Честно, верно, с открытым сердцем я служил отцу ее.

Последуй моему совету, Амнон. Так испытаешь сердце Тamar. Если есть в нем любовь, снова завоюешь его, а если не откликнется Тamar на твой последний зов, значит пусто сердце, и нет причины горевать.

- Хорош совет. Захочет Господь, и вернется Тamar, и вернется любовь. Прошу тебя, Зимри, не уходи в сей трудный час. Тяжко одному. Вижу тебя, и дух мой поверженный ободряется.

- Не трусь, положишься на меня, я с тобой и в радости и в горе, - второй раз за день произнес Зимри.

Амнон уселся за стол и принялся писать письмо, не останавливая слез.

“Любимая Тamar, голубка моя! Объясни, чем согрешил перед тобой. Кара велика беспредельно. Изгнав, лишила меня Божьей милости. Простой пастух не смел и думать о прекрасной дочке придворного вельможи. Твоей любовью я был заново рожден и вдохновлен на то, что совершил для нас обоих. Молю, любимая, дай надежду! Вспомни письмо из Нинвэ: “Цени надежду жизнью”.

Ты одарила меня счастьем любить. Дух мой, смелость, ум – твоё произведение. Я вознесен и вмиг повержен. Какая сила двигала рукой творца, разбившего своё творенье в черепки?

Твой приговор ошеломил и оглушил. Любимая, куда не вернешь ответ, я – камень в праще: не знаю ни пути ни цели. Помнишь ли Бейт Лехем? Молю, Тamar, верни былое счастье! Иль объясни, за что наказан.

Шлю тебе дар, как в былые дни. Будет принят сладкий напиток любви – и сердце мое взвьется ввысь. А вернется назад, отверженный и горький, как измена – и уделом моим станет чужбина. Молча, с любовью даже, снесу беды и горести. Сердцу скажу: “Терпи. Изгнание – это воля Тamar!”

Любимая! В твоих руках моя судьба - жизнь и смерть, счастье и горе, честь и позор. Ответь, Тamar: рай или ад, что Амнона ждет?”

Амнон завершил труд и отдал на суд Зимри.

- Читай!

Зимри читал и перечитывал письмо, попеременно придавая лицу то восторженное, то горестное выражение. Амнон, сидя за столом и обхвативши голову руками, все что-то бормотал бессвязно.

- Ах, Тamar! Где я был? Где я сейчас? Что ждет меня? Горе мне, горе!

Полагая, что пришел момент положить предел стенаниям и толкнуть события вперед, Зимри вернул Амнону письмо и заговорил.

- Пусть тверже железа сердце возлюбленной, в мягкий воск обратит его жар твоих слов. Лишь дикая львица, к вкусу крови привыкшая, не выпьет этих речей нектар. Если столь дивные строки не встряхнут душу Тamar – нечего горевать, беги от нее прочь! Завтра, завтра решится! Надейся, и я надеюсь. А сейчас приготовь свой дар и утешься сном.

Амнон наполнил кувшин молодым вином, нагрузил блюдо гроздьями винограда, лег и уснул. А Зимри тихо-тихо подобрался к кувшину и влил яду. И никто не видел, и Пура не узнает, и висит над Сионом ночная тьма.

Добр или зол солнца свет? И праведные и грешные души равно согреваются небесными лучами. Светлые надежды и черные умыслы ждут не дождутся утренней зари.

Рассвело. Амнон вручает Пуре дар и письмо. Зимри напутствует посланника: “Преуспей и возвращайся с удачей! И да вселит Господь в сердце Тamar раскаяние, и да вернет радость в душу господина твоего!”

И Пура ушел.

- Я пойду вслед за ним, - сказал Зимри, - и принесу ответ. Не известно, какой стороной упадет монета. Вдруг еще пуще озлобится девица, преследовать тебя станет. Пока спрячься и жди.

- Если Тamar от меня лик прячет, чего еще хуже, и зачем мне прятаться? – вздохнул в ответ Амнон.

Ушел Зимри, ласковый дьявол и ангел-губитель. Мысли кипят его, и сердце ликует: “Плод созрел, дело сделано, славный барыш впереди!”

Только Зимри за порог, как вновь появился рассудительный Уц.

- Амнон! Мать и сестра в тревоге – не дождалась тебя вчера. А я не сказал им о беде твоей, - выпалил вместо приветствия Уц.

- Вот, я вновь попытался утраты вернуть. Жду ответа Тamar. Не уходи сейчас, тоскливо одному.

- Эх, господин, кабы прежде слушался моих уст, не знал бы сейчас беды. Любовь начинается суетой, продолжается ложью и кончается скорбью. Пламя ее не осветит лик, лишь душу и плоть опалит. Благословен сторонящийся любви! А уж коли попал в соблазна капкан – крепись, и спасение придет, и надежда слезы осушит, - закончил премудрый Уц.

Скука банальной рассудительности искушается долей истины.

Глава 22

Убедительные небылицы

Только солнце взошло над Иерусалимом, как потянулись на рынки жители со всех концов города, гонят на убой крупный и мелкий скот, везут вино и масло, спешат продать плоды своих рук. Иядидья с Тирцей сидят у окна и наблюдают лихорадочное шествие.

- В считанные дни опустеют хлева, овчарни и винные погреба. Пир горой. Похоже, на полста лет вперед животы набить хотят. Страхатся люди, что Санхериву добро их достанется. В страхе больше зла, чем в его причине. В эти дни небеса стенают и слез ждут, а внизу радость бьет ключом, - негодуя, заметил Иядидья.

- Вот-вот в нашем доме стенания и слезы услышим. Завтра свадьба Тamar и Амнона, все припасено, лишь невеста не готова. Ночь проплакала, говорить не хочет. Глупая, верит болтовне пророчицы и боится Амнона, - сказала Тирца.

- Как вступил Амнон под мою крышу, так и пропал покой в доме, и Тamar словно безумная. Оставь ее на волю Господа.

- Вон она в саду, бедняжка. Бежит от меня и жалости не принимает.

- Еще день потерпи, и призовем к ответу: пусть скажет свое желание, ведь ей уж восемнадцать!

Тем временем Зимри, следуя замыслу, вошел в сад. Тamar, держа в трепетных руках послание Амнона, глазами вбирала драгоценные строки. Она читала письмо, а Зимри читал знаки девичьего сердца на лице ее. Уходит гнев, возвращается любовь.

Появляется Маха с кувшином в руках, протягивает его Тamar.

- Стой, госпожа! – вопиет Зимри, - не прикасайся к вину, пощади себя, ты во цвете лет!

Тамар испуганно подняла глаза на спасителя, а тот уж рядом с ней.

- Цела и невредима, госпожа? О, я кажусь помешанным! Пусть так, главное, кувшин не почат, и госпожа жива! Слава Господу – он милосерден к дому Иядидьи!

- Зимри, говори ясней!

- Ясно вполне, но не хватает слов. Кто пишет письма, тот над словами господин.

Красноречивым пером скорописца Амнон скрывает злые помыслы сердца. В ключья порви письмо, на землю вылей вино и забудь навеки Амнона! Прости, я прям и неуклюж в словах.

- Амнон в моей душе не робкая травинка, что ветер твоих вздорных уст легко поднимет в воздух и унесет. Зачем гневишь меня? Из сердца моего не вырвешь Амнона, скорее вырвешь сердце. Твой язык – орудье клеветы!

- О, как я глуп! Дьявол подстрекнул меня к чужим заботам прилепиться. Разве осудит тебя ближний, если любишь себя больше, чем его? За наивность заплачу сполна! – в полном отчаянии вскричал Зимри.

- Ты прав, ты не умен, коли порочишь Амнона передо мной. В сердце твоём – пропасть ада. Замыслил меня туда столкнуть, утопить во мраке преисподней, погубить и не открыть источник зла! Желая знать, кто и каким орудием намерен жизни меня лишить!

- Вели сердцу быть алмаза тверже и слушай, госпожа. Помнишь ли, как посылала меня к Амнону с упреками и наставлениями, чтоб я усовестил его и вернул тебе? Вместо навязчивых нравоучений я избрал иное средство – хитрость. Стал сетовать ему, что вот, ты, якобы, изгнала меня из дома без вины, по прихоти пустой, и заступится просил. Амнон велел Пуре принести побольше вина. “Пей, Зимри, сладким вином горький вкус обиды отобьешь”, - сказал мне Амнон. Я выпил, и Амнон стал пить, греша, ибо не истекли тридцать дней зарака. Но я – молчок.

Он усердно налег на вино. Потом говорит: ”Странно, что тебя обидела Тамар, но еще большее диво, что и моя участь не легче. Мы оба изгнаны, - сказал он с дрожью в голосе, - я безродный простолюдин, Авишай купил меня младенцем, вырастил, сделал пастухом. Моя доблесть и красота вознесли меня к благородству и богатству. Тамар полюбила меня, и я ответил любовью вельможной и богатой девице. Иядидья не посчитал меня достойным дочери. Рискуя жизнью, я разыскал в Ашуре и выкупил Хананеля, за что и унаследовал его сокровища. Счастливый, приготовился к хорошему – деньги умножать и жить среди вельмож. Завидуя моему золоту, Тамар переметнулась к другому жениху. Каково? Забыла, что я более не пастырь овцам, и сам не робкая овечка!”

Теперь, Тамар, внемли тому, что присовокупил к своему рассказу Амнон: “В Иудее думают, что Иерусалим столица мира, а жители его – факел для блуждающих во тьме народов. Ха-ха! Я тоже ошибался, пока не побывал в Нинвэ. Это город красоты и силы, велик он и непобедим. Там мудрецы Востока, всеведающие звездочеты, кудесники, строители и полководцы. Нельзя познать их премудрость разом, но осознать величие мне по плечу. Пусть, восхваляя одно, я унижаю другое, зато, восхищаясь, я возвышаюсь сам! Должны мы не бояться, а радоваться Санхериву. Вот тебе моя рука, Зимри! Довольно быть слугой господ, становись господином моих слуг!” Такковы слова Амнона.

Тут, госпожа, я и подумал: “А не замыслил ли Амнон какое зло?” И хитро спрашиваю, что нам готовит царь ашурский, и не ждет ли Иудею судьба порушенного Шомрона? Амнон отвечает: “Ты уж сам сказал. Однако, не болтай об этом у городских ворот. Санхерив сотрет Сион с лица земли. Не пощадит ни грозных боевых коней, ни трепетных ягнят, ни суровых воинов в черных кольчугах, ни их нежных белых голубок”. Я вновь вопрошаю: “А что с твоей славной голубкой станется?” И слышу ответ: “Славная моя голубка не достанется врагу!”

Тамар просияла.

- О, этого довольно, - счастливо воскликнула она, - Амнон не разлюбил! Только бы слова твои утренней дымкой не рассеялись, а большего мне и не надо, любезный Зимри!

“Слушать она желает все, а слышит лишь то, что желает” – подумал он.

- Лучше мне ослепнуть, госпожа, чтоб не видеть ликования там, где место слезам. Или сладок тебе обмана мед?

- Отчего не умеешь, как ангел Божий, добрую весть принести? Сердцу радость нужна! – с досадой ответила Тамар.

- Прежде Амнон был твоим ангелом Божьим и добрым вестником. Вчера вечером он без меры опьянил себя вином, и отяжелевшие уста его извергли потоки вздора, злобы и клеветы. Он порочил воинство наше, воевод, царедворцев и самого царя Хизкияу. Дерзко возводил хулу на пророка Исайю, сына Амоца, и для учеников его, вчерашних своих товарищей, не поскупился на комья грязи. Потом добавил: “Тебя занимает судьба голубки моей ненаглядной. Повторяю, враг не получит ее. Не погибнет Тамар ни от меча, ни от бесчестья, ни от голода. Я сам ей могилу приготовлю и оплачу за измену!” – сказал и хватил ладонью по столу и сверкнул бешеными глазами. “Давно ли звенели песни любви?” – в изумлении спросил я его. “Другие времена – другие песни!” – возразил мне Амнон и добавил: “Скоро увидишь, сколь много мудрости я взял с собою из Ашура.”

- Господи, за что столько горя? Сердце мое не вмещает! – в слезах воскликнула Тамар.

Зимри ободрился. Слезы – лучшая награда лицедея.

- Ничье сердце не вместит столько! Слушай дальше. Амнон закусил удила и понес. Кричит мне: “Следуй за мной, Зимри, узнаешь кое-что!”

Ночные приключения

Вот идем мы с ним в ночи. Пустынно и жутко. Вижу, костер пылает. Слышу девичий голос: “Матушка, возлюбленный мой Амнон пришел!” Женщина отвечает: “Разожги посильнее огонь, дочка, да призови силы тьмы, тебе подвластные, да покажи милашке своему, на что ты, молодая, горазда!”

Языки пламени взвились вверх, искры вокруг, смрад от серы и смолы. В желтом свете огня я увидел тех, кого слышал: женщина приятного вида и юная девица красоты неопишумой. На головах обеих платки чернее вороного крыла, горящие угольки бахромой обрамляют одежды. Мерно раскачиваются у огня и повторяют: “Жарче, жарче пылай, адский костер! Пусть сердце Тамар ревностью вспыхнет и сгорит до тла!” Молодая ведьма подходит к Амнону: “Порушь твой союз с Тамар!” Амнон взял ее руку, прижал к своей груди и говорит: “Презираю Тамар и богатство ее, я доведу с тобой!”

Тут красавица засвистела, что есть мочи, а потом стала кликать своих: “Сюда, мои подданные, свидетельствуйте предо мной клятву Амнона!” Зашумело, загудело поле, и со всех сторон стали сбегаться дикие звери и всякие чудища, тяжкий дух впереди них катится. Львы рычат, волки скалятся, медведи режут, кабаны зубами скрипят. За ними пернатый сброд: филины и совы, вороны и сороки – крик и гам, треск и карканье. Змеи шуршат и кольцами по земле колотят. Появился дьявол, а с ним чертенята. И вот, начинается самое ужасное – мертвецы встают из могил. Отряхивают с себя прах и маячат в свете звезд. Сердце сдавил смертный страх и я вскрикнул: “Спаси меня, Господи!” А дьявол вопит мне в ответ: “Меж нами не смей Господа поминать!”

Нежная девица приблизилась ко льву, схватила его за гриву крепкой рукой и подвела к помосту. Дикий зверь покорно следовал за ней. Она, не дрогнув, вонзила ему в шею острый нож, нацедила крови в черепок, вымазала ею Амнона и сказала: “Вот, наш союз скреплен, а твой с Тамар – разрушен. Кровь мной убитого льва сильнее крови льва тобой убитого.”

Женщины зарезали двух диких кабанов. Лучшие куски мяса и вино вознесли на помост и принесли в жертву божествам. Остатки туш швырнули в котел. Юная красавица закричала пронзительным голосом: “Слышите ли вы, черти и дьяволы, страшилища земные и

небесные? Вы – свидетели нашего с Амном союзом!” Затем оглушительно свистнула во второй раз, и в мгновение ока исчезла нечистая сила, и скрылась из виду живность поганая.

Готово варево. И стали женщины и Амнон есть мясо и пить вино, что божествам подносили. Остатки вина налили в кувшин и добавили змеиного яду. Затем меня пригласили к пиршеству, да я отговорился. Младшая ведьма пригрозила мне: “Все, что видел и слышал – страшная тайна, и

головой заплатишь за длинный язык!” Не ведая стыда, на моих глазах Амнон предался гнусному распутству с матерью и дочерью, и я не вынес дикого зрелища, и силы покинули меня, и я упал в беспамятстве.

Очнулся я в комнате Амнона, а как вернулся туда – не помню. Вижу, Амнон вручает Пуре кувшин с вином и письмо. “Ты видел мою силу, теперь узнаешь мою хитрость, только рот держи на замке!” – хвастливо сказал мне Амнон и вышел. “Рот держит на замке способный на большие дела, а хвостун – мелок” – подумал я о нем и, выскользнув из комнаты, стремглав бросился к тебе, Тамар. И, слава Господу, кувшин запечатан, и ты жива!

С первобытным ужасом слушала Тамар изобретательную повесть Зимри. Радетель ее торжественно умолк, но долго еще бедняжка немим застывшим взглядом смотрела в никуда. Наконец, ожили уста.

- Дай руку, Маха. Голова кружится, Небо и горы валятся сверху, земля снизу ускользает из-под ног.

- Истину ли слышали наши уши? Не иначе, вино или сон помогли выдумать небылицу. Испытаем сочинителя! – сказала Маха и принесла голубку – любимицу Тамар, подарок Теймана. Маха раскрыла ей клюв и влила вина из кувшина. Мгновение, и пташка захрипела не по-птичьи, забилась, вырвалась из рук и упала замертво. Маха в ужасе обхватила руками голову, Тамар побледнела, как мел.

- Смерть в кувшине этом! Что скажешь, госпожа? – спросила Маха.

- Что сказать? Обступите меня тесней, холмы высокие, скройте от мира мой позор!

Погубитель избрал день сегодняшний моим последним днем.

Зимри, потрясенный успехом дела, принялся рвать волосы на голове.

- Зачем я вчера не умер? За что наказан быть вестником и свидетелем юной жизни крушения? Крепись, Тамар! Сильный дух горю душевному и желчи змеиной противотрава лучшая – вдохновенно воскликнул Зимри.

Долго молчит Тамар. Вздыхает, и, как стон ее вздох. Зимри встревожился.

- Сама просила, госпожа, говорить, не таясь, - оправдывается Зимри.

- Ты был свидетелем ада, и вышел цел, а я лишь эхо слышала. Мне ли сетовать?

- Ведь мужчина я! Да и кто мне Амнон? Ни кум ни сват, чужой! Забудь его и ты. И обещаю, госпожа, тайну хранить, ибо боюсь я Амнона.

- Ты трус, а не мужчина! Ступай!

Непреклонная Тамар

Тамар удалилась к себе. Вошел Иядидья.

- Дочь, ты стала тенью. Печалью не делишься с отцом. Или не помощник я тебе?

Тамар бросилась к отцу на шею и зарыдала.

- Прости, отец, несчастную дочь свою! Кабы не таилась я от вас с матерью, не пришла бы в дом беда. Слишком поздно глупое девичье сердце уразумело личину Амнона. Он мерзости предался и мне стал мерзок. Молю, отец, пощади старика Хананеля, пусть не узнает этот срам. Я привела домой бедствие, мне и изгонять его!

- Скрытность всему виной, дочь. Милей свои глаза в чужой душе, чем чужие в своей. Напиши негодяю письмо и от дома отвадь. Я давно раскусил молодчика, но молчал, ждал твоего прозрения. Этим виноват.

- Не чужим, а любимим безмерные преступления совершены, а посему безмерно мое горе. С ним наедине оставь меня, отец!

Иядидья покинул Тамар, а та в глубокой печали. Хочется плакать, но нет более слез.

Появился Хананель.

- Случилось ли что, бедняжка? – спросил старик.

Тут вернулись слезы. Поплакав, Тамар отвечает.

- Внезапный тяжкий недуг меня поразил. Иссошил сердце, в скукоженную сливу его обратил, и не стало в нем места для Амнона. И это накануне дня, ему предназначенного! В одиночестве хочу горевать. Ты поймешь и не взропщешь, мудрый старик.

- Надейся на Господа, и он поможет, - в испуге произнес Хананель и поспешил к Иядидье и Тирце, сказать, чтоб без промедления посылали за лекарем, за целебными снадобьями и бальзамом.

Тамар одна. Большая обида обращается в великий гнев. Уселась за стол, принялась писать Амнону разящий ответ.

Появляется Тирца.

- Дочь любимая, излей мне душу!

- Чуть потерпи, матушка, лишь сочиню письмо. Потребую от нечестивца навсегда покинуть дом наш и страну.

- И любовь былая, и нынешняя ненависть – твоего сумасбродства порождения. Не забывай, что Амнон спас жизнь тебе и деду!

- За сто лет праведности не искупит Амнон зла свершенного. Закосневшего в пороке не исправишь, как не обуздаешь ветер. Горько проклинать боготворимого.

В комнату входит Уц.

- Госпожа, соблаговоли ускорить ответ. Возлюбленный твой терзаем неизвестностью.

- Передай Амнону, пусть поторопится Сион покинуть. Ворота засовами стучат от нетерпенья поскорей захлопнуться за спиной злодея. Речи его – мед, а дела темны, - ответила Тамар.

- Передай Амнону, что Бог ему укажет путь и воздаст по справедливости. Нет мнений правых и неправых до конца, - добавила Тирца.

- Вот письмо для того, кто свое и мое сердце разбил, - сказала Тамар Уцу.

Понурившись, Уц направил стопы к матери и сестре Амнона и поведал о его беде.

- О, добрый Бог! Ты прежде хранил меня, чтоб не увидела дна чаши горестей моих. Должно быть, настал день! – со слезами воскликнула Наама, - беги, Уц, к Амнону, скажи, пусть отправляется в путь, найдет нас в Бейт Лехеме. Там и Ситри будет ждать.

Не сбылось это. Люди Иядидьи подстерегли женщин в пути и пленили их, чтоб привести к вельможе, а потом выдать на суд старейшин.

Глава 23

“Сердце мое в смятении,
дрожь пронимает меня,
вечер, которого я так ждал,
обратился для меня в ужас”.

Исайя, 21, 4.

Беги, Амнон, беги!

Солнце клонится к западу. Последние лучи скользят вдоль громады Масличной горы. Нет больше духу у Амнона ждать Пуру или Уца с известием от Тамар. С тяжелым сердцем он отправился в город. Вот река Кидрон. Ручей с шумом впадает в нее. Горным хрусталем сверкает беспорочная чистота его, и твердь небесная – цвет его. Мутны воды Кидрона, и быстрая прозрачная струя теряется в широком сером потоке реки.

“Веселым ручьем, по камням беззаботно скачущим, ликовало сердце мое, а нынче темен и мрачен мой дух, как волны Кидрона”, - думает Амнон, - “Чуть-чуть успел испить из кубка блаженства, и уж горести торопятся наверстать свое. Пока пестовал в мыслях росток любви, злая судьба острила серп - нежный побег скосить!”

Думы сии увлажнили глаза Амнона. Он сам не заметил, как поднялся на Масличную гору. Слышит знакомый голос. Это Уц.

- Торопись, Амнон!

- Какую весть принес мне?

- Не медли, Амнон! В словах моих буря, а в руках смерть, - сказал Уц и протянул Амнону письмо Тамар и кувшин с вином. – Вот, что на словах передала Тамар: “Письмом этим на вечные времена расторгается наш союз. Вино возвращаю. Отведай из кувшина, и воздастся тебе!” Я вышел от нее, и меня догнала Маха и успела шепнуть: “Скажи Амнону, чтоб не прикладывался к сосуду, а завтра я сама приду и остерегу от беды, ибо ожесточилась Тамар и смерти его желает”.

Амнон выхватил из рук Уца долгожданное послание и стал читать.

“Подбирающий за жнецом не пропустит колосок, виноградарь не оставит гроздь. Вот и я припомню без пропуска все мои слова любви – избранник, несравненный, возлюбленный – и все твои нежные речи – голубка, единственная, любимая. Припомню, чтобы навсегда забыть.

Ты пьянил сладкими песнями и готовил могилу. Кровавый жених! За что смертельную отраву припас твоей голубке? Нежные трели хищным клекотом обернулись. Слышишь ли ты меня, или глух, как змей, ушей лишенный? Волчица злобная волчонка не разлюбит! Зачем прекрасноокий избавитель угрюмо сматывает спасенной жизни нить? Мерзости тобой свершенные – позор всеобщий, и вслух нельзя промолвить: Господь услышит и покарает весь Сион!

На мгновенье стань прежним Амноном. Скажи, кому назначил смерть жуткую от яда? Кому? Единственной своей? Той, что предпочла тебя всем сокровищам земли, не променяла на владык ее? Твои слова: “Врагу не выдам – сам погублю!” Горе тебе! Образ дивный твой в моей душе я вдребезги разбила, и нет возврата!

Прочь беги, мой отравитель! Где прибежище тебе? К морю придешь – вспенится, в горы поднимешься – громом разразятся. Ни в пещере звериной, ни в гнездилище змеином не скроешь зло свое, ибо жестокостью превзошел ты обитателей убежищ этих. Остерегаю: беги! И слово это – последняя моя милость тебе. Родичи полны гневом и расправу готовят ужасную, а крови твоей видеть не хочу. Дорога твоя – в преисподнюю, судьба твоя – муки, стоны и плач!”

Амнон дочитал письмо. Сердце гулко стучит, и трудно дышать. Написанное языком гнева, читается с ужасом. Он уселся на землю, розодрал одежды.

- Господь смешал нам языки. Слушая, не понимаем, как глухие. Страшный день смятения. Ненависть – не воздаяние любви, и к любящему сердцу грех убийства не пристанет. Здесь дух злоумышления и клеветы. Бедняжка введена в обман коварный. Пойду к ней, и все разъяснится, вернется счастье, - сказал Амнон изумленному Уцу.

- Прекраснодушия довольно, Амнон! Жизнью не играй! Не шутит Маха - госпожа ее твоей желает смерти. Кувшин с отравленным вином не вразумляет? Уж лучше бы изменщица сама испила зелье!

- Молчи и не порочь святое имя!

- Упрямство слепо! Столь дорога она тебе, что смерть от ее руки красна? Лишишься жизни, как преступник, и правда с тобой умрет. Беги, спасая душу!

- Убегая, душу не спасаю, а гублю. Мрак горя в ней не осветить, пока она черна в глазах Тamar.

- Так следуй материнскому приказу и мчись в Бейт Лехем. Там мать с сестрой и Ситри с Авишаем будут ждать.

Амнон рассеян. Уца слышит, но не внемлет ему. Говорит, словно во сне.

- Отправляйся, Уц, к Тamar. Скажи возлюбленной, что я жду ее под оливковым деревом, тем самым, на котором вырезаны наши имена на память. Сердце переполнено любовью, так много нежных слов на языке!

- Блажен без дум живущий! Опомнись, Амнон!

- Птицы пропели и угомонились. Душа моя когда угомонится? К дереву нашему пойду, вдохну чудесный аромат листвы. О, наслаждение! Увижу Тamar, мой дух воскреснет!

Ах, что я, безумный, говорю? Сон бессилен, явь неодолима. Не свадебный венок, позора чаша мой удел. Кто в доме заживет, что для меня построен? Нет, я не жених кровавый! Я обвинен, а нет вины!

Как прекрасен ты, великий Иерусалим! Привет тебе, город Храма, привет и тебе, чистая голубка моя! Нет и не будет гнева в душе моей, только бы Бог на тебя не гневился! – закончил Амнон.

Столь вдохновился он высоким слогом своим, что не заметил, как появился Тейман верхом на коне.

- Бери коня, Амнон, и скачи без оглядки, не медля. Мечь и меч над твоей головой, - выпалил Тейман, слез с коня, и ушел, и не обернулся.

Амнон очнулся от грез. Мгновение, и уж он в седле.

- Я скачу в Бейт Лехем, а ты, Уц, доставь туда мать и сестру побыстрее, ибо я там не задержусь, - сказал Амнон.

Исполнив последний долг дружбы, Тейман направился к Тamar и, как ожидал, застал ее в слезах. Но слов утешения нет у брата.

- Сестра, забудь сияющую красу Амнона, приготовься быть супругой Азрикама. Такова воля Бога, так желает наш отец. Вечером явятся старейшины и засвидетельствуют ваш союз, - сказал Тейман.

Тут вошел Хананель.

- Я все слышал. Не бывать тому! Не Азрикаму я свои сокровища назначил.

- Дед, милый, спаси от Азрикамовых объятий! Не под силу мне два горя враз нести. Пусть выбросит из головы, что полюблю его лишь оттого, что Амнон мною изгнан. Мне ненавистен Азрикам. Судьба моя вместит лишь одного героя. Он был уже и он нарушил верность. Замены не хочу, ведь равного ему нет на земле.

- Кто знает истинную Амнона вину? И не введен ли в заблуждение твой отец? Неужто сердце доброе и юное принадлежит закоренелому злодею? Терпение. Сперва узнаем, что пленницы поведают старейшинам. Исследуем все и предоставим разуму руководить, - рассудительно заметил Хананель.

Заходит Тирца.

- Вот, привели двух ведьм. Не диво, что Амнон разума лишился. Младшая сказочно красива, - сказала Тирца, покосившись на детей.

Тamar смешалась. "Где Маха?" – только и нашлась сказать.

А Маха уж за городской стеной. Устремилась вслед за Амноном.

Попытка расследования

Под охраной стражников Наама и Пнина доставлены в дом Иядидья. Мать укутана платком, лицо дочери открыто. Иядидья распорядился послать за Зимри. Увидев двух женщин, причину своих бед, Тamar содрогнулась.

- Ах, отец, взгляни на этих несчастных! Некому пожалеть бедную мать, беззащитная скромная дочь! – сказала Тamar с насмешкой, что ранит больше ненависти. Потом взорвалась. – Попались, негодные! Ограбили меня, душу растерзали, отравить задумали. От возмездия не уйдете!

Наама не нашлась, что ответить, лишь слезы выступили на глазах. Пнина молчит. Тейман во все глаза глядит на Розу с горы Кармель, и горько на сердце, и немые уста.

- Отвечайте, Бога послушницы, давно ли знаком вам Амнон? – сурово спросил Иядидья.

- Если злодеи возвели клевету на нас, возьмите мою душу, а мать не троньте. Ни к чему мне этот мир, оскверненный живущими в нем! – ответила Пнина.

Появился Зимри, увидел гостей и побледнел от страха.

- Не бойся, Зимри, в моем доме они не сотворят зла, - успокоил Иядидья своего домоуправителя.

- Внемлите мне, грешницы! – обратился Зимри к женщинам, - Бог создал землю и простер над ней небо, ибо Он велик. А великий - великодушен и потому может простить. Пусть истина правит вашими устами, и удостоитесь милости.

- Вельможи всевластные! Хотим предстать перед лицом обличителя нашего, и пусть скажет, чем провинились перед Господом, и найдем ответ, - сказала Наама.

- Не тебе, проклятая ведьма, поминать Господа! Чертей и нечисть адскую призывай! – вспыхнула Тamar.

- Признайся, красавица, что знаешь Амнона и голову ему вскружила. Уловки и обман лишь повредят, - сказал Хананель, обращаясь к Пнине.

- Бог защитит нас, - спокойно и гордо ответила девушка. Достоинство не склоняется перед силой.

- Заприте этих двух в верхней комнате, - приказал Иядидья стражникам, - пусть ждут прихода старейшин и суда. Потом призовите Азрикама.

- Молю, отец, не отдавай меня в объятья ненавистного!

- Дочь любимая, единственная! Забудь вздор сердца неразумного!

- Не выслушав Амнона и Пуру вездесущего, мы истину не установим, - заметил Хананель.

Стражники увели женщин и отправились к Азрикаму сообщить, что Иядидья ждет его. Вошел старый и больной Авишай, опираясь на руку своего брата Ситри.

- Господь дал мне силы подняться с постели, чтобы приветствовать тебя, Иядидья, в твой лучший день – день свадьбы Тamar и Амнона – и радоваться твоей радости, - произнес старик Авишай.

- И убеленного сединами жизнь может удивить. На свадебном пиру не сладкая песня кинора, а вой нечистой силы подобаает жениху, - ответил Иядидья.

- О чем ты? – изумился Ситри.

- Ты знаешь Амнона с молодых ногтей, тем больней тебе услышать, что он польстился на красоту юной ведьмы, злодеяния которой достойны ада, - ответил Иядидья.

- И это – Амнон!? Не иначе Господь низверг на землю ангелов небесных, а нечестивцев поселил на Небесах! – в изумлении воскликнул Ситри.

Одиноким волком бреду во тьме. Над головой небеса грохочут, под ногами земля скрежещет, ветер в уши кричит: “Прочь, нечестивец!” Горе мне! Всей воды в реке не хватит кровь материнскую с рук смыть. Море не затушит пламени, отца погубившего. Куда бреду я? Позор и смерть мой удел! - слышна неизвестного путаная речь.

Встречного остановили, не дают пройти.

- Твои уста свидетельствуют о тебе и против тебя. Говори, кто ты таков! Не запирайся, надеясь на тьму. Лишь до рассвета спасешься ложью, а молчанием преступление усугубишь!

Тут подоспел начальник стражи.

- Я был на пожарище. В городе беда. Огонь свирепствует.

- Нам случилось схватить вот этого молодца. Полагая, что его не слышат, он клял себя, как поджигателя и убийцу. Сейчас молчит, словно безгласная овца, и мы не знаем, кто он и откуда.

- Ведите его в дом к Иядидье, где собираются старейшины. Они разберут дело и свершат праведный суд, - сказал начальник стражи.

Послушные приказу, стражники препроводили человека к Иядидье.

Старейшины с достоинством восседают в парадном зале и внимают свидетельству Зимри о дьявольском действе. Две женщины, мать и дочь, с изумлением и ужасом слушают историю о себе, и только руками всплескивают, и не знают, как защититься от наговора, и всхлипывают. Тamar сидит в своей комнате, дверь открыта, прислушивается.

Ввели в зал Азрикама. Тот увидел рассказчика и ловко просунул руку под плащ. Молнией блеснул острый меч, и рухнул на пол смертельно раненый Зимри.

- Получай плату за совет! На сей раз железом, не золотом! - взревел Азрикам.

- Убийца! Хватайте его! – возопили старейшины.

Азрикам, осатанев от вида крови, уж замахнулся мечом на Нааму и Пнину. Проворный Тейман перехватил преступную руку. Подоспели стражники, отняли меч, усмирили безумца. Влетела в зал Тamar, ужас в глазах. Умиравший Зимри прошептал: “Каюсь! Амнон – святой, я и Азрикам – злодеи!”

Тamar содрогнулась. Ситри и Авишай ошеломленно уставились друг на друга. С улицы послышались крики и стоны - доставили обгоревших на пожарище.

Отворились двери, и вошли сыновья Ахана.

- Брат наш Наваль – убийца и злодей! Нас и отца нашего Ахана, и Хэфера и Букью заманил в амбар, запер дверь снаружи и зажег огонь. А мать нашу Хэлу зарубил мечом.

- Кто такой Наваль? – вскричали все разом.

- Он перед вами, наш брат родной. Знают его, как Азрикама, сына Иорама, - ответили сыновья Ахана.

- Желаем взглянуть на пострадавших в огне, - заявили старейшины.

- Отец и Хэфер и Букья еще не умерли. Живые головешки. Мы вытащили их из пламени. Сами, сильные и молодые, спаслись, - сказали сыновья Ахана.

Стражники внесли недвижимых. Хэла мертва. Ахан, Хэфер и Букья черны, громкими стонами с жизнью прощаются.

- О-о-о, тяжко преступление мое, - выдавливает слова Ахан, - восемнадцать лет тому назад судья Матан подстрекнул меня поджечь дом ненавистной ему Хагит. О-о-о, сгинула она, а сына моего Наваля я представил Азрикамом, что погиб вместе с Хагит, матерью своей. О-о-о, это не все. В поджеге обвинил Нааму, благонравную жену Иорама.

- О-о-о, наши преступления не легче, - простонали Хэфер и Букья. – По наущению Матана тайно переправили ему сокровища Иорама, ложным свидетельством очернили имя Наамы. Когда лишился разума судья, сожгли его дом.

- О-о-о, благородная Наама с дочерью живут в бедной хижине, верните оклеветанным их владения, - добавил Ахан.

- Я опорочил Амнона и двух женщин, которых до сего дня не знал, - присоединил свое признание Зимри.

- Начавших лгать не остановишь: одну ложь десятью подтвердить нужно, - заметил Ситри, подводя итог потоку саморазоблачений.

Ситри поразил всех

Невозможно описать изумление Иядидьи и Тирцы, Теймана и Тамар.

- Не ведьму, а достойную девицу, писаную красавицу и дочь воеводы Иорама полюбил Амнон. Он чист! – воскликнула то ли счастливая, то ли несчастная Тамар. – Ах, а мне-то как жить с этим?

Тирца подошла к Нааме, осторожно сняла с нее платок, и женщины обнялись, и слезы на щеках, и нет слов. И Иядидья безгласен.

- А где же избавитель и наследник мой? – прервал молчание Хананель.

- О, Наама, достойная супруга Иорама, лучшего товарища моего, - торжественно заговорил Иядидья, - Господу потребовались огонь и меч, чтобы хулителей твоих покарать и истину восстановить. А мне позор положен, ибо я поверил лжи, на тебя возведенной.

- Выслушай меня, отец! – воскликнул Тейман, падая на колени.

- Говори, сын.

- Эту девушку я люблю больше жизни, и она меня любит, - сказал Тейман и указал на Пнину. – Она не открыла мне ни тайну свою, ни имя, боясь гонителей. Ее сердце терзали злые слова оговора, и я, поверив, терзался. Ее душа – моя душа, и без нее мне не жить!

- Не торопи любовь, юноша, чтоб не соседствовала с враждой, которую прежде истребим в наших сердцах, - заметила Наама. – Скажи, нежная Тамар, отчего со рвением примкнула к тем, кто нас с дочерью колдуньями ославил?

- Я люблю Амнона, и как узнала, что он очарован твоей дочерью, не могла с безумной ревностью совладать. Да ведь мы обе, я и Пнина, можем быть женами Амнону! – в отчаянии воскликнула Тамар.

- Кто отчаивается, тот не утратил надежду. Разве дочь Иорама, воеводы в Иудее, станет женой пастуха? – обращается Ситри к Тамар. – Теперь же скажу нечто, и услышите и поразитесь! Амнон и Пнина – близнецы, дети Иорама и Наамы. Воспитывал Амнона мой брат Авишай, а Пнина с матерью тихо жили на горе Кармель и кормились, подбирая колосья за жнецами. Безмолвна и терпелива настоящая мука. А жители тех мест звали девушку Розой за ее красоту.

- О, восторг! Вы мне, как мать и сестра! – вскричала Тамар и бросилась навстречу Нааме и Пнине. И силы покинули ее, и она упала без чувств.

Иядидья и Тирца изумились безмерно словам Ситри. Впрочем, храня самообладание, подхватили под руки дочь и уложили на постель.

Старейшины, не желая смущать хозяев, удалились.

Зимри готов покинуть мир. В глазах его – скорая смерть. Связанный по рукам и ногам, Азрикам с ненавистью смотрит на него.

- Это ты, Зимри, до золота алчный, добавил яду змеиного в вино и меня подбил на поджег! – выкрикнул Азрикам.

- Ах, Зимри, - вмешался Тейман, - ты свят и беспорочен! Отчего не возразишь словам негодяя? О, чистый сердцем, рьяно молившийся Господу и за всяким советом поднимавшийся в Храм! Зачем глаз злобный на меня остришь? Язык твой – жало гадюки и смердишь, словно трупом стал при жизни. Дорога тебе в преисподнюю, и путь близок!

- Теперь ясна причина нашей затаенности? - обратилась Наама к Тейману. – Ты видел тернии, что окружали розу, и мучали, и угрожали смертью. Среди утеснителей был Азрикам. Самозванец и сластолюбец, сулил в награду Пнине и без того законные ее владения, угрозами хотел к замужеству принудить.

- Я преступен перед Богом и людьми, я обесчестил себя! Молю, Тейман, заруби меня мечом, и в мире станет меньше мерзости! – вскричал в отчаянии Азрикам.

- Не оскверню оружие кровью гнусной ехидны! Под копытами быков и ослов встретишь смерть, добычей шакалов станет твой труп!

Где Амнон?

Вернулась Тирца из комнаты Тамар.

- Прикажи, Тейман, чтоб убрали с глаз наших и из дому удалили сих живых и умирающих – ни Богу ни людям не угодных, - сказала мать сыну.

Тейман распорядился. Наваля передал на суд братьям. Все женщины собрались в комнате Тамар, к которой, наконец, вернулись силы. Она со слезами обняла Нааму, затем Пнину, взмолилась о прощении.

- Кабы знала я вчера то, что знаю сегодня - любимый Амнон был бы с нами! Того не ведая, так много зла всем принесла! Простите!

Объятия и поцелуи стали знаком мира.

- Господь утер ваши слезы и величие и сан вернул. А мою муку кто постигнет? Я горевала о простом пастухе, а он оказался сыном воеводы в Иудее, и горе мое умножилось! Кого я изгнала, безумная! И вернется ли? – причитает Тамар.

- Мудрый Ситри, проста и велика была твоя правда, а я – глупец! – воскликнул Иядидья. – Не смертных и грешных, лишь Бога одного слушать надобно! Жаль, что не от тебя, от Зимри эту мудрость усвоил. Ни огонь, ни вода, ни дикие звери не сотворят того зла, на какое горазд корыстолюбивый супостат, в одежду праведника рядящийся. Слава Господу за суд правый и кару справедливую!

- Я крепко на Бога надеялся, и, вот, сбывается мой сон! – воскликнул Хананель. – Амнон вернется и рассеет нашу печаль. А сейчас, достойные Наама и Пнина, занимайте законные свои владения. Слишком долго играла вами злая судьба.

- И я жду перемен в судьбе: целым останется кольцо, и более не разлучится камень с оправой, - сказал Тейман Наааме.

- Не разлучится и сын с матерью, скорей бы только вернулся! – ответила Наама.

Тейман открыл тайну своей любви. И немало всех удивил, рассказав, как встретил красавицу на горе Кармель, как воспылало его сердце, как расстался с Розой, как горевал.

- О, воистину рука Господа видна в моем союзе с Иорамом! Из дружбы отцов родилась любовь детей! Бог вступился за семью Иорама, Бог не даст в обиду Сион, не допустит Ашур в свою обитель, священный город Иерусалим! – Торжественно произнес Иядидья.

- Ярko сияет праведность ваша, и лучи ее греют мне душу, - обратилась Тамар к Наааме и Пнине, - вот только бы Амнон поскорей вернулся! Я знаю, он простит, ведь я так люблю! Оттого и ревность моя страшна!

Вечер миновал и кончилась ночь. К утру, насытившись вдоволь тяжкими муками, испустили дух неугодные Богу. Раны изгоев болят вдвойне. Мстя за отца, братья лишили жизни Наваля. Справедливость права, даже если казнит.

В полдень Иядидья с семейством проводил Нааму и Пнину в их владения. Ситри и Авишай остались с ними, чтобы беречь покой женщин в тревожные дни, ибо войско Санхерива переправилось через реку Парат, а жители столицы взялись за укрепление крепостных стен.

Вернулись гонцы из Бейт Лехема: Амнона не застали. Говорят они Иядидье, что пастух, у которого Амнон провел ночь, рассказал им, как тот ждал мать и сестру и молился за них. Под утро понял, что не придут. Он написал письмо для Тамар, а сам ушел и не сказал куда.

Гонцы вручили Иядидье запечатанный свиток и прибавили, что пастухи в Бейт Лехеме схватили и связали Пуру, пытавшегося убить Маху. И вот, они доставили обоих. Пура жив и здоров, а Маха жестоко изранена и едва дышит.

Иядидья распечатал свиток, прочитал письмо, и лицо его омрачилось.

- Держите в тайне то, что вам известно об Амноне. Если Тамар узнает – с горя умрет. Объявите всем, что Амнон, и с ним еще воины, отправились в Таршиш. – Сказал Иядидья гонцам.

- Поступим по слову твоему, ответили те.

Тут появилась Тамар, и Иядидья поспешно спрятал свиток.

- Отчего ты мрачен, отец? Случилось ли что? – с опаской спросила Тамар.

- Узнаешь у гонцов, дочь.

Те повторили слова Иядидьи.

- О, горе мне, отец! Амнон не вернется! – в ужасе закричала Тамар.

- Не предавайся отчаянию дочь и не теряй надежду. Тревога не о тех, кто вдали, время за близких страшиться. Санхерив наступает, и что станется с Сионом? Доля многих тяжелее твоей, и этим утешься. В радость ли с избранником сердца сидеть взаперти, в осаде, в нищете и лишениях? Надейся на Господа, изгнанников Сиона оберегающего. Непременно настанет день спасения, и непременно вернется Амнон.

Как мог, успокаивал Иядидья дочь свою, но не преуспел. На помощь ему поспешили Хананель, Ситри и Авишай. Все тщетно. Лишь опасность всеобщая заместила в сердце Тамар одну беду другой.

Наконец, удостоились внимания Маха и Пура.

- Я умираю, и мне незачем лгать, - с трудом говорит Маха. – Я полюбила Амнона с первого взгляда. С задней мыслью соединилась с его врагами. Пура домогался меня. Я уговорила его прибавить клеветы на Амнона. Успешным было злоумышление, и Амнон бежал, и я за ним. Пура настиг меня, и удар был точен, и вот, я умираю. Себя виню.

Пура подтвердил слова своей жертвы. Его заперли под замок и оставили дожидаться суда.

Глава 25

Спасительная вера и верное спасение

В смятении пребывает город Господень. Днем и ночью слышны стоны умирающих с голоду. Тут грохочет молот, там стучит топор – горожане порушают дома, камнями и деревом укрепляют городские стены. Лица темны, и надломился дух. Иудея взрастила сынов, сыны Иудеи спасают мать-родину.

Царь Хизкияу собрал войско – десять тысяч отважных сердец. На площади он обратился с речью к бойцам и прочему народу.

- Слушайте меня, дети Сиона! Перед нами враг, и полчища его бесчисленны. Лязг и скрежет, вопли и крики раздрают уши, но не дождется трусливого отклика устрашающий нас. Не робейте душой и укрепитесь духом. Могучи ратники Санхерива, но вам, воинам Сиона, сам Господь дал силу, и посему не их, а вас ждет победа. Несите в сердцах веру в Господа, и непреклонны будьте в уповании на Него, и увидите чудеса, которые сотворит Всевышний, спасая Иерусалим, обитель свою. Тот, кто не верит – всего боится, а в желанное верить

легко. Здесь остановится и окончит кровавый победный путь покоритель мира. Воочию узрим, как в Сионе начнется и весь Божий мир обнимет праведный суд. И народы возблагодарят Бога и вас, героев Иудеи. Помните: спаситель наш – Всевышний, и только Он! – закончил Хизкияу.

Не только царь Хизкияу вещает народу в эти смутные дни. Писца Шэвну не забудем упомянуть. Речи его родят страх в сердцах и сумятицу в головах. Поборники его – тринадцать тысяч душ числом – души робкие, рыхлые, хитрым расчетом ведомые. Внемлют писцу, а тот вдохновен.

- Кому дорога жизнь, кто любит Сион, тот последует совету моему и покорится Санхериву, дабы враг не обратил священный Иерусалим в груды развалин. Посулы Хизкияу – пустые мечтания. Не залатать дыры в крепостных стенах, хоть полгорода на камни разбери. Голодного не накормишь супом из его собственного мяса. Тесаные глыбы кричат: “Не губите!” Балки дубовые вопят: “Пощадите!” Бывает, вера одних – безумство для других. Такой верой город не спасти. Запрем ворота Сиона – распахнем ворота в преисподнюю. Орды ашурские клокочут неудержимой рекой. И волны ее выше стен Иерусалима. Коли не будет разумен наш дух, к духам мертвых причислимся! Неподкупного Равшакэя, военачальника Санхерива, удостоимся встретить. Склоним голову и будем жить.

А чем Хизкияу нас обнадежит? Уж не казной ли откупится? Да он золото из дворца своего и из Храма Господня давно Санхериву переправил в обмен на милости, коих не дождался. Уж не доблестным ли войском своим врага остановит? Влезьте-ка на крыши домов ваших да взгляните за городские стены – черно от железных кольчуг, светло от медных шлемов, так велика ашурская рать! Или союзники руку помощи подадут? Да ведь когда послы царские в Цоане египетском кланялись, у друзей душа в пятки ушла, лишь услышали просьбу. Хизкияу полон веры, но нерадиво распоряжается нашим общим сокровищем – Сионом. Вот уж почти вся Иудея покорена. Голод свирепствует. Испражнения человеческие стали пищей. Обезумевшие матери пожирают младенцев. Горе, болезни и смерть в земле нашей. Есть одно утешение у побежденных – понапрасну на ждать утешения. Подчинимся Ашуру и спасем Иерусалим, жемчужину Сиона!

Слово матери

Наама и Пнина живут в своих пустых хоромах. Иядидья заботится об их пропитании в голодное осадное время, а Тейман и Тамар навещают. Как-то видит Тейман, что Пнина грустна безмерно, и глаза красны от слез.

- Благородная девица! Когда ты радуешься, очи твои сияют, как яркая луна меж легких облаков, когда грустишь, слезы на щеках блестят утренней росой. Отчего горестно тебе?

- Я так несчастна, мой господин!

- О, прошу, не говори мне “Господин”! Ведь это ты покорила мое сердце и стала госпожой его. И все же, почему горюешь? Нынче судьба к тебе благоволит. Даже недоброй памяти Ахан, подлый поджигатель и изначальная причина бед, признанием в преступлении вернул вам с матерью принадлежащее по праву. Светит солнце и в твоё окно!

- Ты прав, вернулись свобода, имя доброе, владения, достаток. Заново открылось, что я рода благородного, дочь воеводы Иорама. Но где отец, и что с ним? Участь матери – вдовство, и она лишилась сына. Брата удел – скитания и горести. Так-то благоволит ко мне судьба? Как видно, исчезновение начальной причины бед не возвращает счастья. Суров Господь к дому Иядидьи. Иерусалим в осаде. Дочери Сиона находят укрытие за спинами

отцов, мужей и братьев. Нет у меня ни отца, ни брата, и кто от бесчестия спасет, если вступит в город враг? От мыслей этих глаза красны, и слезы на щеках.

Тейман не в силах оторвать взгляд от прекрасного лица.

- О, чародейка! Ты говоришь, а я слежу лишь за движением уст, я очарован и с трудом ловлю слова. Ты горюешь о брате, и я печалюсь о нем, ведь и мне он был, как брат. Назови меня братом в горестный день, а придет день радости и стану больше, чем брат. Назови меня братом, и доблестью исполнится мой дух, и сердце героя застучит в груди. Враг устрашится меня, как львицу, детенышам сосцы дающую. Стрелы Ашура для меня, что капли дождя над головой. Копья воинственных Эйлама сынов – сухая трава. Я твой щит, лишь братом назови!

- Словом ли пробужу геройства дух? На что тебе плакса? Приедаются вздохи да слезы!

- Мне плакса эта всего на свете дороже! Сгинул терновник, и роза предо мной. О, нежная, верни мир душе моей, и Бог вернет тебе радость!

Вошла Наама, и слова упрека на устах. Невзначай слыхала разговор.

- Кто желает веры словам его, тот не хвалится. Вы, молодые, тужите о далеком, а близких бед не видите! Ведь город Господень в смертельной опасности, и Амнон скитается неведомо где. Слушайте слово матери. Если благоволит Господь дому Иорама, то не позволит угаснуть факелу рода его и возвратит драгоценного моего изгнанника, безвинно отверженного, и союз Иядидьи и Иорама пребудет в силе. Но если пропадет на чужбине Амнон, значит не угоден Господу сей союз, а потому, милые дети, и ваш брачный кинор не запоет. И камень не вернется в оправу кольца.

Прошу тебя, милый Тейман, терпеливо жди решения Божьего, и до той поры позабуди дорогу к дочери моей, и не бери раны, коих слишком много для юных лет ее. Ведь мужчина ты! Чем тяжелей приходится, тем крепче дух. С достоинством жди суда. Кто знает, может ваше с Пниной терпение добавит каплю жалости Небесам, и вернуться домой изгнанники Сиона! – Закончила Наама.

- Пнина – это жизнь моя и весь мир. Не увижу ее, и тьма пред глазами, и пути Господни скрыты от меня. Исчезнет чудный лик, и утрачу мужество, и сердце размякнет. И она, и я, и Тамар, безмерно любим Амнона, и мука нам без него! – воскликнул Тейман и заплакал. Тут и Пнина присоединила свои рыдания к мужским слезам. А Наама гордо молчит.

С этого дня Тейман не беспокоил более Пнину, а сидел дома и все горевал. Когда в одиночестве, а когда вместе с Тамар.

Глава 26

Иорам

Не дождавшись матери и сестры, Амнон покинул Бейт Лехем и отправился в город Азэка. Присоединился к таким же, как он, беглецам, и все вместе двинулись на юг в сторону Египта. И на беду странников, возле города Экрон им навстречу вышел вооруженный отряд филистимлян. Они пленили иудеев и продали их, как рабов, на корабль, который отплывал к греческому острову Кафтор. Греки превратили пленников в виноградарей и хлебопашцев. И был на острове еще один иудей, что попал в плен давным-давно, во времена правления царя Ахаза. Его-то и назначили надзирать над новичками, ибо он понимал их язык.

Живописен остров Кафтор. Море, берег, синее небо. Ухоженные виноградники и поля. Холмы изумрудно-зеленые. Ласковые волны катятся по песку, и чудный аромат парит над землей. Воспоминаниями, как железными раскаленными клещами, сжимает сердце Амнона

красота эта. “Покинул Сион и милый Иерусалим. За морем оставил любовь и не увижу больше родимой матушки и прелестной сестры. Саженец, что принялся в тучной земле, завянет, пересаженный в соланчак. Не станет деревом, плодов не даст, листва его пожухнет, и погибнет он. Вот и я зачахну на прекрасной чужбине”, - думает Амнон.

Пришло время окапывать и прореживать виноград, и сыны Иудеи трудятся усердно. И Амнон среди них. Тяжелая работа не притупляет горе. Надзиратель заметил скорбь на лице юноши.

- Весна наступила, обновила землю и обновила сердца. Гони прочь уныние. Молод ты, и кому, как ни тебе, жизни радоваться должно? Не прозевай годы, не проплачь юность! Да и о чем печалиться тебе? Хозяин виноградника тобой доволен, а я вдвойне люблю тебя, земляка. Ведь и я из Сиона родом, и душа моя и ныне там! – обратился надзиратель к Амнону.

- Не перестану быть рабом, оттого, что хозяин доволен мной. Сегодня доволен, завтра побьет. Я юн годами, но груз несчастий за спиной не осрамит и старика, - начал Амнон. – Я потерял возлюбленную, покинул мать и сестру. Как яйцо из птичьего гнезда, был похищен у родной земли и заброшен на чужбину. Беззащитность, тоска, одиночество. Ветру посетую, или волне морской – вот утешение. Нет, господин, солнца свет не для побитых судьбой, и не для них в наряд весенний оделся мир. Кто даст мне крылья птицы, чтоб море перелететь? Вернулся бы к горам сионским, и с милой, коли жива, умчался бы на край света, где людей нет, а значит нет ни зла, ни клеветы, ни лжи. Но если Иерусалим повержен, и торжествует враг, и душа возлюбленной на Небесах, то обойду развалины святого Храма, и раздеру одежды на себе в знак скорби бесконечной, а затем уйду в пустыню, чтобы скитаться и дух поскорее испустить.

- Я увидел глубокую печаль твою, и жалость затопила сердце, - сказал надзиратель. – А теперь, юноша, выслушай мою историю. Я знатного рода. Я вкушал роскошь и наслаждения, почет и довольство, величие и преклонение. Дворцы, покой, любовь. Девятнадцать лет назад все рухнуло вмиг. Избалованного судьбой Бог бросил на чужбину – терпеть муки и в низости пребывать. Да разве довольно этого? В Сионе огонь поглотил мой дом, и погибли в пламени супруга и двое сыновей. Но и этим не насытился гнев Господень. Весть об измене любимой жены разбила мне сердце. Вот уж десять лет минуло, как люди из Иудеи донесли мне о домашних бедствиях, и в сердце сушь, пустыня. Не стану скрывать свое имя. Пред тобой в обличьи жалкого раба стоит Иорам, прежде знаменитый в Иудее воевода. Говорит ли тебе о чем это имя, юный земляк мой?

Услышав, Амнон побледнел. Сходные беды делают души сходными, родят сострадание. Горечь падения известна и Амнону.

- Как ты испуган! Все в руках Господа. Он возносит и низвергает. Видишь, я бодрость противопоставил бедам, умею радость находить, тебе подал пример! - воскликнул Иорам.

- Найдется ли муж, что, увидев, как смерть пожирает жизнь, а горе убивает счастье, не дрогнет сердцем? Свои невзгоды прибавляют чуткости к чужим бедствиям. Значит, ты тот самый Иорам, чье имя до сих пор на устах старейшин у ворот?

Бывший воевода стал расспрашивать юного друга о судьбе близких, и Амнон отвечал. Добавил и о бесславном конце судьбы Матана. Иорам удивился тому, что голос юноши дрожал, когда тот рассказывал об Иядидье.

Беседу прервал владелец виноградника: “Не для того поставил тебя надзирателем над рабами из Иудеи, чтоб ты их от работы отвращал! – по-гречески крикнул Иораму хозяин сада. Отчитал вельможу и добавил: “Ты отвечаешь за этих людей, и с тебя спрошу!”

И разошлись Иорам и Амнон, каждый к своему занятию.

“Он бодр или бодрит себя? И то, и другое – от страха!” – подумал Амнон.

Амнон занемог

Утром следующего дня Амнон пораньше принялся за работу в винограднике. В теле лихорадка, и дух угнетен, и не поймет Амнон, что чему причина. Небо переменчиво, и свежий морской ветер гонит легкие облака от края его и до края. Амнон уселся на вершине холма, и ветру и солнцу доступен.

- О, светило небесное! – обратился Амнон к пробивающемуся сквозь высокие легкие облака солнцу, - весь мир Божий ты дозором обходишь за день. Ни доброе, ни злое на земле не укроется от лучей твоих. Помнишь ли, солнце, как, заключая союз с Тамар, призвал тебя в свидетели? А теперь будь нашим посредником. Должно быть, в эту минуту Тамар, как и я, говорит с тобой, взойдя на Масличную гору. Горячие лучи твои принесут мне слова ее “Цени надежду жизнью”. И те же лучи зальют ярким светом мою безвинность и весть о ней пошлют любимой в ответ.

Расскажи Тамар о несчастьи моем, о труде рабском, о бедах любви. Ответь, как стану учиться путям Господним вдали от родной земли и пророков ее? Ах, солнце, ты бесчувственно зришь муки родного Сиона. Гневный Бог карает за грехи милую родину, и рушится мир. В смертной схватке бьются огонь и вода, вода и земля, земля и небо, небо и преисподняя. В руки Санхерива вложил Господь карающий меч. Сыны Ашура и Эйлама рушат стены и башни Иерусалима. Копий густой лес и стрел черные тучи. Насмерть сраженными падают на землю защитники города. Кровью стариков и младенцев залиты мостовые и площади. Дубина гнева Господня без разбору бьет по темени святого и расшибает череп грешника. Ах, солнце, лучи твои обегают мир, но их свет и тепло не спасают его. Они безучастны к злу, равнодушны к добру, – говорил Амнон, по-прежнему обращаясь к дневному светилу.

Иорам стоял неподалеку и слышал горькие слова, но не выдавал себя. А Амнон все не уймется никак и продолжает пышную речь, хоть лихорадка и путает язык.

- Скажи мне, солнце, где матушка моя, где сестра? Что случилось с родными душами? Передай им, пусть поскорей поднимутся на Храмовую гору и прольют слезы над разрушенным жертвенником. Поторопись, светило, покуда невинная кровь не оросила землю.

Прибой морской грохочет воплями убиенных на Масличной горе. Словно великий стон над горой Перацим, где древний царь Давид разбил Филистимлян.

Тамар, голубка моя нежная! Миновала ли тебя злая участь, не в плену ли? Что с тобой, Тейман? Ты верен был мне до конца!

О, солнце, ты светишь всем и везде, ты видишь все горести мира. Бесстрастно ты, и легко тебе. Сжался хоть раз! Протяни руки-лучи, унеси к родимой матушке, к сестре любимой. Вместе погибнем. Жизнь разлучила нас, смерть соединит! – воскликнул Амнон и рухнул на землю. Лихорадка взяла последние силы.

Иорам поспешил на помощь.

- Бедный юноша! Жар в теле смешал мысли, удесятерил страдания. Болезнь наступает легконогой ланью, отступает улиткой. Он так красив! Лежит на траве, как цветок, задетый небрежной ногой.

- Сжался надо мною, господин, - с трудом проговорил больной.

- Ты мне, как сын! Выхожу тебя, вновь будешь полон сил!

Страшный сон

Не ошибался Амнон, полагая, что Тамар в мыслях своих взывает к нему с Масличной горы и просит солнце быть посредником. Пуще него самого печалится девица, денно и ночью слезы льет, кается, тоскует.

Четырнадцатого дня весеннего месяца нисана, накануне праздника Пэсах, Ситри навестил Тамар в ее уединении, увидел привычные слезы и придумал, как утешить.

- Бедствие в Иудее, вопли и стоны рвутся в небеса, а тот, о ком плачешь, покоен и сыт на чужбине. Надо ли горевать? – обратился Ситри к Тамар.

- Скорблю о том, что не вернется Амнон! – воскликнула Тамар.

Появившийся Иядидья помог Ситри, добавив успокоительных слов.

- К чему тревожить души умерших, дочь моя? Любовь к мертвецу, как и сам мертвец – в прахе место их. Гибнет Сион. Не Амнон к нам, но мы к нему придем, ведь он в могиле!

- О, что я слышу? – вскричал Ситри.

- Да, погиб Амнон от руки Ашура. Беженец из Гиват Шауля поведал мне, что видел, как везут пленников, все молодые и из благородных, а руки тетивой лука связаны. Один из юношей был мертв – рана от меча. Кудри черны, кожа чиста и бела. Я расспросил беженца, какие тот еще приметы видел. И верно: по всем знакам – Амнон это. Однако, так много жизней погубил Санхерив, а ты, дочь, плачешь об одном!

- Кто знает, - возразил Ситри - вдруг здесь ошибка, и то был не Амнон вовсе? Однако, коли погиб наш герой – напрасны слезы, не воскресить убитого. А если жив, тем паче нет причин для причитаний – ведь вернется! Живи надеждой Тамар, и не вспоминай об Амноне в тяжелую минуту, - закончил Ситри, исчерпав известные ему приемы утешений.

- Нет! Ни на день, ни на минуту не расстанусь с мыслью о милом Амноне! Мне сон привиделся. Сны не напрасно нам даны, они несут прозренья. Вот послушайте.

Прошлой ночью тревожно было на сердце, не спалось. Наконец, забылась. Вижу, на площади стоит царь Хизкияу в окружении своих воинов. На поясе у царя тяжелый меч. Ратники преданно смотрят в глаза своему монарху, готовы внять его слову, не колеблясь, вступят в смертный бой. Хизкияу воздел очи к небу и обращается к Богу: “Услышь и узри меня, Господи! Вот, я, царь Иудеи, оставил трон, дабы возглавить ничтожное мое войско и встать на пути ашурского владыки, у которого конников, как звезд на небе, а кольчужников, как песчинок на берегу морском. Я покидаю мою страну. Я оставляю без защиты женщин и детей, стариков и больных, вдов и сирот. Молю тебя, Господи, укрой беспомощных своим крылом, оборони невинные создания. Пусть не погаснет светильник Давида, не порушай союз с народом Твоим!” Слезы выступили на глазах суровых слушателей. Хор голосов подхватил молитву царя. Воины просят пощады родным душам.

И тут приближается ко мне всадник, и это – Амнон. Восседает на коне. Сбоку меч. В одной руке щит, в другой копьё. Спина коня покрыта шкурой льва. Глядит гордо, и лицо вдохновенно. Подступил ко мне, глаза потеплели, говорит: “Да будет мир с тобой, Тамар! Ты единственная моя, и сама смерть не разлучит нас!” Произнес эти драгоценные слова мой герой, повернул коня и смешался с прочими всадниками. А я стою, как громом пораженная, язык к небу присох, дыхание перехватило. Бойцы выстроились в боевой порядок и двинулись к городским воротам. Ко мне вернулся дар речи и я закричала в отчаянии: “Стой, Амнон, любовь моя! Не покидай невесту свою! Как смеешь нарушать устав Божий? Ведь обручен ты со мной, значит, год оружия не бери!”

Я бегу вслед всадникам, плачу, кричу: “Амнон, Амнон, не покидай меня!” Вокруг пусто, и зова моего никто не слышит. Добежала до Угловых ворот, а стражники не позволяют выйти из города. Увидела: женщины взобрались на башню. И я за ними. Страшно! С высоты гляжу на лагерь ашурский. Огромный стан, глазом не охватить. Ратники конные и пешие,

колесницы боевые. Как с такой силой совладать? А в другой стороне флаг Хизкияу развеивается на ветру. Как мало их, Сиона оборонителей!

Сошлись воины на поле смерти, начинается бой. Стук копыт, звон мечей и копий, свист стрел, стоны раненых, хрипы умирающих, и кровь, кровь, кровь кругом. Вдруг из вражьего стана раздался вопль торжества, вестник победы и знак поражения: “Царь иудейский пленен!” И защитники Иерусалима смешали боевой строй, словно овцы бросились врассыпную, себя не помня от страха. Как волки, преследуют бегущих богатыри Санхерива, как львы, грозно рычат воеводы: “Эй, сыны Ашура и Эйлама, рушьте стены, жгите город, убивайте без разбору!”

Вдруг чей-то предсмертный стон достиг моих ушей. Пригляделась – это Амнон раздавлен колесницей, затоптан копытами! К чему мне жить? Бросилась с башни вниз. И проснулась.

Пророчество и исполнение его

Дрожу всем телом, кровь в висках стучит. Сон помог понять собственное сердце. Не одну меня в Иудее гнев Господень карает, и кто нынче жутких снов не видит? Но лишь со мной и с любовью моей Бог чудеса творит: как узнали друг друга с Амноном, как полюбили, как расстались, как радовались и горевали – все сверх обычного хода вещей. Пусть явь подсказала сон, верю, чудо изменит явь! Отец, мать, все, кому я дорога! Не просите меня Амнона забыть. Милый Амнон навеки со мной. Умерший во сне – жив будет наяву. Надежда спящих – сон. По мосту его идут они к исполнению желаний. Верю в чудо! – Закончила Тamar.

- Кругом горе! – воскликнул Ситри, - повсюду картины разрушения и гибели, смерти страх леденит душу. Человек из Гиват Шауля не прибавил радости. В наше время не диво увидеть мучительный сон, быть может, не последний. Крепись, Тamar.

- О, Ситри, ты прав, – подхватил Тейман, - вступил на родную землю враг, и жернов тяжелый на сердце лег. То и дело слышу звуки шофаров – это левиты в Храме трубят во всю мочь. Стемнеет, и терзают душу мрачные сны. Днем через уши тревога вселяется, ночью глаза алкают боль.

- Что ждет нас? – вопрошает Хананель.

- Я слышал слова сына Амоца, пророка Исаяи, и проникся надеждой, - ответил Ситри. – Пророк вещал, что страшен в гнев Господь, когда судит зло. Пламя жаркое и огонь всепожирающий – вот судьба стана ашурского. Не поднимутся вражьи мечи, и копья не зазвенят. Гневный окрик проклятия Господнего оглушит нечестивую рать, и будут повержены воины Санхерива, а Сион спасен. Кратких часов, что от вечера до утра, достанет Богу, чтобы вернуть справедливость на землю, и узнает мир, какой из народов избрал себе Господь.

Тем временем, в лагере ашурском царят покой и довольство, а в стане иудейском трепещут сердца. Одни, как полные сил молодые львы, предвкушают добычу, другие, как овцы при виде хищника, готовы встретить неизбежное. Солнце сменил месяц. Он кажется красным от крови, что вот-вот прольется. Сравнить – разнятся силы противников, но мало нам скажет сравнение.

Канун праздника Пэсах. В древние времена в такую же святую ночь в Цоане египетском Господь сотворил чудеса для народа своего, рассек море и скалы. Но нет радости в радостный час. Жители Иерусалима сидят, запершись в домах, горюют. И коэны в Храме безутешно плачут, словно не верят, что радость вернется в Сион. Царь снял корону с головы, возложил на себя вретисце. Исаяя взывает к Всемогущему и молит взглянуть на обитель Его в сей горький праздник. Стоны и плач вместо радостных песен. Не нежные арфы, трубы

ратные слышны. Слезы текут, и не льется вино. Исайя молит Господа не оставить Сион на произвол Ашура, молит о новом чуде.

Господь наказующий неумолим и справедлив. Для повелевающего землей и небом невелико деяние великого владыку покарать и войско его истребить! В этот грозный час ангелы Господни вихрем пронесли на грохочущих колесницах. Меж звезд промчались, спустились вниз и стали кружить над станом ашурским. Не смертного голос звучит: впереди небесных возниц – буря, позади – пламя. Раз, другой, третий облетели крылатые кони стан Санхерива и умчались назад в межзвездную тьму. И воцарилась мертвая страшная тишина. Лагерь Ашура молчит, и нет в нем живой души. Заслуживший тяжелый бич не будет наказан слабой хворостиной.

Сладкое торжество

Лишь рассвело, а уж готовые к худшему жители Иерусалима вскарабкались на крыши и крепостные стены, глядят в сторону ненавистного вражьего войска и слышат мертвую тишину и дивятся. И вновь и вновь протирают глаза и не видят ни всадника на коне, ни лучника с колчаном, ни воина с копьем. Пригляделись - бездыханными телами усеяно поле. Возликовали люди, возвысили голос: “Спасены! Бог наш сотворил чудо, как когда-то в Египте! От утеснителей и ненавистников избавил свой народ! Радуйтесь, кто живой, ликуйте, кто может! Избавление пришло в день праздника Пэсах!”

Солнце сияет над городом Давида, и сияют, светятся лица. Счастье переполняет сердца, радость целит души. Народ воспрянул, словно больной поднялся со смертного ложа. Вдруг и голодный сыт, и хромоту палка не нужна. Общая радость чуда вершит. Кто на коне, кто на осле, кто пешком – все спешат в поверженный стан. Всяким добром нагружают подводы, набивают мешки, наполняют корзины. Тем уж не нужно, а этим – сгодится.

Награбивши вдоволь, устремились люди к Храму. И бесконечно благодарили Бога, и киноры и арфы звучали, как всегда, в святой праздник Пэсах. И веселились спасенные, у кого доставало сил для веселья.

Тамар, Тирца, Наама и Пнина поднялись на Храмовую гору. И сказала Тамар: “Бог, чудо творящий! Благодарю Тебя, Ты смилостивился над народом Сиона, вернул ему радость!” И добавили Наама и Пнина: “Бог, всемогущий! И нас, как прочий народ Иудеи, не обо йди милосердием и счастьем!” А Тирца воскликнула: “Бесконечно добр Господь к тем, кто с путей Его не сходит. Немало сынов Сиона погибло, и, с Божьей помощью, новые народятся числом больше прежнего. Верю: нам, женщинам, Бог вернет Амнона!”

Хизкияу собрал у городских ворот уцелевших пленников из земли Египетской и земли Куш, которых привел за собой ашурский царь, и с легким сердцем и пышной речью обратился к ним.

- Спасая от напасти свой народ, Господь снял с вас ярмо ашурское, и вы свободны. Люди поют славу Всевышнему, а голоса земли и Небес стократ громче людского славословия. Нам выпало увидеть сотворение чуда, а слушать о нем будут потомки. Смотрите и дивитесь, вчерашние пленники! Земля Иудеи, что столь мала, усеяна телами великих покорителей мира. Я спрошу царя ашурского: “Зачем ты, владыка народов, покусился на Сион? Страшным ночным разбойником ворвался, а взошло солнце справедливости, и поплатился за неразумную дерзость. Царства Хамат и Арпад захватил, и божества-изваяния не спасли несчастных от меча. Города Каркемиш и Кално покорил, и идолы не выручили гибнущих в огне. Поднял меч на Сион, обитель единого Бога – и не вернулся меч в ножны!” А теперь обращаюсь к воеводам Санхерива: “Искали добычи в Сионе? Стали добычей гнева Господня! От боев и славы устали, желали покоя? Вечный покой обрели! Вот судьба поднявшихся на народ, Всевышним избранный!” – закончил речь иудейский царь.

- Только Сионский Бог – истинный Бог! Он велик, всемогущ и справедлив! – вскричали в ответ освобожденные пленники. – Мир должно добывать победой. Гордись миром и пожинай его плоды, счастливый царь!

Снова Дорам

По всем царствам земли от края ее и до края разошлась весть о чуде в Сионе. И народы без устали возносили хвалу единому Богу. И чтоб снискать милость в Его глазах, окрестные цари направляли к Хизкияу посланцев с богатыми дарами. А властитель Цура, желая угодить Хизкияу, освободил сионских беженцев. Все, у кого имя иудейское, или, кто умел написать “Бог Якова – мой Бог”, все вернулись на родину.

Среди посланцев Цура и Цидона, явившихся в Иерусалим, чтобы выразить преклонение перед Господом, одарив царя Хизкияу, был и Дорам. Тот самый торговец, что когда-то взял под свое покровительство Амнона, отправлявшегося на поиски Хананеля.

Дорам навестил Иядидью и застал дом вельможи погруженным в печаль, и видит, Тамар горюет. Услышал грустный рассказ о бывшем попутчике.

- Ах, только бы вернулся Амнон! – воскликнул Хананель, - здесь дожидаются невеста, его любовь, и завещанное мной богатство, его награда.

- Я бываю во всех окрестных морях, - сказал Дорам, - и вижу, отовсюду плывут в сторону Иудеи корабли, ладьи и лодки папирусные. Это беженцы возвращаются в Сион, и ни бури восточные, ни ураганы южные не смеют им препятствовать. Попутным ветром Господь надувает паруса судов. Вот, я возвращусь в Цур, наберу товаров и отправлюсь на греческие острова. И всех, кого встречу, из торгового и морского люда, стану расспрашивать, не видел ли красивого, чернокудрого, статного юношу по имени Амнон, беженца из Сиона. Он дорог мне, как и вам: чистое сердце, золотая душа, неустрашимый нрав. Доставлю его в Иерусалим, и это будет лучший подарок твоему, Иядидья, дому! – закончил Дорам.

- Ты вознесешься в глазах Господа, если вернешь Амнона из изгнания, как когда-то вернул из Нинвэ, - взволнованно сказала Тамар и утерла слезу. – Безмерная благодарность и бесконечные благословения наши осветят твою жизнь до конца дней!

- Я сил не пожалею, а вы, друзья, молитесь вашего Бога, чтоб помог преуспеть мне. Надежда велика и основательна, ибо в эти дни благоволит Бог Сиона, идущим путями Его, - сказал Дорам.

Домашние Иядидьи напутствовали купца и одарили его щедро, и Дорам отправился в путь.

Глава 28

Обнаруженное письмо

Вот уж два месяца минуло, как волей Всевышнего покорители мира лишились жизнью, и к новой жизни восстали утесненные ими. Возродился дух жителей Сиона, лишь дух бедной Тамар сломлен. И Тейман, не находя в себе сил видеть муки возлюбленной Пнины, скрылся у Ситри на Кармеле.

Отец дал Тамар в услужение девушку по имени Поа. Чуткая Поа жалеет хозяйку и поучает ее, чтоб забыла поскорее Амнона и отдала свое сердце другому достойному юноше. “Ах, Поа, оставь никчемные увещания! В целом мире не найти замены Амнону, и не будет у меня другого. Слова твои досужие лишь сердце понапрасну бередают.” – Отвечает Тамар.

Кончилось лето, пришел месяц Тишрей. Рана в сердце Тамар не затягивается, лишь болит сильнее. То во сне увидит милый образ, то наяву померещится чудный лик. Вот проснулась и слышит, как желанный голос доносится из-за деревьев в саду. Тамар разбудила Поу и шепчет: “Прислушайся, ведь это Амнон!” Поа насторожилась: тишина за окном. “Ты обозналась, то ветер листьями играл.” – ответила.

Как-то раз увидела Тамар незнакомый пергаментный свиток. Развернула – а это письмо от Амнона из Бейт Лехема, написанное в ночь изгнания. То самое письмо, которе Иядидья утаил от дочери, щадя ее. Тамар стала читать.

Во век не забыть мне Бейт Лехем,
Здесь юность расставила вехи.
Здесь верность и смелость души
Бедный пастух и герой
Весенней счастливой порой
Явил в деревенской тиши.

Любовь окрыляет, тем горше утрата,
Простолюдина за дерзость расплата.
Клятвы прелестной голубки Тамар
Звучали в ушах так прекрасно!
Да все суета, все напрасно,
Пустое, слепого случая дар.

Всякого манит счастливая доля,
Кому выпадает – то Господа воля.
Был опьянен невесты красотой,
Надежды раскрылся цветок.
Быстро, безжалостно скошен росток
Жизни жестокой косой.

Довольно знавал судьбы перемены,
Для юного сердца нет хуже измены.
Возлюбленной голос враждебный
Ранит изнеженный слух.
Не вспрянет сломленный дух:
Настой не придуман целебный.

Готов присягнуть у Храма стены.
Знай же Тамар: виноват без вины.
Раздавлен, повержен, несчастен.
Клянусь обителью Бога,
Святая святых чертога:
К злодейству я не причастен.

Негде укрыться, везде ждет позор,
Камень на сердце, потупленный взор.

Тонкий фитиль правоты
Словно лампада без масла:
Ветер – и пламя погасло.
Не одолеть клеветы.

Померкли светила, черны небеса.
Впредь не вернуться снов чудеса.

Изгнанье слюною змеиной
Отравит, и зверя клыки,
Как лживые языки,
Убьют свирепостью львиной.

Отвергнут. Не знаю иного спасенья –
Уснуть навсегда сном вечным забвенья.

Коварная ложь, оговор, западня,
Скверны земной круговерть.
Прийди же скорее, сладкая смерть –
Побег, избавленье, броня!

Тамар дочитала письмо, отложила свиток. Странствие в глазах.

- Радуетесь Иудея счастливому концу войны. В стране нет кручины, кроме моей. К чему мне жить, если Амнон мертв? Милостивый Бог, возьми мою жизнь, и печаль покинет Сион! - восклицает Тамар. – Невыносимы для моих ушей слезы и стенания милого Амнона, - сказала несчастная, вновь взяла в руки свиток, прижала его к груди. – Любезна сердцу была родина, пока краса Амнона освещала ее. Сгинул любимый, и адской долиной обратился Сион. Недолго жить осталось, умру от горя. Хочу, чтоб земля, поглотившая Амнона, вновь разверзлась и меня приняла.

Появился Иядидья. Он слышал слова Тамар. Причитания дочери огорчили и рассердили его.

- Принято у нас, что месяц скорбит девица по смерти нареченного. Ты же, дочь неразумная, никак не уймешь великий плач свой, сердца родительские жестоко терзая, - Сказал Иядидья.

- Отец, если б не скрыл ты от меня письмо Амнона, я б уж давно была в могиле и не мучила бы своим горем тебя с матерью, - смело возразила Тамар.

Видит Иядидья, что слишком тяжелы страдания дочери. Смягчился, пожалел.

- Праотец наш Яков почитал сына Иосифа среди мертвых, а тот жив был и великие дела вершил. Не отчаивайся, надейся на Господа, дочь.

- Не жалеи и не утешай. Слова бессильны, слезами утешусь, коли смогу. Бывает так, отец, что лекарство хуже болезни, а если и лучше, то тем лишь, что действует медленнее.

Голос возлюбленного моего!
Вот он идет! Скачет он по горам,
прыгает по холмам.

Песнь песней, 2,4.

Пир у Иядидья

Было у Иядидья обыкновение, которому он следовал из года в год. В середине осеннего месяца Тишрей, за день до кануна праздника Суккот, когда, с Божьей помощью, закончены работы на токах, в амбарах и винодельнях, вельможа созывал в свой летний дом друзей и доброжелателей и устраивал пир. На утро перебирался в сукку и праздновал, отдавая, как и положено, семь дней Богу. Потом запирает летний дом и до весны жил в зимних покоях.

По установлению Господа каждый седьмой год в Иудее землю не возделывали и урожай не собирали, а брали то, что само выросло. Нынешний год был седьмым и посему скудным, но Иядидья не отступился от обычая, и пир задал щедрый, как всегда.

- Со всех концов Иудеи люди стеклись в Иерусалим, - обратился Иядидья к Тирце, - и необычайно велико ликование в столице, только в нашем доме радость с печалью пополам. Вот, я пригласил на пир цвет молодежи и музыкантов самых лучших позвал. А, главное, уповаю на благое разумение Тamar: надеюсь, девица отрешится от тоски, забудет Амнона и найдет себе пару по сердцу.

- О, это говорят мужские уста! – улыбаясь ответила Тирца, - сызвеку известно, что душа мужчины желает многих, а женское сердце верно одному. Коли женщина потеряет возлюбленного – не в силах забыть его, единственного! А впрочем, милый, хороша твоя задумка. Дай Бог тебе правоты! Если веселье в душу не протиснется, то хоть морщины разгладит.

Собрались званые гости. Ситри и Тейман спустились с горы Кармель. Авишай явился из Бейт Лехема. Наама и Пнина тут. И много прекрасных юных лиц украшают торжество.

Шофары и флейты, арфы и киноры, хоровод и пляски, песни и вино. Кто не печалится, тот весел, а кому не радостно, тот печален. Переглянулись Пнина и Тейман и тяжело вздохнули. Тamar, чтобы весельем душу не томить, ушла к себе и сладко плачет. Девушки тчатся разговорить бедняжку ей в утешение, но попусту, та лишь всхлипывает в ответ. Тирца и Наама тоже грустны.

Наплясавшись, гости расселись кружком и стали вспоминать тяжелые времена и муки, что приняли от Ашура. А потом благодарили Бога за милость и за спасительное чудо. Стемнело, и гости разошлись по домам.

Наама и Пнина остались ночевать в летнем доме. Мужчины – Ситри, Авишай, Иядидья, Хананель и Тейман – спать не улеглись и стали дожидаться рассвета, чтобы отправиться в лес и в поле и наломать миртовых и ивовых ветвей, без которых не отпраздновать Суккот.

Поа, новая служанка Тamar, как нельзя лучше оценила щедрость хозяев, отдав должное вино и яствам, и благодушные овладело ею вполне.

- Отчего, голубушка, ты убиваешься больше всех? Разве Пнине и Тейману легче, чем тебе? Что сказать о Нааме? Ведь она мать! – обратилась Поа к Тamar.

- Наама от двоих могла видеть счастье. И если один погиб, а другой цел, то горю не заполнить сердце до краев – останется местечко для радости. А у меня был один, и не стало его. Пнина вновь видит Теймана, а ко мне любимый не вернулся. Широко открыты створы Сиона, и родина рада своим возвращенцам. Лишь моему Амнону заказан обратный путь, и тяжелые засовы запирают ворота перед лицом его. Кто больше, кто меньше - люди находят усладу, а моя душа больна неизлечимо, – ответила Тамар.

Знакомый голос

С восходом солнца высыпали из домов жители Иудеи, и, верные завету Господа, принялись собирать ветви мирта и речной ивы – знаки спасения и геройства – дабы встретить праздник урожая, праздник Суккот.

Погасли утренние звезды, небо порозовело на востоке. Первые лучи дневного светила брызнули невесомым золотом на серо-синюю воду и зеленую землю. Горы расправили плечи. Деревья, трава, цветы заблестели каплями росы.

Тамар, утомленная безрадостными думами, под утро забылась тревожной дремотой. Мешаются в больной голове ночные страхи с дневными, плетут цепкую паутину небылиц и видений. Некрепкий сон, чуткий. Глаза закрыты, а уши ловят шорохи. И чудится Тамар голос вдалеке:

“О, священная гора! Вновь вижу чертог Господа, что на вершине твоей! Отсюда молитвы Сиона устремляются к Небесам. Здесь пророк Исайя, сын Амоца, постигает учение Бога великой мудростью своей – щедрый дар Всевышнего. Воздух чист, и воды светлы, и деревья свежи, и цветы и травы тянутся к солнцу, и над чудом неопишным этим звенят и ликуют голоса птиц. Я, кажется, слышу шофары левитов в Храме. Смолкните, пернатые! Вместе станем внимать звукам радости и славы!”

И полилась из Храма песня.

Славит Сион в день сей торжественный
Праздник Суккот, дар свой Божественный.

Господь учинил расправу
Над силой темной и злой,
И с громкою Богоу хвалой
Народ ликует по праву.

Навеки запомним Исайи урок,
Что преподнес нам вещий пророк.

Миг, и явился предсказанный мир!
В Храме открыты ворота,
Оставьте за ними заботы,
Спешите на радостный пир!

Народам Всевышний принес избавленье,
Бога отвергшим – позор, посрамленье.

Чертог на горе – радости место.
Юных повсюду звенят голоса,
Звуки киноров летят в небеса,
Счастьем земным сияют невесты.

Тамар пробудилась.

- Эй, Поа, - шепчет Тамар, - я, кажется, слышала любимый голос, - но он пропал.

- Мерещется тебе, госпожа, - ответила служанка, с трудом восставая от тяжелого после пиршества сна.

- Может и так, - с готовностью и обреченно заметила Тамар.

Вновь доносится голос:

“Благолепие и мир воцарились в Сионе. Изгнанники вернулись к родным очагам, как голуби в свою голубятню. Женихи и невесты, сияя глазами, глядят друг на друга. А Тамар назначена другому, и душа моя вместила всю земную печаль. Я до дна испил чашу гнева, что поднесла мне возлюбленная, а чашу спасения кто протянет мне?”

Горечь изгнания и отчаяние рабства. Жил на чужбине, а сердце рвалось назад к священным местам. Вижу дом, что выстроен для меня и Тамар. В доме этом любимая подарит ласки Азрикаму. Вот масличное дерево, и на стволе его вырезаны наши с Тамар имена. Ветер обрывает сухие осенние листья. Я – один из них. Неприкаянный, кружусь над землей. Чем жить отверженным, лучше умереть и быть схороненным под этим деревом, и пусть оно станет мне заместо могильного камня!”

Амнон и Тамар

Голос смолк. Тишина.

- Да это же Амнон! Я не сплю, мне не мерещится! – вскричала Тамар, и сердце девичье отчаянно забилося.

Тамар бросилась к двери – закрыто. Будит Поу.

- Просыпайся, скорее ключ давай, пока Амнон не успел уйти! Боже сохрани опять милого потерять!

- Ты обманываешься, госпожа, и все семейство свое благородное и благоразумное в обман ввести хочешь! – авторитетно заявила Поа, разлепив глаза.

- Давай ключ, глупая!

Поа достала ключ из-под подушки. Тамар выхватила его из руки служанки, отомкнула замок и стремглав бросилась наружу. Смотрит тут, смотрит там – нет никого. “Амнон, Амнон!” – зовет Тамар. Нет ответа. “Неужели почудилось?” – в отчаянии думает девушка. Тут из-за деревьев вышел Дорам.

“Беги, красавица, по той тропе и найдешь пропажу. А еще ждет тебя большая неожиданность. Обещай, однако, что прежде меня никому из своих ничего не скажешь. Не покушайся на мою славу: кто выкупил, того и право благую весть принести!” – крикнул Дорам.

Не дослушав и не ответив, Тамар кинулась бежать по тропе, а Дорам направился к Иядидье.

- Амнон, Амнон! – вновь закричала Тамар, увидев, наконец, возлюбленного, и бросилась ему на шею.

- Ты ли это, голубка моя чистая?

И смолкли оба, и стоят обнявшись, и колотятся сердца, и мысли бессвязные смешались в головах, и слова боятся уст. Первой заговорила Тамар.

- Прости, любимый! Правота поднялась из земли, а небо насмеялось над легковерием. Оба щедро наказаны. Пастуху причинила зло, пусть сын воеводы искупит мой грех!

- Оставь меня, Тамар, - ответил Амнон, не поняв ее слова, - забудь, дочь вельможи, простого пастуха. Любовь Азрикаму отдашь. Не ты, а я легковерен, пусть сын воеводы искупит мой грех!

- О, до сего часа никто не открыл тебе глаза! Слушай же! Азрикам – самозванец, присвоил наследие Иорама. Он – Наваль, сын негодяя Ахана. И Зимри, и Хэфер, и Букья были с ними заодно. Всех преступников поглотила земля. А ты, Амнон, ты – сын Иорама, воеводы в Иудее! Не отстраняйся от меня, милый. Мы созданы друг для друга!

Амнон стоит, как громом пораженный. Появляются Иядидья с семейством и оставшиеся на ночлег гости.

- Сын мой! – вскричала Наама и бросилась Амнону на шею, и слезы счастья покатались по материнским щекам.

- Братец любимый! – вторит Пнина.

- Сын Иорама! – наперебой восклицают Иядидья, Тирца и Тейман.

- Вернув Амнона, Господь залечил наши раны и осушил слезы, - добавил Иядидья.

- Спаситель и наследник! Стал явью мой сон, теперь могу спокойно умереть, - подал голос Хананель.

- Стал явью сон, или я сплю? – вопрошает Амнон.

- Сын воеводы! Ты больше не пастух. Ты удостоился всего, что является твоим по праву и по заслугам: возлюбленной, имени, наследия, гибели врагов! – торжественно провозгласил Ситри.

Жизнью цени любовь

Тут появляется Дорам, а с ним Иорам. Купец скрывал от воеводы до сей поры, чей Амнон сын. Дорам полагал, что если много больших радостей соединить вместе, то выйдет одна огромная радость, и она дороже.

Иорам увидел Иядидью и обнял его за плечи.

- О, Иядидья, ты истинный друг!

- Назови себя! Кто ты? – спросил в изумлении Иядидья.

Иорам снял с руки кольцо.

- Ты помнишь, что сказал товарищу своему Иораму, провожая его на войну? “Если вещь напоминает о чувстве, она бесконечно дорога для верных любящих друзей. Прими от меня это кольцо и укрепи его на правой руке. Пусть сей памятный дар хранит неколебимой нашу дружбу”. Двадцать лет я не снимал кольца. Был в плену у филистимлян, в рабстве у греков. Все драгоценные украшения утратил, а кольцо сберег. А оно – сберегло меня. Взгляну на него - и вижу родину и родных. Скажи, Иядидья, остались ли ветви у ствола, или я один в этом мире?

Амнон смотрит на объятия друзей, и вновь ему кажется, что он видит сон.

- О, Бог всемогущий! Земля возвращает своих мертвых, а преисподняя отпускает на волю призраков! – в ужасе закричала Наама.

Иядидья крепко обнял Иорама.

- Безмерно много сделал для меня Господь! Как благодарить Его? – воскликнул Иядидья,

- Да, Иорам, есть ветви у ствола. Вот Наама, любимая жена твоя, а это – ваши отпрыски, близнецы Амнон и Пнина, искупление тяжких лет. Уходя на войну, ты завещал мне соединить брачными узами юные сердца, если у одного из нас родится сын, а у другого – дочь. И вышло, что судьба благоволила нам вдвойне. – Сказал Иядидья и кратко поведал другу перипетии двадцати истекших лет.

- Любимая! Разлука тянулась бесконечно долго, но радость встречи бесконечно велика! - воскликнул Иорам, прижав к груди супругу.

- Любимый! Бог дал силы вынести все испытанья. Но прежде остановил нашу любовь на ее восходе. С полудня жизнь возобновим, - ответила Наама, утирая непривычные слезы. Затем мать взяла за руки детей, подвела к отцу.

- Муж, дорогой! Дети – награда и отрада наша. Им, юным, как и родителям их, Господь доставил немало причин силу духа проявить, - продолжила Наама.

- Амнон, я полюбил тебя на острове Кафтор. Заботился и берег, не зная, кто ты мне, сказал Иорам и расцеловал сына.

- Отец, и я полюбил тебя, тайны не ведая.

- О, Пнина, дочь! Как велика награда отцу! – с умилением промолвил Иорам, глядя в прекрасные глаза девушки.

Воевода задумался, вновь оглядел счастливые лица вокруг.

- Мое имение в Бейт Лехеме я даю Авишаю в дар за то, что сберег мне сына. Мои владения на горе Кармель отойдут к Ситри, спасшему жену и дочь. Но чем воздам Дораму, вернувшему детей отцу, а мужу – жену его? Все сокровища, которыми владею, не станут обеспечением благодарности моей!

- Я сблизил родные души, и в награду хочу, чтоб помогли мне сблизить мою душу с Богом Сиона. Только ваш Бог – истинный Бог! Он вернул мир народам. Позвольте сопровождать вас всех, когда подниметесь в Храм и станете молиться и возносить жертвы, - обратился Дорам к осчастливленным им.

- Ты наш, Дорам, ты с нами! – провозгласил Иорам, а остальные дружно поддержали, - наш Бог, Бог Якова, неизменно верный своему народу, присоединит тебя к дому праотца нашего!

И вместе с семьями Иорама и Иядидьи взошел Дорам на Храмовую гору, и все принесли благодарственные жертвы Господу. Затем собрались в летнем доме, и ели, и пили, и веселили сердца свои.

- Сбылись мои слова, сказанные двадцать лет тому назад: “И да возвратит тебя Бог с миром, а уж мы возблагодарим Господа жертвоприношениями нашими. И в этом летнем доме будем радоваться и веселиться и мы с тобой, и чада наши, и домочадцы!” - сказал Иядидья Иораму.

- Мой сон был вещим! – провозгласил Хананель, глядя на Тamar, положившей голову на плечо Амнону.

- О, как я счастлив! – воскликнул Тейман и поцеловал Пнину, - теперь уж камень в кольце навек с оправой неразлучен!

- Ты помнишь ли, милый, слова мои: “Цени надежду жизнью”? – спросила Тamar.

И ответил Амнон: “Любимая! Сбылась надежда, ибо любовь ценил жизнью!”

Cover: Egon Tschirch (1889 – 1948), Song of Songs, 1923, No.5